Министерство образования, науки и
молодежной политики Республики Тыва

Тывинский государственный университет

Институт развития национальной школы

Г.Н. Волков
К.Б. Салчак
А.С. Шаалы

Этнопедагогика тувинского народа

КЫЗЫЛ — 2009

УДК 371 (571.52)

ББК 74.65
В 67

Утверждено к печати Научно-техническим советом ТывГУ

Авторы:
Волков Г.Н. (гл. I); *Салчак К.Б.* (гл. II); *Шаалы А.С.* (введение, гл. III, заключение)

Рецензенты:
А. Б. Панькин, доктор педагогических наук, профессор;
Х. Д.-Н. Ооржак, доктор педагогических наук, профессор

Научный редактор:
В. Ю. Сузукей, доктор культурологии

Волков Геннадий Никандрович.
Этнопедагогика тувинского народа [Текст] Y Г.Н.Волков, К.Б.Салчак, А.С.Шаалы. — Кызыл: Изд.-полиграф. отдел «Билиг», 2009. — 212 с.
ISBN 9785-91178-030-2.

В монографии на основе теоретического осмысления и систематизации идей и опыта народной педагогики тувинцев обосновываются трудовое, умственное, нравственное воспитание, народные воззрения о совершенстве человеческой личности на традициях народного этикета. Представлены содержание, формы, методы народного воспитания, не утратившие своего значения и сегодня благодаря преемственности традиционной и современной педагогической культуры, практика их внедрения в учебно-воспитательный процесс школы.

Монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, для всех интересующихся проблемами развития и воспитания личности школьника.

УДК 371 (571.52)
ББК 74.65

ISBN 9785-91178-030-2

© Волков Г.Н., Салчак К.Б., Шаалы А.С., 2009
© Тывинский государственный университет, 2009
© Институт развития национальной школы, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена этнопедагогике тувинского народа — одного из древнейших тюркоязычных этносов, населяющих Саяно-Алтайское нагорье и Центральную Азию. Историческая судьба, материальная и духовная культура тувинцев теснейшим образом связаны с историей и культурой народов Саяно-Алтая и Центральной Азии. Находясь веками в дружеских отношениях, они обогащают друг друга этнопедагогическими достижениями.

Этнокультурная самобытность каждого народа становится объектом исследования многих отраслей науки о человеке, обществе и природе. В том числе и этнопедагогика, выделившись, как самостоятельная отрасль педагогики, прочно вошла в интеграционные процессы в науке и выполняет созидательную функцию в стремлении народов сохранить свою самобытность, в возрождении традиционных систем воспитания, в диалоговом сотрудничестве.

Исследование этнопедагогических традиций тувинцев актуализируется обращением к этническим ценностям воспитания как составной части общечеловеческой культуры, приобретающей глобальное значение в формировании личности как представителя родной, общероссийской и мировой культур.

Модернизация системы образования — ее вхождение в европейское и мировое научно-образовательное пространство — предполагает и соответствующую ориентацию на человека будущего — личность духовно-суверенную и социально, граждански ответственную, творчески инициативную, способную идентифицировать себя как часть этноса, Российского многонационального государства и мира, способную осуществлять деятельность в соответствии с требованиями нового времени.

Однако в условиях унифицированного содержания российского образования, когда в новых федеральных государственных образовательных стандартах не остается места для сохранения и развития родных языков, для приобщения детей и молодежи к истокам своей родной культуры, этническое возрождение может остаться без благодатной почвы — материнского языка, непреходящих, вечных, традиционных ценностей воспитания.

Чтобы не допустить угасания формировавшихся веками нравственных и духовных ценностей народов великой страны России авторы данной монографии рассматривают деятельность образовательных учреждений по удовлетворению языковых и этнокультурных потребностей обучающихся как одно из приоритетных направлений развития личности, народа, человечества в целом в XXI веке. Спасительную роль в возрождении, сохранении и развитии этнической культуры играет этнопедагогика — наука, устремленная в будущее, отражающая наиболее насущные вопросы воспитания и развития личности на педагогических воззрениях народов.

Значимость исследования этнопедагогики конкретного этноса чрезвычайно велика в связи с современной социокультурной ситуацией в целом и с особенностями и противоречиями развития нового российского гражданского общества, многонационального и поликультурного. В России насчитывается более 140 народов и столько же языков и культур. Единство и целостность России — в многообразии культур. И потому возрастает значимость для общества этнонациональной составляющей личности, проблем ее этнической и гражданской идентичности, развития толерантности, культуры межнациональных и межконфессиональных отношений, потребность восстанавливать утрачиваемую связь времен и поколений, духовно-нравственных традиций предков, преемственности в культуре.

В связи с этим возникает необходимость теоретического осмысления и систематизации опыта народной педагогики, представляющей собой совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта народа, выработанных и накопленных в процессе общественного развития. В частности, этнопеда-гогическое наследие тувинцев требует специального монографического изучения. Интерес к проблеме этнического воспитания тувинского народа обусловлен недостаточной его разработанностью.

Тувинский народ за свою более чем трехтысячелетнюю историю накопил колоссальное культурно-педагогическое наследие: и фольклорная педагогика, в которой педагогические миниатюры — загадки, пословицы и поговорки, и колыбельная педагогика, и героические сказания, в которых представлен совокупный идеал совершенного человека; и этикет, и рунические памятники, несущие уникальную педагогическую информацию; и этномузыка, как кладезь мироощущения и мировосприятия; древнейшая народная обрядность с ее молениями и ритуалами, и народное прикладное искусство, праздники, игры — все то, что исторически сохранилось в памяти народа и стало его этнопедагогическим сокровищем.

Историография научных исследований проблем народной педагогики свидетельствует о том, что изучение народного опыта воспитания как социально-исторического феномена входило в круг научных интересов педагогов прошлого и настоящего. Высоко оценивали воспитательный потенциал народной педагогики Н.И. Пирогов, В.Г. Белинский, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой и др. [124; 18; 174; 195].

Первый труд по этнопедагогике русского народа «Народная педагогика» этнографа Г.С.Виноградова, изданный в Иркутске в 1926 году, явился значительным вкладом в развитие отечественной педагогической мысли. Это он впервые вводит в научный оборот понятие «народная педагогика», которое характеризуется как «совокупность и взаимодействие народных представлений, взглядов на жизнь, на воспитание и обучение молодежи, на цели и задачи воспитания и обучения, средства и пути воздействия на подрастающее поколение» [36].

Первые публикации этнопедагогических исследований в историко-этнографической, психолого-педагогической литературе появились в 50—70 годы: В.Ф. Афанасьева (школа и развитие педагогической мысли в Якутии), Г.Н.Волкова (чувашская народная педагогика), А.Ш.Гашимова (азербайджанская на-родная педагогика), Я.И.Ханбикова (из истории педагогической мысли татарского народа), А.Ф.Хинтибидзе (идеи воспитания в грузинском народном творчестве), В.Х.Арутюняна (идеи воспитания в армянских сказках), М.Б.Гуртуевой (идеи воспитания в балкарском фольклоре и их отражение в практической деятельности народа), И.А.Шорова (идеи умственного и нравственного воспитания в адыгском устном творчестве), Б.М.Ховратовича (нравственный идеал в хакасской народной педагогике) и др. [8; 37; 53; 176; 7; 62; 199; 177].

К вопросам тувинской народной педагогики в указанный период обратился М.И.Анисов. В своей работе «Некоторые вопросы народной педагогики в тувинских пословицах и поговорках» [4] на материале поговорок и пословиц автор сумел выявить основные источники педагогической мудрости тувинского народа и доказать, что принципы, такие как при-родосообразность, учет возрастных особенностей в воспитании детей, присущи и педагогическим традициям тувинцев.

70—90 годы знаменуют собой появление научных изысканий, связанных с именем академика Г.Н.Волкова, положившего начало теоретическому обобщению и систематизации прогрессивных идей и опыта народной педагогики в фундаментальном труде «Этнопедагогика» [39]. Данный труд явился теоретико-методологической основой исследований последующих лет. Г.Н.Волков создал этнопедагогику и серьезную этнопедагогическую научную школу, подготовил научную базу национально-регионального содержания российского образования. Результаты его научной деятельности оказали значительное влияние на развитие образования и культуры народов Российской Федерации, в том числе и Республики Тыва.

Основываясь на этнопедагогической концепции Г.Н.Волкова, положил начало этнопедагогическим исследованиям в Туве К.Б.Салчак. В 1974 году своим диссертационным исследованием «Преемственность тувинских народных традиций воспитания и современной педагогической мысли» [133] он показывает педагогические возможности старых обычаев в современных условиях, определяет целесообразность идеи преемственности как условия непрерывного развития личности и народа.

В становлении и развитии этнопедагогических исследований огромную роль сыграли труды доктора исторических наук, народного писателя Тувы и этнографа М.Б. Кенин-

Лопсана — Человека-символа, сохранившего этическое наследие тувинского народа в своих многотомных рукописях и монографиях, носителя и хранителя духовно-нравственных ценностей тувинского народа [82]. Также значительное место в развитии этнопедагогики занимали работы учителя родного языка и литературы Ч.М.Чулдума [183]. Им разработаны примерные разъяснения терминов народной педагогики, программы и учебно-методи-ческие пособия.

Развитию педагогической мысли и образования в Туве; исследованиям народной педагогики тувинцев в нравственном, экологическом, трудовом воспитании; поликультурному образованию посвящены работы Л.П.Салчак [134].

В 80—90-е годы появляются новые этнопедагогические исследования О.Ч.Ондара, Х.Д.-Н. Ооржака, Т.Т. Мунзук, Г.Д. Сундуй, А.С. Шаалы [118; 120; 114; 146; 187].

В исследовании «Начальная подготовка борцов вольного стиля на основе приемов национальных видов борьбы (на примере борьбы хүреш)» О.Ч.Ондар показал историю становления и развития борьбы хүреш как средства традиционной физической культуры [118].

Х.Д.-Н.Ооржак своей докторской диссертацией обосновал теоретико-методологическое обеспечение педагогического содержания физической культуры народов Южной Сибири [120].

Т.Т. Мунзук выявлены, проанализированы и обобщены содержание, задачи и опыт тувинской народной педагогики в нравственном и трудовом воспитании в семье [114].

Предметом научной деятельности Г.Д.Сундуй являются: воссоздание целостной картины многовековой духовно-нравственной культуры кочевников; содержание, формы и методы нравственного воспитания учащихся тувинской школы; внедрение в практику общего среднего образования всего богатства традиционной нравственной культуры тувинцев [146].

Проблеме этнопедагогической подготовки учителя к нравственному воспитанию учащихся тувинской школы посвящена работа А.С.Шаалы, разработаны ее содержание, структура и методика [187].

Исследования нового времени, а именно конца XX начала XXI века, характеризуются этнокультурной направленностью на содержание, формы, методы и средства образования. Идет процесс активизации специальных исследований в области традиционных систем образования — этнопедагогики конкретных народов России. В особый ряд можно выделить фундаментальные исследования В.К.Шадрикова «Этнокультурная направленность российского образования» [196], Т.П.Петровой «Отстаивание национальной идеи: историческая этнопедагогика» [123], А.Б.Панькина «Проектирование национально-региональных систем на основе принципа этнокультурной коннотации» [122], З.Б.Цаллаговой «Этнопедагогическая афористика» [181], В.И.Матис «Педагогика межнационального общения» [103], Ш.М-Х.Арсалиева «Этнопедагогика чеченцев: в связи с проблемой общности народных педагогических культур вайнахов» [6], Н.И.Синявского «Этнопедагогика физического воспитания народов ханты и манси в современной системе образования» [141], С.П.Беловоловой «Этнопедагогическая культура алтайцев» [20], И.С.Портнягина «Этнопедагогика «кут-сюр» в воспитании и развитии личности ученика якутской школы» [126] и др. Перечисленные работы внесли значительный вклад в осмысление теоретико-методологической основы этно-педагогики.

В основу изучения этнопедагогики тувинцев, имеющей обоб-щающий теоретический, эмпирический характер и направлен-ность на решение актуальных проблем этнопедагогики, лежат историко-этнографические материалы путешественников, собирателей фольклора, ученых, посетивших Туву в конце XIX начале XX века Е.К.Яковлева, Г.Е.Грумм-Гржимайло, Ф.Я.Кона, Д.Каррутерса, Вс.Родевича, А.В.Адрианова [202; 58; 86; 80; 130; 1], также труды ученых, исследовавших традиционную культуру тувинцев в 50—70 гг. XX века: Л.П.Потапова, С.И.Вайнштейна, В.П.Дьяконовой, М.Б.Кенин-Лопсана, Г.Н.Курбатского, И.У.Самбуу [127; 33; 69; 82; 94; 135]. Проблемам традиционной культуры тувинцев в разных ее направлениях посвятили свои труды Т.Б.Будегечиева, С.М.Орус-оол, О.М.Хомушку, М.В.Мон-гуш, В.Сузукей,

А.К.Кужугет, Д.С.Куулар, З.Б.Самдан [27; 121; 180; 107; 145; 89; 95; 136]. В них содержатся ценные информации для этнопедагогического осмысления прогрессивных идей и опыта народного воспитания.

В монографии «Этнопсихология народа тыва» Н.О.Товуу раскрывается формирование этнического самосознания народа тыва [165].

Первая глава настоящей монографии, написанная Г.Н.Волковым, представляет собой теоретико-методологическую основу этнопедагогики для осмысления народной педагогики тувинского народа и вводит в предмет, основные понятия этнопедагогики, ее сущность и инварианты. В ней дается обоснование этно-педагогики как педагогики национального спасения, преемственность как основной принцип сохранения и развития традиционной педагогической культуры, без чего невозможно было бы проникнуть в прогрессивные идеи и опыт тувинской народной педагогики.

Учитывая своеобразие педагогической культуры каждого народа, с присущей ей способностью вбирать в себя, закреплять, накапливать и видоизменяться в виде знаний, орудий труда, мыслей многих поколений, в данной монографии, в первую очередь, показана преемственность народной педагогики и современной педагогической мысли, как жизнеутверждающий принцип этнопедагогики. Данная идея была воплощена во второй главе К.Б.Салчаком и показана с учетом других принципов этнопедагогики, как природосообразность и культуросооб-разность, традиции трудового, умственного в педагогических воззрениях тувинцев. В третьей главе А.С.Шаалы определена этнопедагогическая сущность этикета тувинского народа как средства нравственного воспитания. На примере этно-педагогических воззрений народа дается представление народа о нравственном совершенстве личности. Содержание, формы и методы нравственного воспитания учащихся и практика внедрения традиционной педагогической культуры в учебно-воспитательный процесс школ Республики Тыва дают возможность учителям и исследователям по-новому оценить значимость и состоятельность этнопедагогизации в системе образования. Этнопедагогизация как действенный механизм воздействия на изменение самосознания личности и этноса выступает в качестве цивилизационного способа возвращения к векам сформировавшимся духовно-нравственным ценностям почтительности, добра, взаимопонимания и толерантности.

Глава I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНОПЕДАГОГИКИ

1.1. Этнопедагогика: предмет, основные понятия, сущность, инварианты

Из всех культурных традиций, передаваемых из поколения в поколение, важнейшими являются именно педагогические. Традиционная культура воспитания представляет собой основу, стержень, ядро всякой культуры. Никакое национальное возрождение невозможно без приведения в действие традиций воспитания.

Этнопедагогикой мы называем науку, исследующую воспитательный опыт народа, его педагогические воззрения, науку о педагогике быта, о педагогике семьи, рода, племени и нации.

Этнопедагогику можно было бы в общем и целом представить, как историю и теорию народного (естественного, обыденного, неформального, нешкольного, традиционного) воспитания. Эт-нопедагогика — наука об эмпирическом опыте этнических групп в сферах воспитания и образования детей, морально-этических, эстетических воззрений на исконные ценности семьи, рода, племени, народности, нации, контроля и коррекции поведения, его мотивов внутри этноса, межэтнических оценок и поведения, отношения к природе. Этнопедагогика объясняет народную педагогику и предлагает пути ее использования в современных условиях, собирает и исследует опыт этнических групп,

основанный на многовековом, естественно развивающемся соединении народных традиций. Предметная область этно-педагогики не остается неизменной: задачи формируются и уточняются в зависимости от изменений социального заказа, связанного с движением общественного самосознания. Этнопсихология посредством анализа психологической сущности и ценностных ориентаций представителей этноса ищет совместно с этнопедагогикой пути эффективного воспитательного воздействия народной педагогики, учитывая при этом этнические эмоции, базирующиеся на традиционных канонах, иерархии, мифологии, играх и мистификациях.

Этнопедагогика изучает процесс социального взаимодействия и общественного воздействия, в ходе которого воспитывается, развивается личность, усваивающая социальные нормы, ценности, опыт, собирает и систематизирует народные знания о воспитании и обучении детей, всю народную мудрость, отра-женную в религиозных учениях, сказках, сказаниях, былинах, притчах, песнях, загадках, пословицах, играх, игрушках, в семейном и общинном укладе жизни, быте, традициях, а также философско-этические, собственно педагогические мысли и воззрения, т.е. весь педагогический потенциал, совокупный опыт историко-культурного формирования личности. Этнопедагогика аналитически представляет собой пансофическую гармонию народной педагогики.

В народной педагогике как предмете этнопедагогики следует иметь в виду аспекты: эпистемический (познание, знание, идея, мысль) и аксиологический (ценность, значение, роль, смысл). В народном творчестве это различие едва уловимо, они находятся в естественном единстве. Различение этих аспектов в их взаимодействии делает народную педагогику аналитической, в результате чего этнопедагогика становится и научным методом, и отраслью науки.

За последние более чем пятьдесят лет, этнопедагогика, возникшая как новое направление педагогической науки, развилась настолько, что представляет собой в настоящее время самостоятельную отрасль науки, объединяющую целый ряд важнейших научных знаний: историческая этнопедагогика, этнопедагогика семьи, афористическая этнопедагогика, этнопе-дагогика игры, региональная этнопедагогика, этнопедаго-гическая антропология и др. Профессор В.А. Иванов опубликовал большую книгу о немецко-чувашской сравнительной этно-педагогике, построив на огромном фактическом материале, преимущественно на немецких изданиях о чувашах, этнокультурный, этнопедагогический диалог. А чеченская этнопедагогика, которая вызывает удивление и восхищение, ибо речь идет о совершенно уникальной цивилизации, уходящей своими корнями в глубь тысячелетий и посему исключающей в своей сути терроризм!

Остановимся на конкретном представлении предмета этнопедагогики, ее проблем и наших современных поисков.

Этнопедагогические постулаты (аксиомы). Сначала определим этнопедагогические аксиомы или, вернее, постулаты, попутно обращаясь к предмету этнопедагогики, т.е. к народной педагогике и народному воспитанию.

1. Народная педагогика, как и народное воспитание, национально ориентирована: народное и национальное в данном случае тождественны, составляют синонимы. Воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более чем что-либо другое (К.Д. Ушинский). В душе человека черта национальности коренится глубже всех прочих. Чувство народности так сильно в каждом, что при общей гибели всего святого и благородного оно гибнет последним. Только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития. Народ без народности — тело без души. И у К.Д. Ушинского «народность» как духовное ядро патриотизма тождественна «национальности».

2. Народная педагогика несет в себе спасительные функции в исторической судьбе каждого народа. В СССР во время войны и сразу после войны полностью или частично было депортировано 24 народа. Они все обречены были исчезнуть, если бы не сохраняли свои этнические традиции воспитания. В то время этническая педагогика функционировала — в противовес антинациональной школьной политике, грубому дискриминационному насилию — в семьях, родах или в группах семей, связанных

родственными или дружескими узами. И это сохранило народы. Мы это учли, разрабатывая современные этнопедагогические концепции образования. Так, например, в Калмыкии введены должности бабушек в национальной прогимназии. Первые результаты были положительными. Недавно пошли еще дальше: ввели эти должности в детских садах и в некоторых школах. Это — чаще всего пожилые учительницы, владеющие калмыцким языком. Создается совершенно уникальная ситуация: вместо родного «материнского языка» приводится в действие язык посторонних бабушек, призванных возродить забытые слова и тем самым содействовать восстановлению погибающего калмыцкого языка. Уникальность ситуации в том, что у своих маленьких детей, овладевающих калмыцким языком, учатся разговаривать по-калмыцки их родители.

3. Все народы — великие педагоги, все великие педагоги — народны, что совершенно бесспорно. Этот тезис снимает с повестки дня вопрос об «отсталых в культурном отношении» народах, ибо никем не учитываются разные типы культур. У каждого и любого народа можно обнаружить великие достижения и уникальные находки. Так, например, народы Севера создали высочайшую экологическую культуру, а равновесие в природе Севера нарушили те, кто восхищается своей высокой и богатой культурой — так что применительно к народам культура культуре рознь. Пренебрежение к культуре любого из народов есть бескультурье, ибо ни одна национальная культура, пусть и самая богатая, не является самодостаточной. Национальная ограниченность в любой форме гибельна и для личности, и для народа как исторической личности.

Этот постулат можно было бы проиллюстрировать двумя столбцами примеров: первый столбец — великие педагоги, второй столбец — разные народы мира. Достаточно было бы, быть может, обратить внимание на «Застольные речи» Лютера, «Мудрость старых чехов» Коменского, Ик цаажин «бичик» Зая-Пандиты, «Лебединую песнь» Песталоцци, «Духовное завещание» И.Я. Яковлева. Культуросообразность Дистервега — разве это не обоснование необходимости опираться в национальной системе воспитания на культурные, нравственные традиции родного народа?

Во втором столбце для примера можно бы привести этно-педагогический обзор народов России, чтобы показать, что даже самые малочисленные народы — все без исключения — являются великими педагогами, по меньшей мере, для себя. К сожалению, в этнопедагогических характеристиках есть возможность привести только частные детали. Чукчи не лгут и не знают воровства, если кто-либо по незнанию их в этом заподозрит — они могут добровольно уйти из жизни. Их весенний общенациональный праздник называется «праздник честно живущего человека». О наивности, простодушии чукчей распространены сотни анекдотов. Один из них. Зимой чукча приехал в Москву в новой шубе. У лифта его останавливают два грабителя: «Снимай шубу!», чукча с недоумением спрашивает: «Что — уже лето?» Это почти с натуры. Этнопедагогическая система эвенков отличается ранним началом воспитания: трехлетнему дают нож, четырехлетнему — лыжи, пятилетнему — весло, шестилетнему — маленькую лодку из бересты ... Дети растут самостоятельные. Существует целая система раннего разнополого воспитании в тувинской народной педагогике. Трехлетняя девочка должна ухаживать за козленком, подаренным ей старшей сестрой матери во время подстригания волос, а трехлетний мальчик — за жеребенком, которого подарил ему родной дядя. Пятилетней девочке дают маленькое деревянное ведерко, чтобы она училась доить козу, а мальчику — аркан из крепкой кожи, чтоб он учился ловить им резвых телят. Известна шестилетняя хантыйская девочка, которая почти год вела все непростое хозяйство дома, когда мать, тяжелобольную, надолго положили в больницу. Ительменская мать будит утром младенца пробудительной колыбельной песней, чтобы ребенок наступающий день встретил в хорошем настроении. Юкагиры, их осталось сейчас всего-то около семисот человек, делают маленькие лучки и обучают трехлетних мальчиков стрелять по комарам. Юкагиры — меткие охотники: они попадают в глаз белке. Старик-керек — их сейчас около двухсот человек — поет свою личную песню: «Здравствуйте! Я родился ...» Воспевает свою родину, высказывает благопожелания детям, чтобы они росли здоровыми, умными, честными и добрыми.

У всех народов можно обнаружить множество уникальных педагогических изобретений-открытий. Педагогические традиции народов отличаются друг от друга, но нет в них конфликтов, а только взаимные дополнения, уточнения, коррективы или доброжелательный диалог-дискуссия.

Говоря о русской традиционной культуре воспитания, следует обратить внимание на сказки как на первые блестящие образцы народной педагогики, свидетельствующие о том, что никто не в состоянии состязаться с педагогическим гением народа (К.Д.Ушинский). Многообразная работа, проводимая с учащимися разных стран и народов, начиная со старшего дошкольного возраста до выпускного класса средней школы над сказками «Репка», «Курочка Ряба», «Колобок», убедительно показывает их невероятно широкие воспитательные возможности и свидетельствует о непревзойденности народного педагогического гения. Примеров таких тысячи.

Интересны русские старообрядцы, живущие в Туве, в селе Сизим. Они соблюдают свои традиции, с пониманием относятся к тувинцам, у них не возникает никаких недоразумений на межэтнической основе.

Далее выделим еще *четыре постулата,* которые, действительно, не требуют доказательств. Но они значимы для понимания этнопедагогических проблем — содержания науки и ее предмета.

1. Этот постулат называется «золотым правилом» этно-педагогики: без памяти (исторической) — нет традиций, без традиций — нет культуры, без культуры — нет воспитания, без воспитания — нет духовности, без духовности — нет личности, без личности — нет народа как исторической личности. Это правило требует детальной расшифровки в будущем: культура и воспитание — в центре, тем более, есть культура воспитания, которая даст выход к традициям — традиционная культура воспитания. Что же касается личности, то она и результат воспитания, и средство (личности-символы, пассионарии как пример).

2. В народной педагогике воспитатель не есть только призвание и профессия, но прежде всего и более всего — признание. Педагог, не имеющий признательных учеников, едва ли является учителем, воспитателем. Признание ученика есть для учителя высшее признание. С ним не могут сравниться никакие официальные отличия, звания, награды.

3. В современном многообразном мире, тем более, в полиэтнической стране, педагогика как подлинно демократи-ческий и гуманистический социальный феномен созидательно и эффективно может функционировать преимущественно только в качестве этнопедагогики. Это означает, что этнопедагогизация образования и воспитания все более становится одной из самых животрепещущих проблем современности.

4. Народная педагогика может эффективно действовать только как педагогика любви и свободы.

В условиях развивающейся демократии, на что мы до сих пор не перестаем уповать, обретает новое дыхание истинно прогрессивное в национальном — в рамках, несомненно, общечеловеческого.

Предмет этнопедагогики включает следующие проблемы: педагогика семейного быта; поговорки и пословицы народов мира и их значение в передаче нравственного опыта подрастающим поколениям, загадки как средство умственного воспитания; народные песни и их роль в эстетическом воспитании детей и молодежи, самодельные игрушки и творчество детей; детская и молодежная среда, ее педагогические функции; колыбельные песни народов мира как выдающиеся достижения материнской поэзии, материнской школы и материнской педагогики; об-щность педагогических культур разных народов и национальная их самобытность и др. Эти проблемы имеют прямое отношение к содержанию этнопедагогики, раскрытию которого, по сути, посвящена эта монография.

Много говорят сейчас о возрождении национальных, народных традиций, и эти разговоры не будут иметь под собой основы, если не обратиться к воспитательным традициям, ибо именно они и являются сердцевиной, ядром, стержнем всей и всякой культуры. Развитие, подъем культуры надо начинать с создания благоприятных условий для возрождения тради-ционной культуры воспитания, что является началом всех начал. В

основе всякой культуры — традиционная культура воспитания, в самом зачаточном, примитивном виде, появившаяся исторически миллион лет назад — вместе с матерью. Педагогика в контексте общечеловеческой культуры так же вечна, как и воспитание, ибо воспитание само и есть практическая педагогика.

Этнопедагогические парадоксы. Парадоксами называются потому, что они неожиданны по форме и содержанию, расходятся с общепринятыми суждениями, мнениями. Для их обоснования требуются аргументы и доказательства. Народной педагогике вообще присущи нестандартные положения и действия, а этнопедагогика как наука призвана их привести в соответствие с традициями, существующими в науке. Парадокс — уже в несколько условном, искусственном построении суждений в смысле их постоянного количества — «четыре четверки».

1. Существует только четыре подхода к регулированию межнациональных отношений: интеграция, ассимиляция, де-этнизация и истребление. Этнопедагогика делает ставку на интеграцию, диалог культур, ибо учитывает то обстоятельство, что узнать народы по-настоящему можно только по их исторически сложившейся этнической системе воспитания.

2. Человеческий организм, человеческую сущность можно было бы рассматривать как целостную взаимодействующую, взаимосвязанную систему, в которой определяющими являются здоровье, характер, психика, судьба. Самое удивительное в этом парадоксе то, что судьба выступает не как сумма предыдущих качеств, а как итоговая трансформация любого из компонентов, ибо судьбу определяет и здоровье — отдельно, и характер, и психика — по отдельности. Посылка «когда нет здоровья» (то же самое — «нет характера», «с психикой не все в порядке») приводит к сомнениям одного и того же порядка относительно заключения о человеческой судьбе.

3. Здание человеческой личности представляется как бы построенным на четырех «гранитных столбах» — самом прочном из фундаментов: наука (знание), религия (вера), искусство (красота), воспитание (любовь). Что такое воспитание? — спрашивает народная педагогика. Любовь и пример, — отвечает народный педагог. Больше ничего! — подводя итог, восклицает народный мудрец. В доме том, во «дворце личности» — «три сестрички»: духовность, нравственность, совесть.

4. Мечты, предрассудки, сновидения, воспоминания являются самыми эффективными средствами интенсификации духовно-нравственной жизни. У Данте: «Воспоминания — это рай, из которого нас никто не выгонит».

А у народа есть альтернатива: «Воспоминания — это ад, из которого никому нет выхода». Воспоминания — это богатство ассоциаций, «самовоспитание в ретроспективе» («Ах, зачем тогда?!»), сожаление, запоздалое отчаяние, раскаяние, покаяние.

Этнопедагогические критерии народного воспитания. К этнопедагогическим критериям, т.е. к отличительным признакам, своего рода мерилам оценки народного воспитания, относятся естественность, преемственность, действенность, непрерывность, полнота педагогического цикла («Каждый рождается внуком, умирает — дедом»), массовость воспитателей, целостность, комплексность подхода к воспитанию, комбинированность методов воздействия и др.

Естественностью определяется природосообразность, принцип естественных последствий. Л.Н.Толстой, создатель естественной крестьянской школы в Ясной Поляне, писал: «Вопрос не в том, как воспитывать, а в том, как жить». Он же заметил: «Величайший абстрактный философ не даст мне одной тысячной доли тех оснований, которые я найду в приемах дедов, отцов, матерей, старших сестер, братьев, соседей». Он также называл имена двух крестьян, которые, как он признавался, оказали на него несравненно большее влияние, чем все преподаватели гимназии и все профессора университета вместе взятые.

Беседы с удачливыми воспитателями редко дают конкретную педагогическую информацию. Автор данной работы как-то очень долго беседовал с матерью восьми сыновей, погибших на войне. Спрашивал: как воспитывали? Ответ: «Не воспитывали, не умели и не думали об этом, просто жили. Отец был очень хороший человек: добрый, умный, труженик, каких мало, с сыновьями все дела делал, и отдыхал с ними, любили

петь вместе ...». Еле-еле сумел записать один факт. Во время страды в поле выезжали до восхода солнца. Младшим отец стелил на ночь постель на телеге. «Под звездами поспите», — говорил он им. Утром старшие запрягали лошадь тихо, чтобы не проснулись младшие. До поля они спали, раскачиваясь в телеге, как в колыбели. Когда останавливались, младшие просыпались — и восход солнца встречали все вместе. И дружно приступали к работе.

Народная педагогика — самая естественная, самая природо-сообразная педагогика, в ней и межличностные отношения — естественны.

Естественное восприятие мира характерно для народных педагогов. Знаменитого, прославленного эвенка-охотника заставили всех семерых детей отдать в интернат. Двух сыновей он похитил из интерната и увез домой. Когда его вызвал руководитель района и призвал к ответу, охотник с грустью сказал: «Двое этих — очень сообразительные, умные, быть может, стали бы, как и я, охотниками. Остальные — тупые, пусть бы стали учеными».

Царь спросил у пастуха: «Что стал бы ты делать, если бы стал царем?». «О! — мечтательно воскликнул пастух, — Если бы стал я царем, я пас бы овец на коне ...». Похожее сказали сыну Сосо-Иосифу Е.Г. Джугашвили: «Как жаль, что так и не сумел ты стать священником» ...

В народной педагогике ощущение стабильности, устойчи-вости общества создается этим добрым, милым, конструктивным консерватизмом простых людей. Это — истинный народ, а не население.

Воспитание — категория общая и вечная. Это — не только слова, а действительность. Народные педагогические идеи сохраняются и передаются в устной сфере. Как будто это не очень-то надежный способ сохранения и передачи информации ... Но тем не менее ... В XIX веке жили дедушка и бабушка. В XX веке жили и живем мы со своими родителями, но свято храним в памяти образы и мысли дедушки и бабушки. Моя первая этнопедагогическая заметка называлась «Моя бабушка». В XXI веке будут жить внуки со своими детьми, и будут вспоминать своего деда. Так естественным образом осуществляется духовная связь трех столетий. Конечно, **для вечности маловато, но для духовного бессмертия — вполне достаточно.** Такова судьба каждого из нас. А разве о трудах многих ученых педагогов помнят более трех столетий?

Так что вечность народного воспитания — в вечных заботах, в вечной любви, в вечной памяти.

Этнопедагогические параметры народных знаний о воспитании. К параметрам народной педагогики мы относим интуицию, импровизацию, иерархизацию выводов и отношений (киргизы говорят: «И у близнецов есть старший»), инвентаризацию опыта и идей, дифференциацию (воспитание девочек и мальчиков), индивидуализацию («Каждый человек — велик, если полагает душу свою за други своя»).

Народные педагоги поражают тонким чутьем, невероятной интуицией. А на импровизации стимулируют неформальных педагогов дети.

— Папа, а мыши вредные? — спросил у меня трехлетний сынишка.

— Вредные, сынок.

— А малюсенький мышонок? ... Который, слепой и голый, посасывал, наверное, титеньки своей любимой мамочки ... А наша кошка, зверь, придушила его ... Я видел, как он умирал, шевелил ножками ...

И сын возненавидел нашу кошку. Моя импровизация оказалась слабой, беспомощной, в чем-то демагогичной. А сын более 10 лет вспоминает и не может забыть этот случай.

Буквально несколько слов об инвентаризуемости опыта народного воспитания и идей народной педагогики.

Опыт и идеи народной педагогики отражаются и сохраняются в эпизодах, ситуациях и событиях. Ситуация — это эпизод, имеющий продолжение, ожидающий решения. Событием в воспоминаниях может стать ситуативно любой эпизод, если он не уходит из памяти и в чем-то оказывает влияние на нашу жизнь — на настроение, мысли, даже, быть может, и на поступки, поведение.

Например, я все чаще и чаще начинаю вспоминать Ивана Филимонова, умершего почти семьдесят лет тому назад, в восьмилетнем возрасте, когда мы учились вместе во втором классе. Мы занимались в крестьянском доме (школе не хватало помещений). Дрова для отопления класса пилили, кололи сами, Иван работал старательнее всех. Бревна старался брать с толстого, тяжелого конца. Мало говорил, больше делал. А тут на меня производит впечатление связь неформальной педагогики с формальной, школьной.

Перед глазами — спокойное лицо учителя и его пальцы, равнодушно вычеркивающие из списка учащихся класса фамилию и имя товарища моего детства. Тогда это был эпизод, сегодня эпизод превратился в событие моей жизни, потому что во всем мире Ивана Филимонова больше никто, кроме меня, уже не знает и не помнит: все умерли ... Воспоминания — живая, задействованная память — пробуждают ответственность перед ушедшими ...

Действия в духе народной педагогики гуманны, добры, конструктивны. У Сухомлинского был случай. Умер в деревне очень уважаемый старик. Его внук, отличник учебы, пришел в школу и в день похорон. Невестка, мать мальчика, не особенно хорошо относилась к отцу своего мужа. Сухомлинский знал об этом. Он пришел в класс и со скорбью сообщил: «Умер очень славный человек ... Сегодня в нашем классе траур. Занятий не будет: все пойдем на похороны».

В опыте Сухомлинского многие особо удачные находки опираются именно на народную педагогику.

Этнопедагогические инварианты народного воспитания. К этнопедагогическим инвариантам относятся факторы народного воспитания: природа, игра, слово, дело, общение, традиция, быт, искусство, религия, пример-идеал.

Природа — это и Вселенная (макрокосм), это и человек (микрокосм). Мы говорим и о природе самого человека, мы говорим и о природе воспитания. Природа — это и двор родного дома, и цветы, посаженные ребенком. Природа Родины имеет неизъяснимую власть над человеком. Природа со всеми своими творениями и творениями человеческими составляет этнопе-дагогическое пространство.

Из окружающей природы и из природы человека вырастает чудо из чудес — игра, значение которой невозможно переоценить не только в народной педагогике, но и в человеческой судьбе. Да и в судьбе народов и всего человечества. В народной педагогике игра воспринимается как реализованная сказка, а игрушка — как ее материализация.

В начале было Слово, сказано в Библии. Родное слово, материнский язык — начало всех начал. Вовремя одной из моих лекций по этнопедагогике в университете в Регенсбурге было сказано: «От советской педагогики ничего не осталось, кроме этнопедагогики». Я возразил тогда: «А дидактика? Советская дидактика во многом задает тон ...» Меня оппоненты дружно оборвали: «Какая может быть дидактика, когда из нее вынута душа — материнский язык?!». Материнский язык — основа основ развивающейся личности. Мать несет в себе миллионно-летнюю генетическую программу человечества, важность воспитания именно в ней, а не в отце, которому всего-то шесть-семь тысячелетий, ибо он — порождение частной собственности, семьи и государства. Поэтому мать, лишившая своего ребенка родного языка, духовно порывает с ним, что в последующем развивает в нем комплекс человеческой и этнической неполноценности, ибо только биологический ребенок матери, духовный пасынок, приемыш или дитя, оторванное от родного народа и отданное на воспитание другому народу. В результате деэтнизации человек, теряя лучшие черты и свойства родного народа, взамен не приобретает ничего. В народе говорят: «Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала». Нет полноценного воспитания вне сферы духовной культуры родного народа.

Постичь глубины материнской педагогики, разгадать ее тайны очень и очень непросто. У каждой матери есть что-то свое, ею найденное, изобретенное, прочувствованное... Именно прочувствованное и составляет особенный фонд ее педагогики, эмоциональный, так сказать, фонд. И фон — тоже. Ключ к педагогическому новаторству – у матерей. И к педагогике сотрудничества — тоже.

Как же суметь представить аналитически чувства матери, не всегда контролируемые рассудком? Как проследить переходы от одних чувств к другим, от них — к мыслям и наоборот? Многое здесь едва уловимо, порою и неуловимо... Оттенков разных — множество.

Думаем, что в мире не существует матери, о которой нельзя было бы написать книгу. Большую и интересную.

Материнская педагогика поражает многообразием методов, приемов, средств, случайных находок. Сколько замечательного, бесценного исчезает бесследно!

Попробуем, однако, проследить за материнской педагогикой в действии по ее движущим силам, факторам. Их, действительно, можно разглядеть. Это СЛОВО И МЫСЛЬ, ДЕЛО И ДЕЙСТВИЕ, ОБЩЕНИЕ, ОБЫЧАИ, ПРИМЕР. Быть может, можно назвать еще что-то? Вдруг подскажут сами матери.

Родной язык именуется материнским. У целого ряда народов учебные (школьные) книги так и озаглавлены – «Материнский язык» (по-тувински төрээн дыл).

Мать произносит потешки, поет колыбельные, рассказывает сказки, то и дело загадывает загадки, употребляет пословицы, поговорки... Более того — учит даже считалкам, жеребьевкам... Ни одного абстрактно-назидательного слова. Материнское слово мелодично, песенно, музыкально, подвижно, поэтично, мудро. Едва ли все это доступно вполне яслям, школам, отцам...

Матери важен и стиль отношений, и тон обращения. Сила матери как воспитателя — в непосредственном, каждодневном, ежеминутном воздействии на чувства и сознание. В постоянном ее личном присутствии. И это начинается не с молоком, а гораздо раньше, с кровью, во плоти... Мать не может быть «заочницей» в отношениях с детьми.

В матерях мне нравится доверие к силам ребенка, оптимистическая гипотеза, учет «зоны ближайшего развития», смелый взгляд в отдаленное будущее. Меня очаровывает также забвение матерями возраста своих детей. С одной стороны, с малыми детьми они ведут очень серьезные беседы о жизни, с другой стороны, к старым своим детям обращаются как к малым. Как будто бы для матери возраста ее детей не существует.

Девяностолетняя бабушка придерживала лестницу, помогая шестидесятилетнему сыну, ремонтирующему ворота. И советовала сыну быть осторожным, чтобы тот не ударил молотком по пальцам. То ли это любовь, не проходящая, не уменьшающаяся, то ли что-то другое...

Быть может, ответ можно найти у Василия Шукшина: «Зря все-таки воскликнули: «Не жалеть надо человека!» ... Это тоже от неловкой весьма горделивой позы. Только ведь уважение — это дело наживное, приходит с культурой. Жалость — это выше нас, мудрее наших библиотек... Мать — самое уважаемое, что ни есть в жизни, самое родное — вся состоит из жалости. Она любит свое дитя, уважает, ревнует, хочет ему добра — много всякого, но неизменно, всю жизнь — жалеет. Тут природа распорядилась за нас». Материнское воспитание на всех уровнях, по всем направлениям не исключает этой жалости, составляющей, быть может, самую суть любвеобильной матери.

Как будто зов души, ее порывы предопределяют действия матери... Но есть в материнской педагогике свои незыблемые принципы, правила, положения. О них матери всегда помнят. Например...

Посчастливилось беседовать с Липой Тимофеевной Гагариной, прислушиваться к тому, что она говорила не мне, а другим. Все это потом я находил в статьях, книгах.

«Прежде всего, ценим мы трудолюбие. Я сама всю жизнь работала. И пахала, и сеяла, и бороновала, и заведующей фермой была. Труда никогда не боялась. И детей старалась этому научить. Юра, он тоже с самого малолетства очень трудолюбивым был. И в поле мне всегда помогал, и по дому тоже. Эта привычка к работе ему на всю жизнь пригодилась».

Это я вычитал в «Неделе». Но в точности то же самое слышал от матери космонавта и собственными ушами. «На семье все наше государство держится. В семье человек всю первую жизненную науку проходит. И если семья крепкая и спокойная, если между родителями разлада нет, дети вырастут тоже хорошие».

И это я слышал.

Анна Тимофеевна говорила также о честности, доброте человеческой.

Вел я записи и за Татьяной Николаевной Николаевой – колхозницей из деревни Изедеркино Чувашской АССР. Умерла она в возрасте моей бабушки – 92 лет. Беседовал с ней и незадолго перед смертью. Восемь сыновей проводила она на фронт. Один закрыл телом амбразуру, другой стал Героем Советского Союза за форсирование Днепра.

У осетинов с молоком матери впитывается уважение к старшим, охранение седин старейшин от поругания. Помню, какое впечатление на меня произвело услышанное от одной матери (пусть сохранится имя ее – Анастасия Дзаболоевна): «Старший чихнул — младшие должны подняться в знак уважения». Малым детям внушалось что солидно, серьезно, весомо. А вот старушка-мать наставляет взрослого сына – в контексте это очень впечатляет: «Даже врагу своему будь правдивым свидетелем...».

Материнский язык... Слово матери... В Москве я видел, как татарка-мать укладывала свою дочь русской колыбельной песней. Услышал я и сказку на родном языке из ее уст — мне перевели. Сказка называется «Ум и счастье». Счастье без ума невозможно, глупость все может разрушить. Ум — старший брат счастья. «Будь умницей, доченька», — назидание из уст матери совсем не казалось обнаженным. На меня произвело неизгладимое впечатление обучение ребенка элементам речевого этикета родного народа, несущего в себе огромный заряд убежденного, аргументированного зова к взаимному уважению, доброжелательности, благородству, чувству чести... Я познакомился с одной единственной ингушской семьей в Чебоксарах. Дети говорят, поют, читают, пишут по-ингушски.

— Трудно было, наверное, сохранить язык в таком окружении?

— Трудно быть матерью, — последовал ответ. — Но какая же я мать, если даже языка материнского своим детям не передам? Что я — мачеха? Чему же тогда их научу?

Родилась в Чебоксарах Дина — это уже четвертое поколение татарской семьи, но материнский язык незыблем. Да еще может перевести — помочь детям чувашей, потерявших материнский язык во втором поколении. Да здравствует родной язык! — это действует завет Габдуллы Тукая.

В России, к сожалению, до сих пор имеет место игнорирование в школьном обучении родного языка, к сожалению, в существенной части сохраняется и дискриминация. Едва ли есть смысл закрывать глаза на то, что в целом ряде республик национальные языки лишь де юре провозглашены государственными, а к превращению их в государственные де факто ни шагу не сделано. Поэтому мы очень высокого мнения о конструк-тивной концепции И.В. Бестужева-Лады: «Представляется целесообразным изучение местного языка во всех русских школах тех субъектов Федерации, где он является официальным (государственным), таким образом, чтобы школьник легко мог усвоить те несколько сот слов, которые необходимы и достаточны для общения на бытовом уровне, а также, возможно, еще две-три тысячи слов, которые достаточны для понимания общей текущей печатной информации». Мы думаем, что в числе нескольких сот слов на первом месте должны быть два десятка слов приветствия и благодарностей. Действительно, у культурных людей вызывает недоумение, граничащее с возмущением, когда русскоязычные за многие годы не могут усвоить двух-трех слов привета и благодарности. Наверное, это происходит не столько из-за малых способностей, сколько из-за малого уважения к народу совместного проживания. В стране еще совсем недавно имели место грубые, в том числе и телесные наказания детей в детских садах за разговор на родном языке. Руководители нерусских школ, сумевшие отменить преподавание материнского языка, якобы по желанию родителей, удостаивались высших правительственных наград и высоких почетных званий.

Десятки народов теряют язык, и это трагично. Кое-где делаются отчаянные попытки восстановить, возродить, сохранить, развить язык. В Калмыкии в детских садах введены должности бабушек, они обучают детей языку и обычаям. Дома маленькие дети становятся учителями языка у своих родителей, большинство из которых потеряли язык из-за депортации, ссылок и преследований. Вероятно, это — уникальнейший случай за многие века человеческой истории.

Особо обратим внимание на невероятном богатстве народной педагогики словесными методами воспитания. Среди них есть методы и нравственного возвышения, есть и — подавления. Есть рассчитанные на воздействие на чувства и сознание, есть и — на регулирование поведения. Назовем очень незначительную часть словесных методов воспитательного влияния: убеждение, разъяснение, приказ, поверье, поучение, назидание, пожелание, просьба; совет, намек, одобрение, благодарность, обещание, осуждение, обсуждение, угроза, упрек, укор, уговор, зарок, запрет; благопожелание, обет, завет, благословение, клятва, завещание, проклятье; раскаяние, покаяние, заклинание, заповедь, проповедь, исповедь и др. Из словесных методов народного воспитания многое функционирует только в неформальном общении, в семье, среди близких и родных.

Во всех других факторах народного воспитания дело (действие, деятельность, труд), общение, традиции, быт, искусство, религия, пример-идеал — определяющей является любовь. Ведь в народной педагогике воспитание определяется очень просто: Что такое воспитание? Пример и любовь. Больше ничего!

Из религии мы берем очень много чисто светской информации, связанной с любовью. «И прежде всего, сохраняйте непреходящую любовь друг к другу, ибо любовь покрывает много грехов» (апостол Петр). Любовь как цветы нравственности, любовь — вечная красота и бессмертие. Владение даром любви есть высшая добродетель. «Вы должны вести жизнь, исполненную любви. Тот, кто не любит, остается мертвым» (апостол Иоанн). Последняя заповедь Христа ученикам актуальна для любого учителя: «Любите друг друга. Вы должны любить друг друга точно так же, как я вас любил. И если будете любить друг друга, то всякий будет знать, что вы мои ученики».

В народной педагогике общепринято: любовь — самое конструктивное, самое созидательное в человеке, она самое надежное средство спасения человека от дурного. Если, например, зависть — самая страшная и самая разрушительная из низменных страстей человека, то любовь — самое возвышенное и самое созидательное из самых благородных человеческих свойств.

Буквально несколько слов об итоговом факторе народного воспитания — примере-идеале, в котором суммируются все предыдущие факторы, ибо пример-идеал есть и в природе, и в игре, и в слове, и в общении, и в других факторах. Пример-идеал проявляется в идеях-символах, в личностях-символах, в событиях-символах. Есть общие символы, есть и частные, личные. Есть национальные святыни, есть и семейные. Сказки, стихи, песни могут быть глубоко личными, личностными и иметь сугубо интимно-проникновенный характер. Земледельческому гимну чувашского народа, например, почти две тысячи лет, он призывает к объединению. Это — для каждого чуваша до сих пор священная песня. Он стал гимном движения «Чувашский национальный конгресс».

На других факторах нет возможности останавливаться. Однако необходимо особо подчеркнуть, что ничто так не скрепляет народ, как традиции: народ остается народом благодаря своим традициям.

Наконец, последнее ... Современное функционирование народной педагогики как феномена демократии и гуманизма. Народная педагогика незыблемо сохраняет свои позиции в семьях — и в дошкольном, и в младшем школьном воспитании. Пестушки, потешки, колыбельные песни, прибаутки, сказки, загадки, пословицы, поговорки — очень эффективные этнопедагогические средства.

Поразительны по своему значению пословицы и другие народные афоризмы, являющиеся по сути своей «моделями воспитания», а по результатам, быть может, и моделями поведения.

Касаясь характера народных афоризмов, хотелось бы особо отметить, что потребность точной передачи информации выработала наиболее оптимальные средства выражения мыслей. Для облегчения восприятия и хранения в памяти коллективный ум народа зашифровал информацию наиболее экономичным кодом. Этим и объясняется, что каждая пословица содержит в себе огромное количество информации. Мысль, информация упакована здесь необычайно плотно. Это обстоятельство, с одной стороны, облегчает восприятие и запоминание, но, с другой, — оно затрудняет расшифровку, смысл может

истолковываться во многих вариантах. Прямолинейная интерпретация народных пословиц не только нежелательна, но и вовсе неприемлема. Порою смысл их зависит и от обстоятельств, в которых они используются, от связи с другими афоризмами, и даже от тона, с каким они произносятся. Удивителен тон народных изречений. Даже произнося их про себя, слышишь голос народа — то добродушно-лукавый, то доброжелательно-иронический, а то и грозно-суровый, доходящий порою до проклятья.

Поэтическая, афористическая форма педагогических знаний народа является результатом естественного отбора средств оптимальной передачи информации. Потому и представляется, что в творения, в мысли народных педагогов вложена такая энергия, что она излучается и поныне. Удачная, правильная интерпретация педагогической мысли, сосредоточенной в пословице, зависит от того, располагает ли человек ключом, достаточно адекватным и гибким. Чтобы разумно расшифровать информацию, закодированную в пословицах, необходимо пользоваться не только формальной логикой, но и менее точной, вероятностной.

Эффективность педагогических выводов народа — результат отбора и фильтрации мысли из бесчисленного количества педагогических поступков. Преимущество этнопедагогического подхода именно и состоит в том, что он имеет дело с обобщениями колоссального числа отдельных поведенческих актов, направленных на достижение педагогических результатов, что даже и не снится педагогу-экспериментатору. При том поведение целого народа берется во времени, измеряемом в больших исторических масштабах. В этом — безусловное количественное превосходство этнопедагогического подхода. В конечном итоге происходит переход количества в качество, что конкретно проявляется в высоком уровне объективности педагогических выводов народа, в их убедительной силе. У меня на этот счет есть эссе, посвященное немецким народным пословицам, называется «О чем молчит пословица?» Академик Б.Т. Лихачев, выступая официальным оппонентом по докторской диссертации З.Б. Цаллаговой по афористической этнопедагогике, особо отметил: «Огромное значение в национально-ментальном воспитании, наряду с овладением культурой языкового мышления и выражения, имеет народная афористика, фольклор, воплощающиеся, прежде всего, в пословицах и поговорках. Эти перлы этнической народной мудрости сформировались и откристаллизовались в потоке народного общественного мышления, общения, быта, трудовой деятельности, эстетического творчества и представляют собой алмазный и золотой фонд, сокровищницу интеллектуального богатства, величайшее достояние нации. Знание и практическое владение народными афоризмами организует мышление, делает его лапидарным, четким, содержательным, ясным и интеллектуально, эмоционально глубоко проникающим в сознание и душу собеседника». Выдающийся ученый, многие свои концепции строивший на этнопедагогической основе, полагал, что вооруженность пословицами и поговорками позволяет человеку в процессе общения и творчества избегать растерянности, не терзаться и не мучиться в поисках доморощенных доводов и определений, сохранять энергию мозга для иных творческих поисков новых решений там, где в них действительно есть нужда. Б.Т. Лихачев эту идею развил дальше и отразил ее более основательно в своей замечательной книге «Социология воспитания и образования». Он полагал, что народные афоризмы, за которыми стоит опыт многовековой народной мудрости, повышают культуру повседневного общения, делают доводы и аргументы участников дискуссий, споров, обсуждений более яркими, вескими, убедительными. Как завещание звучат его мысли: «В современных условиях в целях возрождения национального народного духа в русской школе мог бы быть введен для изучения, обязательного освоения специальный предмет народной афористики».

Как мы уже отмечали, пословицы поражают невероятной плотностью информации, в них интеллектуальная сила человечества напоминает энергию атомного ядра. Именно благодаря присутствию пословиц оживает нравственная идея и в песнях, и в сказках, и в притчах ... А приметы, запреты — откуда они? Они все — из пословиц, и все они — в пословицах ...

В народных афоризмах ситуативные оценки — высочайшей точности, интеллектуальное золото высочайшей пробы ... Опыт народной педагогики можно инвентаризовать в эпизодах, ситуациях, событиях. Однако конкретное их возрождение возможно только на основе афоризмов, которые служат своего рода вехами и в теоретических мыслях, и в практических действиях. Этнопедагогические реконструкции едва ли были бы возможны без непревзойденных образцов интеллектуальных, эмоциональных экспрессий в виде афоризмов.

В народных пословицах и поговорках сохранились вечные вопросы, цели, задачи, проблемы, ценности. Они комментируют, разъясняют, объясняют самые сложные вопросы народной жизни. Они требуют, призывают, взывают ... Они и напоминают о многом, постоянно апеллируя к чувствам, памяти, совести. В них много неожиданного, парадоксального, в них — советы, рекомендации. В них можно услышать и тон общественного приговора. Чуваши, например, говорят: «Мужчина, обидевший женщину старше себя, — не человек, а человек, обидевший женщину младше себя, — не мужчина». У этого народа есть и афористическое благопожелание: «Нет ласковых слов — молчи!».

Б.Т. Лихачев был очарован чувашскими афоризмами: «Творец выдумал муху, чтобы чуваш долго не спал. Женщину будит петух, мужчину — муха, детей солнце. У чуваша есть три чуда-сокровища: мед, молоко, хлеб. Мед — это все цветы страны, молоко — все травы родины, хлеб — все зерна, все тепло родной земли, вся родная земля сама». Притчи это или афоризмы? Как бы то ни было, они мудры, лаконичны, поэтичны, они очаровывают высочайшей духовностью. Если мечты, предрассудки, сновидения и воспоминания являются наиболее эффективными средствами интенсификации духовной жизни, то надо иметь в виду, что их реальное функционирование полностью во власти народных пословиц.

Не перестаю удивляться мудростью тувинского народа. В живом голосе народа слышится многовековое назидание. Вот художественно-эстетическое осмысление природы: «Үннүң чаражы хекте, үнүштүң чаражы чечекте» — нет голоса красивее, чем у кукушки, нет растения наряднее, чем цветок [94, 88]. В загадке «Хүн адалыг, чер иелиг, суг угбалыг» — солнце — отец, мать — земля, вода — сестра показаны основные условия роста растений через термины родства [94, 157]. Пословицы выражают доброе отношение к коню: «Аъды чүгүрүк мактадыр» — добрый конь славу прибавляет. «Кыс этке ынак, оол аътка ынак» — девушка любит наряд, парень — коня [94, 158]. В пословицах отец и конь всегда рядом, неразрывны: «Ада чокта эш чок дег, аъды чокта бут чок дег» — без отца, как без друга, без коня, как без ног [94, 161]. Родина, родная земля воплощены в интернациональных по сути образах гнезда птицы, матери и колыбели: «Куш уялыг, кижи чурттуг» — у птицы — гнездо, у человека — родина, «Өскен чери — төрээн ие, өскелернии — соңгу ие» — родная земля — мать, чужая земля — мачеха. Народ осознает себя, как социальное целое «Чаңгыс кезек от болбас, чаңгыс кижи кижи болбас» — одно полено — не костер, один человек — не народ. Свою силу видит в единстве «Чаңгыстың шаа чок, көптүң күжү улуг» — в одиночку слабы, вместе — сильны; «Дамырактар чыылгаш хем болур, тарамыктар чыылгаш, күш болур» — ручьи сольются — река, люди соединятся — сила. В тувинских пословицах всегда присутствует жизнеутверждающая идея народа, его прозорливость, жизнестойкость и социальная мудрость «Чоннуң көөрү — шолбан караа» — ум народа ясен как утренняя звезда; «Тайып ужар, даныып турар» — поскользнувшись — падают, оперевшись — встают. А народные песни! В них величавость, дружелюбие, доброта, милосердие, взаимовыручка, гордость за свой народ: «Силер турда, бодум-на чоргаар, үнеримде, киреримде» — когда вы здесь, и сам я горд, уходя и приходя [94, с.187, 188,).

Как отмечает Г.Н.Курбатский, тувинцев отличала большая родственная привязанность, во многом сохраняющаяся и до сих пор. О родственниках никогда не говорили плохо. Связь с родней делает человека сильным, уверенным в себе: «Зверь в беде к тайге мчится, человек в беде к родне тянется», «Большой палец к ладони жмется». Но и требования к родне предъявлялись высокие: «С плохой родней — аалу позор».

Я всегда восхищался и восхищаюсь глубиной педагогических взаимоотношений родителей и детей тувинцев. Бывал я в многодетной семье Маржымала Ондара, искусного мастера тувинских национальных инструментов и исполнителя горлового пения, где «слово матери уважают, а отцово запоминают», где пример родителей превыше всего. В отце большого семейства, в его неторопливой речи чувствовался характер — защитника своего дома, детей и супруги. Тувинцы никогда не бьют детей, считают их главным богатством, любят их и ласкают: «ребенок на ласку отзывчив». В многодетной семье реализуется естественный народный метод — взаимовоспитание: «У старшей сестры научишься, у младшей сестры понежишься».

В благословении в честь праздника подрезания волос трехлетнему ребенку мы видим воплощение идеи совершенства человеческой личности в народной педагогике тувинцев:

Пусть будет непобедимым в спорах,
не знает поражения перед теми, кто имеет лопатки
(имеется в виду в национальной борьбе «хүреш», пусть побеждает).
Пусть будет много детей, пусть будет тьма скота.
Пусть будет мудрым и умным.
Пусть будет славным, пусть будет благородным,
Пусть будет скромным и счастливым!

Жизненные потребности, исторические обстоятельства, общественные условия породили мудрые народные афоризмы. Тысячелетние достижения человеческого духа сохраняют свою непреходящую ценность, причем сокровища любого из народов обогащают общечеловеческую духовную сокровищницу. И в настоящее время в освоении духовных приобретений прошлых поколений дети народов выступают как дети человечества.

1.2. Этнопедагогика как педагогика национального спасения

Человек входит в человечество через национальную индивидуальность: другого входа нет. «Национальный человек — больше, чем просто человек, в нем есть разные черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные. Можно пожелать братства и единения всех народов земли, но нельзя желать, чтобы с лица Земли исчезли выражения национальных ликов, национальных духовных типов и культур». К мысли Н.А. Бердяева мы подходим несколько с иной стороны. Мы уверенно полагаем, что этнопедагогика как сумма этнических педагогик, как совокупность национальных систем воспитания несравненно больше, чем просто педагогика. Национальное воспитание, творящее национального человека, — конечно же, больше, чем просто воспитание, в нем, национальном воспитании, есть разные черты воспитания вообще и еще есть черты национально-региональные, национально-этнические, далеко про-стирающиеся за пределы просто воспитания.

Поэтому этнопедагогика гораздо больше, чем просто педагогика. Да, потому что это — педагогика полиэтнического человечества, ориентированного на всемирный, вселенский диалог культур. Там, где не справится педагогика из-за узости, быть может, территории или из-за ограниченности пространства, этнопедагогика непременно найдет решения и подходы, и методы, и формы, и приемы... Она никогда не будет жонглировать малозначительными, но многозвучными понятиями и терминами... Сейчас много говорят о поликультурном воспитании, но оно невозможно без этнопедагогического диалога культур. Педагогика сотрудничества, личностно-ориентированная, синергетика, моделирование, технология, механизмы.... И еще многое другое.

Потрогать бы, однако результаты? В личностной ориентации кто пошел дальше Сократа — познакомиться бы... Кому известны модели лучшие, чем они завещаны Коменским и Локком?.. А педагогика сотрудничества? Нам надо погнаться и догонять Корчака, Френе, Фрейре, Нилла.... Однако за гениями не угнаться. Читать-перечитывать

бы их и, прокомментировав, после долгих размышлений приступить, наконец, к делу, заняться практической педагогической деятельностью.

Ренессанс в образовании в Якутии — это этнопедагогический ренессанс. В 1993 руководители ЮНЕСКО — на уровне первых лиц — отметили, что они в сельских школах увидели спасительный для национальной школы этнопедагогический триумф. В Якутии этнопедагог — высшее признание. Сын очень хорошего учителя, всемирно известный хомусист — виртуоз П.П. Оготоев — выпустил олонхо-героический эпос «Элес боотур», исполненный в свое время отцом П.В. Оготоевым. Как представляет сын своего отца? Выдающийся якутский олонхосут, тойуксут, поэт, прозаик, фольклорист, заслуженный учитель ЯАССР, отличник народного образования... Далее как итог, как заключительный аккорд — этнопедагог... В Якутии это означает высший, высочайший статус педагога. Перефразируя вышесказанное, можно повторить: этнопедагог — это гораздо больше, чем просто педагог.

Петр Васильевич Оготоев умер в 1977 году и не знал, что он этнопедагог и тем особенно велик, бессмертен. Сын об этом рассказал всему миру, издав книгу отца в богатом, подарочном оформлении на якутском, русском, английском языках (кстати, первый Президент Республики Саха М.Е. Николаев специальным Указом английский язык провозгласил третьим государственным языком республики наравне с якутским и русским).

Сын великодушно привлек и меня к признанию отца этно-педагогом. Для меня это высокая честь. Представил это я следующим образом: «У каждого народа есть свои символические святые. Трижды три святыни якутов всегда я представлял в гармоническом единстве: 1) сэргэг чорон, хомус; 2) олонхо, ысыах, осуохай; 3) конь, олень, стерх.... Все они дают прямой выход к богатейшей духовной жизни народа — к языку, истории, традициям. Каждой святыне можно было бы посвятить многие тома. Однако Олонхо все оживляет, оно и сердце, и сердцевина этой гармонии. Потому я уже четвертое десятилетие убежденно утверждаю, что Олонхо — величайшее творение якутского ума, гениальное явление мировой культуры». Чего будем таить — и сын этнопедагога Петра Оготоева, тоже Петр, и тоже этнопедагог, причем весьма масштабный.

В Якутии проходят конференции, научные сессии, семинары, курсы, симпозиумы по этнопедагогике. Издаются многочисленные книги. В библиотеках на них — наибольший спрос. Открыт огромный этнопедагогический музей. Издана первая монография об этнопедагоге К. С. Чиряеве, чьи все пять детей педагоги-новаторы, директора школ — называют себя этнопе-дагогами. Да не просто называют — таковые они и есть в действительности в теории и на практике.

Этнопедагогика, только этнопедагогика обеспечивает успех национальной школе, национальному воспитанию, национальному подъему, национальному успеху. Тому пример — не только Якутия и Калмыкия, но и Башкортостан, Татарстан, Бурятия, Тыва, Северная Осетия-Алания...

Как нетрудно было заметить, этнопедагогика — автобио-графична, личностно ориентирована. Дитя народа, родившееся от нормальных родителей, непременно оказывается в доброй власти или в крепких объятиях этнопедагогики. Иначе быть не может, ибо этнопедагогика — это образ жизни, стиль поведения, характер мышления, кодекс нравственности, ибо этнос — это не только народ, но и род, семья, дедушка, бабушка, отец, мать, братья и сестры, ближние и дальние родственники, друзья, товарищи, односельчане... Словом, все человечество или наиболее значимая часть его. Весь мир, великий Космос Мыслящий, живой, Ноосфера. Звезды, ласково подмигивая, светят нам. Они тоже детали этнопедагогического пространства. И вот мы... Мой род. Моя семья. Хоть верьте, хоть не верьте, я от бабушки слышал: «Поверь, Отчизна там, где любят нас».

Бабушка была неграмотна и не знала о существовании Лермонтова.

Хвала любви, хвала богам!

Тоже от нее, хотя слова вроде бы не ее. Однако, имя Пушкина в 1937 году ей стало известно. Но кроме «Зимнего вечера» на чувашском, ничего другого не знала. Узнав о моем изгнании из Чувашской Республики, отец мой, учитель математики, прошептал:

«Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду, как свободой».

И умер. Не выдержало любящее сердце, треснуло. Кажется, называется инфаркт.

К чему эти экскурсы? Вся поэзия, вся литература, все, что есть лучшего, прекрасного в мире, — во власти этнопедагогики. Там, где есть ребенок («младенца милого ль ласкаю»), человек, мать, любовь — тут же рядом находится этнопедагогика. И трепетное отношение к ней становится нормой, потому что она — часть души любящей.

Этнопедагогическое осмысление литературы, особенно, быть может, поэзии, могло бы остановить войну в Чечне. Да и не началась бы она. Вспомните Бульку и его гордое восхищение мудрым, добрым другом Хаджи Муратом.

Воздух так чист, как молитва ребенка. А это — «Синие горы Кавказа» опять же Лермонтов, «Пожар» Валентина Распутина — великое этнопедагогическое пророчество-предостережение: наступят перестройка, реформа — наподобие войны против братьев, наподобие массового разбоя, террора... Вспомните эпиграф к «Пожару».

Две заключительных главы «Тихого Дона» (четвертая книга) Михаила Шолохова, учителя начальной школы, деятеля ликбеза, — жгучий, взрывной материал для этнопедагогической монографии (только надо бы постараться уложиться в один том в полтысячи страниц, ибо ассоциации уведут во вселенную...).

Этнопедагогика — и аксиология, и эпистемия, всеохватна, всеобща, универсальна, вечна. Как и воспитание. А воспитание — это духовная Вселенная. Оно мое. Все, что есть лучшего во Вселенной, в человеке, особенно в детях сюда, сюда, в этнопедагогику. Зову вас, друзья, сюда — соберемся вместе... в согласии и любви.

Существует более ста определений человека, не меньше воспитания, что же касается меня, то я всю жизнь руководствовался простым житейским этнопедагогическим определением. Что такое воспитание? Пример и любовь. Больше ничего!.. В этом определении есть все — сущность, содержание, цель, методика, технология... И ответственность. Дезавуирование положительного примера приводит к победе отрицательного, или, по меньшей мере, отмене его, что означает гибель воспитания. Личного примера мало, необходимы событийные личности, личности-символы. У нас, чувашей, личностью-символом стал еще при жизни космонавт Андриян Николаев. Не обойден чувашский народ ни героями, ни гениями. Сын нижегородского священника, Еремей Рожанский, первый учитель Никиты Бичурина, личность-символ. Его учебная книга — событие-символ. Основная идея этой книги — опять любовь — «Чуваш очень любит свою жену» — идея-символ; его последними словами, не раз повторявшимися устно и письменно, были: «Пожалуйста, ради! вечной памяти нашего Аттилы!». Эти слова сделали вождя гуннов чувашским символом, что подтвердил в своем высокопоэтическом романе «Великий гунн Аттила». В.И. Железнов юноше Аттиле приписывает слова: «Умный тот, кто конем и собой правит, и другого на разум ставит». А вот В.И. Железнов вычислил, высчитал ему, я верю в слова: «Любовь годов не считает. Сердечные порывы, как степной ветер. Он дует зимой и летом».

Еще одно звено в цепи символов. Гений гения видит издалека. Гениальный математик и педагог Н. И. Лобачевский признал, что планы и описания Пекина, выполненные Никитой Бичуриным, изданные на русском и французском языках, точнее, чем китайские, маньчжурские и монгольские источники. В Лобачевском можно не сомневаться: ни у кого в мире столь развитого чувства меры не было...

Так тянется длинная, бесконечная цепь символов: событий, личностей, идей... Будучи еще почти мальчишкой, Никита Бичурин в свою оду в честь архиепископа Амвросия в буквальном смысле вмонтировал древнее чувашское благопожелание:

Ваталиччен телейле пол,
Намай сул норниччен сыв пол.
(До глубокой старости счастлив,

будь, многие годы живи во здравии).

В этнопедагогике любовь —не тайна. Тайна — зависть, ревность, ненависть, злость. Смысл деятельности этнопедагога — в создании открытого пространства любви. В этнопедагогике, как и в человеческих отношениях вообще, только любовь конструктивна, только любовь созидательна и спасительна. В преодолении чувства зависти, злобы и вражды есть только одно средство — любовь. На ней, на любви, держится мир. Мартин Лютер писал, что человек, воспитывая детей, доказывает свою любовь к Богу, что ребенок, несмотря на строгость родителей, должен знать, что отец и мать его любят. Знание – это совершенно необходимо, ибо в нем — открытость любви, отсутствие тайны. Этнопедагогический диалог — это диалог любви. Могущество этнопедагогики состоит в том, что она организует диалог каждого человека с народом, человечеством, со Вселенной. Поэтому этнопедагогика исключает ненависть и вражду между людьми. Именно поэтому без нее никакое поликультурное воспитание невозможно.

Любовь, нежность, ласковость входят в цели воспитания и в методы — тоже. Великий актер Ван Дам в качестве главного успеха в воспитании двух уже взрослых сыновей считал их отношение к ласке, нежности. Он с особой гордостью рассказывал: «При людях обнимаю, целую их, они отвечают тем же, не стесняются». Действительно, как-то странно в этом мире: грубости не стесняются, нежности — стыдятся. Сейчас повсюду грубости стало гораздо больше, чем совсем недавно. Изо дня в день грубость растет, превращаясь в жестокость. Инстинкт собственника превращает грубость в жестокость, в свою очередь, она, жестокость, становится почти инстинктивной. Как у зверей. Как у шакалов. (Не хотелось бы, чтобы к этим зверям были причислены волки).

Воспитание в этнопедагогике определяется через пример и любовь, а человек — через любовное воспитание, лелеяние. Человек — это любящее существо, одаренное способностью сознательно ставить цели воспитания и осуществлять их на уровне этнического самовоспитании и взаимного воспитания,

Я думаю, что без национального чувства, без национального самосознания не может быть полноценного человека. Поэтому полноценным «становится воспитание лишь при том условии, если в полную силу задействована этнопедагогика».

Само определение человека этнопедагогику делает автобиографичной. Это значит, кроме всего прочего, этнопедагог не может быть чистым теоретиком — в отличие от абстрактной педагогики. Любовь исключает безразличие, равнодушие. Повседневное общение с младенцем, с ребенком — явление естественное для этнопедагога. «Ни дня без детей» — первая и главная этнопедагогическая заповедь. Мелочей здесь нет, все достойно внимания. В трамвае мать и семи-восьмилетний сын ведут доверительно-ласковый разговор. Выходя из трамвая, говорю матери: «Спасибо, доченька, за сына... Воспитываешь и свое счастье, и сына счастливого тоже» ... Творить добро, говорить добро — пусть по мелочи — на каждом шагу — это важнейшая из этнопедагогических заповедей.

Человек — это целый мир. Сложный, противоречивый, неповторимый. Автобиографическая этнопедагогика любого и каждого человека — это тома, тома... Потому что это — часть мировой истории.

Вот детали томов и глав...

Отца моего родила бабушка в пятидесятилетнем возрасте, деду было 63 года. Старшим сыном Сергеем это было воспринято плохо, почти зло: «Никто свою дочь и замуж не выдаст: родители молодые, хозяйкой не станешь» ... Младенца держали за русской печкой, а колыбелька была подвешена к полатям на печке. Дедушка не отходил от своего младшенького. Любую свободную минуту проводил с ним. Ласково-ласково разговаривал. И ведь по натуре был малоразговорчивый, к тем старшим — их было восемь — и не подходил вовсе. Самое удивительное — младенец ни разу не болел, ни разу не пискнул... Вышел из-за печки и зашагал. Все сразу полюбили. Сестры носили в церковь, соревнуясь, «Наш Никандр — самый красивый, самый смышленый, самый любимый...». Отец — учитель математики, воспитатель продленной группы, редактор газеты, заведующий

РОНО, первый секретарь райкома партии, идеальный коммунист — ни одного бесчестного поступка. Вот небольшой отрывок воспоминаний В. Е. Кузнецова: «... Не могу не сказать несколько добрых слов о первом секретаре Шихазанского райкома партии Никандре Никитиче Волкове. У него я постигал азы партийной работы. Это был человек завидного трудолюбия, исключительно добрый, чуткий, внимательный к людям. Я и сейчас с любовью о нем вспоминаю: как терпеливо, по-отечески занимался он со мной, лепил из меня будущего партийного работника. Не жалел он времени, когда речь шла о помощи молодым работникам. Подкупали его скромность, доброжелательность к людям. Но в то же время был он весьма требовательным. Не терпел разгильдяйства, строго спрашивал за выполнение каждого своего поручения. Но если нужна помощь, всегда терпеливо помогал. Честно говоря, я был влюблен в него. Бывают ведь такие люди!»

Своим нежным, в то же время деловым, содержательным общением за печкой формировал дедушка личность моего отца.

Во всяком случае, многие этнопедагогические факты, примеры, даже определения берутся, исходя из семейных представлений. Например, в памяти три запрета бабушки: не говори о старости, старость сама придет, не говори о болезни, болезнь сама пройдет, не говори о несчастье — будь счастлив... А вот три уступки: о боли, голоде, усталости можно говорить... Однако, только на ушко самому близкому. «Нет ласковых слов — молчи!» — тоже заповеди моей бабушки, на мой взгляд, лучшей представительницы моего народа, быть может, и человечества.

Многие этнопедагогические заповеди становятся межнациональными, полиэтническими, приближаясь шаг за шагом, к общечеловеческим. Нужно свято относиться к памяти ушедших и страданиям земных. Старший по возрасту всегда прав потому, что он старше Мудростью. Младший, уважающий седину волос на голове старшего, уже накапливает Мудрость. Человек, который любит детей и заботится о старших, — человек настоящий. Старик, который живет думой о детях и внуках, — само воплощение мудрости. Дети и внуки, которые забывают родителей и стариков, людьми считаться не могут. Человек становится на ноги энергией Мудрости семьи и рода. Из родовой мудрости собирается мудрость этноса, из этнической мудрости — мудрость общества, человечества.

Дальновидная политика воспитания растущих поколений на мудрости предков, на педагогических, этнопедагогических традициях — это политика истинно духовного воспитания, политика становления духовного человека, принципиальная, честная политика, ориентированная на вечные традиции, содержащие в себе духовный заряд вечной жизни человека и этноса.

В связи с этнопедагогическими традициями возникает актуальнейшая из проблем — этнопедагогизация целостного учебно-воспитательного процесса в школе, что предполагает естественную интеграцию этнопедагогических традиций с современными новейшими педагогическими идеями.

Еще одна глобальная проблема: традиционная педагогическая культура воспитания существенно влияет на активное формирование культуры межнационального общения, воспитания, уважения к обычаям, языку, искусству, истории народов страны, других народов мира. Именно в контексте всего богатства традиционной педагогической и морально-этической культуры народов представляется возможным вполне демократическим путем, демократическими средствами регулировать иерархию гуманистических взаимосвязей: национальная политика — межнациональные отношения — межнациональные общения — национальное воспитание — межнациональное сотрудничество (содружество, солидарность — общенациональное согласие, всеобщая гармония (Родина, человечество, весь мир).

Этнопедагогика и ее программное содержание вызваны к жизни заботой о поддержке и развитии всего прогрессивного, что есть в каждой нации. Возрождение самобытности, духовности каждого народа является ведущей целью этнопедагогики — педагогики национального спасения.

1.3. Народное воспитание и преемственность поколений

Преемственность — условие непрерывного развития. Одновременно сама перманентность в развитии есть конкретное проявление преемственной связи будущего с прошлым через настоящее. Определенный порядок, определенная последовательность перехода от одного к другому, от предшественника к преемнику, разумеется, не предполагает примитивную прямолинейность. Взаимосвязь в развитии не исключает ни равномерного поступательного движения от низших форм к высшим, ни скачков, ни цикличности и повторяемости.

Преемственность поколений обеспечивается воспитанием, которое выступает как фактор социального развития личности и духовного прогресса народа.

Непрерывность в воспитании, являясь одной из главных сторон преемственности поколений, предполагает единообразие в подходе к детям среди самих воспитателей, согласованность между домашним и общественным воспитанием, педагогический оптимизм — опору на достигнутые результаты в воспитании для преодоления отдельных отрицательных черт поведения воспитанников, обеспечение правильного соотношения между целями воспитания и т. п.

Преемственность реализуется во времени и пространстве. Физическая преемственность обеспечивается природой — наследственностью, генотипом, материально-экономическая — наследованием, духовная — воспитанием. Природа, социальные условия, педагогические факторы взаимодействуют друг с другом, препятствуя или содействуя преемственности. Воспитание усиливает преемственность там, где она может существовать и без него. Порою даже стихийный воспитательный процесс, ничем не подкрепляемый и функционирующий лишь в сфере подражания, обеспечивает преемственность. Жест, мимика, манеры родителей воспроизводятся детьми, неосознанно и подспудно влияют на формирование характера, стиль поведения и т. п. Преемственность и в области трудовых интересов иногда может вырасти из простого любопытства и порождаемого им подражания. То же самое возможно в сфере народного искусства.

Проявления преемственности чрезвычайно многообразны. Она осуществляется в сугубо личном плане, и в форме продолжения и укрепления семейных традиций, и как духовная связь людей и единство поколений. Преемственность касается судьбы целых народов. Она может носить общенародный, общенациональный, общечеловеческий характер. Усиление общечеловеческих моментов преемственности ускоряет социальный прогресс. Чем шире и глубже преемственность, тем благоприятнее условия для прогресса и отдельного индивида, и общества.

Преемственность может затрагивать сферу нравственности и способствовать формированию отрицательных черт личности младших членов семьи. Например, добившийся «теплого места под солнцем» может служить воодушевляющим примером для ряда поколений родственников, готовых добиваться личного успеха за счет интересов других людей и даже народа в целом.

Преемственность может быть и стихийной, но чаще всего она явление осознанное. Интересно характеризует К.В. Иванов осознание своей связи с предками по линии материнского рода. Он считал, что особенности характера рода определялись влиянием прабабушки Прты: «...и род ее был подобен ей: отважный, смелый и злой». Им выделены и отдельные факторы, содействовавшие преемственности поколений рода: в их числе он приводит песенный речитатив, переходящий из поколения в поколение, призывавший помнить предков и свою принадлежность к роду Прты. Биография рода как своеобразная история группы семей, связанной общностью происхождения, духовно питает преемственность поколений.

В сознательном стремлении родителей к тому, чтобы дети жили лучше, тоже проявляется педагогический аспект преемственности. В благословении новобрачных, в свадебных ритуалах, в благопожеланиях новорожденным постоянно присутствует забота о преемственности поколений. Эта забота сказывается в повышенном внимании к вопросам воспитания. В.Г. Белинский видел неразрывность поколений народа, прежде всего, в его

самобытности. Каждый народ может принести свою долю в общую сокровищницу человечества, только живя самобытной жизнью: «В чем же состоит эта самобытность каждого народа? В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предмет, в религии, языке, и более всего в обычаях... Все эти обычаи укрепляются давностью, освящаются временем и переходят из рода в род, от поколения к поколению как наследие потомков от предков».

Народ, считал Белинский, крепко дорожит обычаями, как своим священнейшим достоянием, и посягательство на внезапную и решительную реформу их без своего согласия считает посягательством на свое бытие. В данном случае такое посягательство означает разрушение духовной преемственности поколений и поэтому вызывает протест народа, его оже-сточеннейшее сопротивление. Национальная преемственность связана с народностью в воспитании, ибо «национальная физиономия всего больше сохранилась в низших слоях народа».

Народные идеи о преемственности поколений по существу являются педагогическими. «Не хвались отцом, хвались молодцом» в этой пословице утверждается преемственность трех поколений, содержится призыв к воспитанию сына по примеру своего отца (деда). К заслугам отца сын не имеет отношения, но, воспитав сына, он прибавит славу к доброму имени своего отца. Другая пословица внушает: «Не хвались родителями, хвались добродетелями». Главное — считают в народе — воспитание и самовоспитание, добродетели делают человека достойным своих родителей. Подобные народные афоризмы имеют большое воспитательное значение.

Пословицы «Из роду в род — тот же урод», «От худого семени не жди доброго племени», «Кто от кого, тот и в того», «Одного отца дети», «Один отец, один и норовец», свидетельствуют о признании народом наследственной преемственности. Две пословицы, приведенные в предыдущем абзаце, как бы выполняют контролирующие функции по отношению к настоящим. В совокупности же они создают картину взаимодействия наследственной преемственности с педагогической. В народной педагогике не допускается ухудшение передаваемых дурным воспитанием «из рода в род» черт личности: «Сын — в отца, отец — во пса, а все — в бешеную собаку», отрицательный пример отца в воспитании вызывает ухудшение нравственных качеств детей. Человек может быть телесно красив, но уродлив в силу воспитания: «Бел лицом, да худ отцом». Сын может быть похож на отца лицом, но определяющим является сходство с ним в поведении, характере, деятельности, сформировавшееся благодаря примеру, воспитанию. «Отец рыбак, и дети в воду смотрят». В подобных афоризмах косвенно проводится мысль о роли воспитания: «Не такого он отца сын, не такой матери дитя (чтобы сделать худое)» — это педагогическое изречение, кроме всего прочего, интересно и тем, что может быть адресовано воспитуемому и может послужить ему опорой в преодолении некоторых отрицательных черт в поведении, т.е. самовос-питании.

В народных представлениях о педагогической преемственности немало противоречивого, ибо в них отражаются разные исторические эпохи, различные человеческие характеры и многообразные конкретные жизненные ситуации: «И от доброго отца родится бешена овца», «Бывает добрая овца и от беспутного отца», «От одной матки, да не одни ребятки», «Один брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок» и др. Однако во многих случаях противоречия оказываются только кажущимися. Во-первых, тот же народ говорит: «Нет правил без исключений». Во-вторых, в народе живет оптимистическое убеждение в том, что «Любой человек — хозяин своего счастья» и самовоспитанием может добиться удивительных результатов в корректировке своего нравственного облика. Говорят: «Он словно переродился. Будто снова на свет народился».

Преемственность в педагогической сфере очень устойчива. Прогресс народа — в духовном обогащении людей из поколения в поколение: «Чего мать не видела — дочь увидит, чего отец не видел — сын увидит». Преемственность — не только в том, что, как говорят чуваши, «Отец и сын едут на одной телеге», но самое главное — в том, что «Задние копыта идут по следу передних» (*тув.*, в смысле — молодежь идет по стопам

старших). Как говорит И.Я. Яковлев, настоящий воспитатель живет в воспитанниках и воспитанниках воспитанников.

«Для родины нужно, чтобы дети были лучше отцов» — говорит грузинская пословица. И действительно, преемственность сказывается и в том, что результаты воспитания предшествующего поколения отражаются на поведении следующего, причем плохое становится хуже, хорошее — лучше: «От избалованного родится ребенок, подрастет и вором станет», — утверждают чувашские старцы. В этой пословице три поколения оказались в преемственной связи: дед избаловал своего сына, внук стал вором. Суровый тон пословицы можно понять: для чувашей, как и для других народов, воровство означает крайнюю степень человеческого падения. В народе издавна родство также рассматривалось как одна из сторон преемственной связи поколений. Однако считалось, что родство надо еще доказать и делом. Родство душ проверяется в деятельности, в поведении. В преемственности выше всего ценится духовная общность людей: «Духовное родство пуще плотского» — гласит русская народная пословица.

Подлинным является только такое воспитание, которое служит интересам народа. Воспитание, не отвечающее этим требованиям, антинародно и может быть охарактеризовано как антивоспитание, ибо оно развращает человеческую личность.

Народное воспитание в прошлом, отмечает И.Т. Огородников, включало и определенные виды обучения, предполагавшего усвоение знаний, закрепленных в многовековом опыте человечества, т. е. в народной педагогике воспитание и обучение находились в едином целостном процессе и дополняли друг друга. С возникновением обучения, организованного эксплуататорскими классами, создалась угроза народному воспитанию. Домашнее воспитание у трудящихся выступало фактором установления связи обучения с трудовой и духовной жизнью народа. Обучение же в государственных учебных заведениях выступало как средство перевоспитания, преодоления последствий народного (домашнего) воспитания. Особенно это было характерно для монастырских училищ, созданных в XVII—XVIII вв. для «инородцев» Поволжья.

Дифференциация господствующими классами и их государством обучения и воспитания создала угрозу формированию целостной личности. Вот почему принцип воспитывающего обучения, научно обоснованный Коменским, в истории воспитания имел эпохальное значение. Его огромный смысл состоял в восстановлении преемственной связи материнского (родительского) воспитания с изучением в школе родного языка, в обеспечении единства обучения и воспитания в целом.

Духовный контакт отдельных личностей несет на себе печать преемственности поколений. Духовные сокровища предков сохраняются и передаются в рассказах, пересказах, легендах, назиданиях, пословицах. Предки говорят устами потомков, устами деда говорит прадед, пращур. Так, в укреплении преемственной связи поколений старшее поколение участвует и непосредственно, и опосредованно через своих воспитанников, воспитанников своих воспитанников, через духовные сокровища, сохраненные ими. Однако при отсутствии письменности чем дальше в глубь веков уходят предки, тем слабее слышен их голос, тем труднее доходит их мысль. Здесь на помощь народной педагогике должно прийти подлинно народное образование на государственном уровне, которое, контролируя и сохраняя все самое лучшее, обеспечит преемственность поколений в едином процессе обучения и воспитания.

Анализируя состояние педагогической культуры, следует всегда помнить о той питательной среде, которая вскормила ее, которая подготовила ее возникновение, развитие и расцвет — о народе. Индивидуальное творчество любого из деятелей культуры развивается всегда на базе тех достижений, которые были завоеваны народом и человечеством в целом до него. Прежде чем он начнет развивать культуру своего народа, он должен усвоить то, что создано его народом за многовековую историю труда и борьбы, что создано другими народами, всем человечеством до него. Только совокупное духовное богатство народа и человечества может послужить реальным фундаментом созидательного творчества конкретных деятелей культуры.

Гениальный поэт, философ, педагог, народный просветитель Гете писал: «Что такое я сам сделал? Что я сделал? Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, наблюдал. Мои произведения вскормлены тысячами различных индивидов, невеждами и мудрецами, умными и глупцами; детство, зрелый возраст, старость — все принесли свои мысли, свои способности, свои надежды, свою манеру жить; я часто снимал жатву, посеянную другими, мой труд — труд коллективного существа и носит он имя Гете». То же самое могли бы о себе сказать Коменский и Ушинский, Макаренко и Сухомлинский, Гогеба-швили и Насыри, Абовян и Ахундов. И многие другие великие педагоги. Гениальность и величие любого из педагогов измеряется близостью к педагогической культуре народа, способностью максимально глубоко проникать в глубины его духовных сокровищ.

До возникновения письменности педагогические идеи пере-давались из поколения в поколение с помощью произведений устного народного творчества. Сказки, пословицы, поговорки, загадки, предания и песни — замечательные памятники народной педагогики, кладезь педагогической мудрости. Велика созидательная роль народных масс в развитии духовной культуры. Исследователи творчества Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Горького, Чайковского, Глинки и др., убедительно показывают, какое влияние на них оказало устное народное творчество. Основа и корни великого искусства всегда народны. Массовая культура — явление временное, неспособное оставить заметный след в жизни народов, ибо нищета духа ее создателей так или иначе не замедлит проявить себя.

Педагогическая Культура, как и культура в целом, всегда питалась от народных корней. Такие педагогические требования, как принцип природосообразности, принцип естественных последствий, получили отражение, хотя и в самой примитивной форме, в произведениях устного народного творчества задолго до обоснования их в педагогической науке. Однако до сих пор в историко-педагогической науке очень мало места отводится исследованию вопроса о воспитании детей трудящихся масс. Много говорится об афинском и спартанском, римском воспитании детей, воспитании детей светских феодалов и в иезуитских орденах и т.п. О воспитании детей рабов и крепостных крестьян, составлявших большинство в рабовладельческом и феодальном обществе, сохранилось, к сожалению, очень мало сведений. Рабы не принимались ни в какие школы, для крепостных крестьян были закрыты двери даже цифирных училищ. Но на основе этого было бы нелепо делать вывод о том, что рабы и крепостные крестьяне не воспитывали своих детей.

Школьное воспитание, как указывал К.Д. Ушинский, далеко не составляет всего воспитания народа, причем только народное воспитание, по мнению великого русского педагога, является живым органом в историческом процессе народного развития. Классовая борьба, борьба с рабовладельцами, борьба с помещиками, с царизмом — это не только дни поражений и побед, но это и дни морального и духовного роста масс, творящих историю, дни роста каждой отдельной личности. Спартак, Мюнцер, Пугачев, Разин были не только вождями, но и народными учителями, воспитателями. Народ сложил о них песни, легенды, в которых проповедовались освободительные идеи, любовь к родине. Имя Пугачева и после его смерти продолжало воспитывать крестьянские массы. То же самое можно сказать и о других борцах против тирании и угнетения. Тенденциозное искажение их образов — явление временное и — объясняется попытками сегодняшних хозяев жизни заставить забыть историю борьбы с угнетателями.

История — одно из мощных средств народной педагогики. Оценка и характеристика исторических уроков, содержащиеся в устном народном творчестве на протяжении многих веков, оказывали влияние на духовно-нравственное формирование будущих поколений народных борцов. На примерах участия народных масс в исторических движениях воспитывались трудящиеся, не имевшие доступа к просвещению и образованию. В произведениях устного народного творчества содержится полный нравственный кодекс человека: в них говорится о любви к родителям, о верности и справедливости, о любви к труду и презрении к бездельникам и лентяям, о ненависти к угнетателям, о бесстрашии перед врагами и грозными силами природы, о любознательности, о чутком и вежливом отношении к старым и старшим и т.д. В памятниках народной педагогики, созданных сотни, быть может, и тысячи лет назад, уже определены способы и приемы обучения и

воспитания, элементарные педагогические требования. В них рассказывается о приучении детей к труду, детских орудиях труда, детских праздниках, песнях и музыкальных инструментах, о моральном кодексе детской среды, эстетических идеалах молодежи и т. п. Изумительны старинные русские игрушки, хранящиеся в Музее игрушек. Они — свидетельства педагогической мудрости народных масс, высокой педагогической культуры народа. Как поразительно глубоко знали педагоги из народа психологические особенности детей! Какое тонкое проникновение в духовный мир детства! Представители господствующих классов, не занимавшиеся воспитанием даже собственных детей, едва ли занимались изобретением игрушек и игр. «Первый воспитатель — народ» (К.Д. Ушинский), следовательно, и подлинным творцом общечеловеческой педагогической культуры являются народные массы.

Глубокий след в истории педагогики, бесспорно, оставили и спартанское, и афинское воспитание, и школы риторов, грамматистов, цифирные училища... Для совокупной педагогической культуры человечества не лишены интереса и духовные семинарии, и иезуитская система воспитания. Однако нельзя забывать, что в названных школах учились только дети эксплуататоров, и все эти системы воспитания принадлежали закрытой касте. Макаренко называл иезуитское воспитание «одной из самых сильных педагогических школ прошлого», в то же время он отмечал незначительность ее социального эффекта. Антинародный характер монархического, например, воспитания тоже приводил его к ничтожным результатам. Провал многих педагогических начинаний был обусловлен прежде всего их враждебностью к народным традициям и интересам.

В свою очередь народ создавал свою систему воспитания. Приведем известный пример. В древней Греции совершеннолетним считался только тот, кто посадил и вырастил хотя бы одно оливковое дерево. В результате этого в Греции выросли оливковые рощи. Но было бы неверно думать, что эта оригинальная система трудового воспитания пошла от патрициев, презиравших физический труд. Несомненно, это — достижение народной педагогики.

Народ — единственный и неиссякаемый источник духовных ценностей. Великие художники, поэты, композиторы черпали вдохновение в народе, из народного творчества. Поэтому их творения во все эпохи были доступны и близки народу. У народа же главным мерилом духовности и эстетической ценности всегда оставался труд. Эстетическое воспитание осуществлялось в тесной связи с трудовым. Даже больше: оно, главным образом, осуществлялось в процессе труда. Возьмем, например, песни бурлаков, ткачих, грузчиков и др. Пряли — пели, рассказывали сказки; работали в поле, на лугу — пели... Неслучайно в народном эпическом творчестве преобладает трудовая тематика.

Сочетание трудового и эстетического воспитания проявляется и в том, что труженики искусно и тонко украшали и любовно отделывали орудия труда. Эти орудия должны были быть не только удобны, но и настолько красивы, чтобы радовать глаз, поднимать настроение. Украшения орудий труда, таких, например, как упряжь, сани, телега, веретено, прялка, гребень, мялка и др. носили характер массового всенародного художественного творчества. Народ искал радость в труде. В подневольной работе радости, конечно, было мало, но эстетика, вносимая в трудовой процесс, облегчала участь труженика, делала жизнь полнокровней.

Трудовой люд создавал красоту в любой сфере своей жизни и деятельности. Какие чудесные вышивки создавали и какие кружева вязали девушки! Сколько живого чутья к рисунку и краскам в праздничных девичьих нарядах! Взять также деревянную резьбу, которой щедро убирали избы — оконные наличники, ставни, карнизы напоминали искусную вышивку. Этот художественный вкус воспитывался веками. Следовательно, источники педагогической культуры нужно искать не только в самом процессе воспитания, но и во всем образе жизни народа. Красота, создаваемая трудящимися, — это красота их духовного мира, одновременно и свидетельство прекраснейших достижений педагогической культуры.

Столь же высокая, как эстетика быта, была нравственность у простого народа! Самоотверженная любовь к родине и ненависть к угнетателям — характерная черта морального облика трудящегося человека. Ушинский восторгался высокими моральными

качествами трудящихся и с презрением клеймил низкую мораль богатых американцев, так называемых «благовоспитанных» немцев и русских «благородного происхождения». Нравственное воспитание детей народа проходило в труде и борьбе.

Народная педагогика, несомненно, ставила и задачи умственного развития детей. Сколько детских сказок, загадок, скороговорок в устном народном творчестве! Все они преследовали педагогические цели, одна из которых — умственное развитие детей. Если бы народная система воспитания не проявляла заботу об интеллектуальном развитии подрастающих поколений, то едва ли из народа вышло бы так много гениальных ученых, изобретателей, художников и писателей.

Народная педагогика не обходила также вопроса и о физическом развитии детей. Известно, что гимнастика и многие другие виды спорта были недоступны народу. Но довольно широко были распространены всевозможные подвижные игры, национальная борьба, скачки и другие народные виды спорта. У многих народов ежегодно проводились национальные праздники с обязательным включением в их программу спортивных состязаний. В про-изведениях устного педагогического творчества всех народов отражена забота трудящихся о здоровье молодого поколения, в них воспевается физическая сила, неутомимость, выносливость, настойчивость и т.д. Результативность педагогического опыта классиков современной педагогики А.С.Макаренко, С.Т.Шац-кого, В.А.Сухомлинского прежде всего объясняется тем, что они гениально использовали обобщенный богатейший коллективный опыт народа и исходили из «педагогики общества». Заслуги их именно в том, что они глубоко поняли роль народа в развитии педагогической мысли, и в их трудах слились воедино научные и народные педагогические представления и воззрения. В этом и есть доказательство вечности, преемственности воспитания.

Глава II. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТУВИНСКИХ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ ВОСПИТАНИЯ И СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТУВИНЦЕВ

2.1. Преемственность в этнопедагогике и ее роль в развитии педагогической культуры

Воспитание, как известно, социальное явление. Оно вечно, необходимо и священно. Прекратится воспитание — прекратится всякий общественный прогресс.

В развитии общества существуют преемственные связи. Каждая ее историческая ступень застает в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу. Новое поколение объективно должно определять свое отношение к ценностям материального и духовного производства, оставленным ему предшествующими поколениями. Оно в зависимости от потребностей дальнейшего развития, от задач конкретно-исторических условий использует некоторые элементы наследия прошлого, вносит в него изменения, обогащает его новым содержанием, отрицает то, что не годно в новых, изменившихся условиях, создает новое в соответствии с требованиями нового этапа общественного прогресса. В этом определенную роль играет воспитание, которое носит в себе элементы сознательности и избирательности.

Являясь вечным, воспитание не остается неизменным. Содержание, методы и средства, цели и задачи воспитания изменяются в зависимости от социально-экономических, общественно-исторических условий.

Прогрессивные педагоги прошлого Я.А.Коменский, И.Г.Песталоцци, А.Ф. Дистервег, К.Д.Ушинский, Л.Н.Толстой и другие обращали особое внимание на демократические, гуманистические, свободолюбивые взгляды и идеи народов о воспитании и обучении подрастающего поколения. При обосновании и дальнейшем развитии таких педагогических принципов, как природосообразность, учет возрастных и индивидуальных

особенностей, народность, гуманизм они опирались на народные педагогические традиции, на их многовековой опыт воспитания. Так Я.А.Коменский стал великим педагогом благодаря тому, что сам учился у народа. Педагогика его явилась дальнейшим развитием педагогики чешского народа, вбирала в себя все то лучшее, что отражено в произведениях устно-поэтического творчества, обычаях и традициях народа. Великий гуманист в этом видел особенность преемственности в развитии педагогической культуры. В основу его «Материнской школы» легли народные представления о развитии ребенка. В своих требованиях к учителям, прежде всего, он выдвигал родительскую, отеческую заботу, характерную для семейного воспитания.

В истории русской демократической педагогики особое место в оценке и творческом использовании народных традиций в воспитании занимает К.Д.Ушинский. По его мнению, именно воспитание, которое родилось вместе с народом, «с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества», является жизнеспособным, вечным, обеспечивающим преемственность поколений. Педагогическая система К.Д.Ушинского, в которую органически сливались мысли о воспитании, отраженные в сказках, поговорках и пословицах, песнях, в этих первых и блестящих попытках русской народной педагогики является ярким выражением преемственности в развитии педагогической науки [173, 103].

Другой русский педагог-мыслитель В.Г. Белинский, касаясь проблемы преемственности, рассматривал новое поколение как «зародыш будущего, которое должно сделаться настоящим», готово сменить старое. Но сменить старое, стать действительным, настоящим новое поколение может только благодаря воспитанию. И в этом, — писал он, — заключается важность его» [18, 42]. Преемственность выступает как необходимое условие развития новой культуры. Преемственность в развитии духовной культуры отразилась в том, что вооруженные научными знаниями, овладевшие достижениями в различных областях духовного производства народы стали активными создателями новой культуры, непосредственно участвующими в творении культурных ценностей.

Советская педагогика широко опиралась не только на достижения педагогической науки прошлых эпох, но и на демократические элементы народной педагогики. Н.К. Крупская, рассматривая преемственность в развитии советской педагогики, обращала серьезное внимание на изучение системы воспитания нерусских народов. Она подчеркивала, что «только внимательное отношение к работе и быту национальных меньшинств позволят пойти по правильному пути, выступала за то, чтобы такие национальные особенности, как мягкое, внимательное отношение татар к детям, стремление татар, коми и других народов к искусству, настойчивость в достижении цели, выдержка, закалка должны быть учтены при организации новой системы воспитания» [88, 255]. Через все ее труды красной нитью проходит мысль о необходимости устранения, изжития отсталых, пережиточных элементов национальных культур и о важности развития, использования положительных их сторон. Эти положения Н.К.Крупской полностью относятся и к педагогическим традициям народов.

Идеи творческого применения прогрессивных традиций народного опыта воспитания в процессе формирования нового человека нашли яркое отражение в педагогической системе А.С.Макаренко. В частности, он восхищался педагогикой семьи Веткиных, где дети с малых лет приучались к труду, старшие дети шефствовали над младшими, где все были веселы, изобретательны в хозяйстве, а ссор и конфликтов избегали. «Не стыдно, — писал он, — было поучиться кое-чему у такой кустарной педагогической организации, как семья Веткиных, которая трогает самые чувствительные струны педагогической мысли: в ней хорошего наполнения коллективный тон, много великолепного творческого оптимизма и есть то чуткое прислушивание к деталям и пустякам, без которого настоящая воспитательная работа совершенно невозможна» [100, 62].

А.С.Макаренко в своей практике и теоретических выводах творчески использовал подобные демократические, мудрые элементы педагогики семей и народа. П.П.Блонский, С.Т.Шац-кий и другие в своих трудах и практической деятельности также всегда опи-

рались на народный опыт воспитания [26]. Е.Н.Медынский, Н.А.Константинов, Б.Я.Струминский, В.Ф.Шабаева [104; 194] и др. установили важную роль опыта народного воспитания.

Наиболее совершенное и гармоничное сочетание прогрессивных педагогических народных традиций нашло воплощение в теоретических положениях В.А. Сухомлинского, в учебно-воспитательной деятельности Павлышской средней школы. Культ Родины, культ человека, культ книги, культ родного слова поддерживались трудящимися, прогрессивными мыслителями-педагогами на протяжении всей истории человечества [159; 160; 161]. Но творчески воспринятые В.А.Сухомлинским и его коллегами и поднятые до уровня одного из основных методов и средств отечественного воспитания, они в условиях современной действительности стали мощными факторами формирования у детей диалектико-материалистического мировоззрения, стойких качеств гражданина российского государства. Родительский университет, школа радости, уроки на лоне природы, комната сказок, встреча детей с пионерами, церемония вручения аттестатов, праздники матери, первого хлеба, цветов и другие традиции, конечно, являются убедительными примерами эффективности творческого переосмысления прогрессивных и самобытных элементов системы народного воспитания и применения их на уровне методов педагогической науки.

Слова учительницы А.И.Сухомлинской: «Я, девочка, — завтрашняя мать. Природой и обществом на меня возложена высокая миссия — повторить в детях себя и того, кого я люблю, переложить в детей все лучшее, созданное человечеством.... Я должна быть гордой, недоступной, я должна быть в сто раз мудрее мужчины — отца моих детей, потому что в миссии продолжения рода человеческого, сохранения и приумножения духовных богатств человечества природа возложила на меня несравненно большую ответственность, чем на него» [160, 175], являются доказательством того, как вечные истины, обогащаясь подлинно человеческим содержанием, превращаются в нормы морали. Именно такое соответствие демократических и гуманистических элементов с требованиями нового времени является высшим этапом их развития. В этом заключается одна из особенностей преемственности в развитии культуры.

В.А.Сухомлинский в своей педагогической системе воплотил мысли, идеи великих педагогов прошлого. «Я добивался того, чтобы они (дети — К.С.) чувствовали красоту языка, бережно относились к слову, заботились о его чистоте, «сказка — это духовное богатство народной культуры, познавая которое ребенок познает сердцем родной народ» — писал педагог. Эти и подобные высказывания перекликаются с мыслями Я.А. Коменского и К.Д. Ушинского, Я. Гогебашвили и И.Я.Яковлева, К. Насыри и Алтынсарина и других педагогов прошлого.

Таким образом, если крупнейшие педагоги прошлого, так или иначе связавшие свою деятельность с жизнью, интересовались характером народного воспитания как обобщением воспитательного опыта народа, то научная педагогика, являясь высшим этапом развития педагогической мысли, вбирает в себя все ценное, прогрессивное, что выработано человечеством в области воспитания молодого поколения.

В 50—70 годы прошлого столетия ученые-педагоги проделали большую работу по изучению и обобщению опыта воспитания у народов СССР. Монографические исследования профессоров В.Ф.Афанасьева («Школа и развитие педа-гогической мысли в Якутии»), Г.Н.Волкова («Чувашская народная педагогика», «Этнопедагогика чувашского народа»), А.Ш. Гашимова («Азербайджанская народная педагогика»), Я.И. Ханбикова («Из истории педагогической мысли татарского народа»), А.Ф.Хинтибидзе («Идеи воспитания в грузинском народном творчестве»), работы В.Х.Арутюняна («Идеи вос-питания в армянских сказках»), М.Б.Гуртуевой («Идеи воспитания в балкарском фольклоре и их отражение в практи-ческой деятельности народа»), И.А.Шорова («Идеи умственного и нравственного воспитания в адыгском устном творчестве»), Б.М.Ховратовича («Нравственный идеал в хакасской народной педагогике») и других являются определенным вкладом в педагогическую культуру нашей страны. Каждая из этих работ выступает как доказательство утверждения о том, что у всех народов, независимо от того, маленький народ или большой в древней самобытной культуре много такого, что в

состоянии обогатить мировую цивилизацию. Это лишний раз подтверждает справедливость важного положения о том, что народ, независимо от того, маленький или большой, является создателем и творцом своей истории, носителем ценностей, имеющих общечеловеческое, непреходящее значение. Он играет решающую роль в преемственности и развитии как материального, так и духовного производства. «Народ, — писал М.Горький, — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый во времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры» [56, 48].

В настоящее время идет интенсивный процесс развития этнопедагогики, как новой отрасли педагогической науки. Как и в любой другой области научного познания, начальный этап развития этнопедагогики характерен тем, что накапливается огромный фактический материал, «сырье», требующее обработки, теоретического переосмысления и практической реализации.

Вместе с тем уже имеющиеся исследования по изучению педагогических традиций чрезвычайно ценны тем, что в них не только дана характеристика прогрессивных элементов, но и указаны формы и пути использования их в практике школ. В данном случае преемственная связь научной педагогики с народной осуществляется и в плане теории и практики воспитания детей.

Несмотря на значительные успехи в исследовании педа-гогических традиций народов 60—70 годов, сложные и многогранные проблемы этнопедагогики требуют к себе еще более внимательного отношения, многостороннего изучения. Педагогика народа богата прогрессивными идеями и демократическими традициями, раскрывающими сущность трудового и физического воспитания. Они должны найти место в учебно-воспитательной работе школ. Разрабатываемые тысячелетиями методы трудового воспитания могут быть успешно использованы в интересах решения современных педагогических задач. Знание педагогической культуры каждого из ста тридцати с лишним народов и народностей нашей страны позволит полнее использовать богатый народный опыт нравственного и умственного воспитания, который представляет собой необходимый компонент педагогики. В имеющихся работах по народной педагогике еще недостаточно раскрывается сущность революционизирующего влияния научной педагогики на педагогические традиции прошлых эпох, в плане преемственности, как обратной связи нового со старым, не только на уровне удержания положительного, но и возвращения переосмысленного, обогащенного научным содержанием наследия обратно в сферу практики народного воспитания.

Проблемами народной педагогики тувинцев, тем более в плане преемственности до сих пор специально никто не занимался. Однако в работах Н.Ф.Катанова «Опыт исследований Урянхайского языка...», Ф.Я.Кона «Экспедиция в Сойотию», Е.К.Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея» и других исследований имеются отдельные описания, интересные информации, касающиеся разных сторон быта, обычаев и традиций тувинцев [81; 86; 202]. Они в той или иной степени способствуют изучению педагогического наследия тувинского народа.

В период Тувинской Народной Республики (I92I—I944) основное внимание ученых, учителей было обращено на ликвидацию культурной отсталости, неграмотности среди тувинского населения и проведение в жизнь демократических преобразований. При этом революционная власть широко опиралась на прогрессивные, положительные традиции системы народного воспитания.

В 1950—70 годы в Туве начались широкие научно-ис-следовательские работы по изучению различных проблем развития тувинского народа, его исторического пути, экономики и культуры. Так в области педагогики созданы труды по вопросам развития народного образования (Н.А.Сердобов «Народное образование в Туве» [140]; Г.С.Сабирзянов «Партийное руководство народным образованием в Туве» [132], методики преподавания отдельных предметов в тувинской школе (кандидатские диссертации Р.Р.Бегзи, Е.И.Коптевой, Х.С.Алдын-оола, Ф.М.Сулапай, К.Б.Март-оол, С.С.Салчака),

воспитательной работы в школьных интернатах Л.П.Салчак [133]. Дополнительными источниками изучения этнопедагогики тувинцев могут служить довольно многочисленные исследования по истории, археологии, этнографии, языку, фольклору и литературе тувинцев, созданные учеными Тувинского НИИЯЛИ и институтов АН СССР.

Преподаватели Кызылского педагогического института, научные сотрудники Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, учителя стали обращать внимание на изучение и обобщение педагогического опыта тувинского народа. Появились статьи, посвященные отдельным вопросам тувинской этнопедагогики. Одним из первых непосредственно обратился к вопросам тувинской народной педагогики М.И.Анисов. На материале поговорок и пословиц автор сумел выявить основные источники педагогической мудрости трудящихся и доказать, что такие принципы как природосообразность, учет возрастных особенностей, гуманизм, демократизм присущи и педагогическим традициям тувинцев. Ограниченность источников и методов исследования не дали автору возможность глубоко раскрыть педагогический опыт народа. Отсутствует система научно-обоснованных единых требований и рекомендаций по использованию народного педагогического опыта. Все это порождает крайности — с одной стороны, идеализацию отживших, пережиточных обычаев и традиций, основанных на религиозных и суеверных представлениях народных масс, а с другой, педагогический нигилизм, огульное отрицание всего, что накоплено народом на протяжении всей своей истории.

С этих позиций является вполне актуальным исследование педагогических традиций тувинского народа в их историческом развитии, в их преемственной связи с педагогической культурой современной Тувы.

Настоящая глава посвящена выявлению преемственности в развитии педагогической культуры Тувы, а именно:

а) на основе анализа обычаев, обрядов, традиций тувинцев показать отражение преемственных связей представителей различных поколений в произведениях устно-поэтического творчества, в обрядах и обычаях народа;

б) раскрыть сущность педагогических воззрений тувинцев о формировании трудолюбия и умственного воспитания.

2.2. Идея преемственности и ее применение в изучении педагогики тувинского народа

Преемственность, выступая «как одна из наиболее существенных сторон закона отрицания отрицания, проявлявшаяся в природе, обществе и мышлении как объективная связь между новым и старым в процессе развития» [14, 16] и определяет характер этой взаимосвязи между отдельными этапами, свойствами данного явления. Она имеет определенные закономерности и особенности: во-первых, в процессе развития новое заменяет старое, удерживает положительное, прогрессивное из старого, использует его как необходимый, опорный элемент для укрепления и развития, «как момент связи и момент развития»; во-вторых, сохраняются некоторые отрицательные стороны, реакционные качества или элементы старого, которые будут тормозить развитие нового. Например, при переходе от одной общественно-экономической формации к другой остаются пережитки в сознании и быту, в психологическом укладе людей, которых сразу преодолеть невозможно; в-третьих, преемственность предполагает критическую переработку культурного наследия прошлого; в-четвертых, преемственность в области духовной культуры имеет свои особенности, характер их проявления зависит от конкретно-исторических, общественно-политических условий.

Все эти положения о преемственности вполне применимы к историко-педагогическим исследованиям, в том числе и к изучению педагогического наследия тувинского народа. Историческая преемственность в развитии материальной культуры тувинских племен с древнейших времен до 30-х годов XX в. доказана наукой. Так, историки на основании изучения многочисленных материалов археологии, этнографии и других источников установили, что на протяжении почти всей дореволюционной истории охота, скотоводство, земледелие являлись основными отраслями хозяйственно-трудовой деятельности населения

Тувы что «у современных тувинцев в досоциалистический период сохранялся в основном тот же хозяйственный комплекс, что и в древнетюркское время». Многие черты, ценности материальной культуры, характерные для жителей Тувы в хуннское, древнетюркское времена, сохранялись [74, 113].

До 20-х годов нашего столетия, например, деревянные бочонки с отверстием в средней части, которыми пользовались кочевые племена гуннского периода (II в. до н.э.); костяные застежки узды или лошадиные путы, найденные в курганах; стрелы-свистуны и многие другие предметы труда и быта находили широкое применение и среди тувинского народа до недавнего времени.

Преемственность существует и в развитии духовной, в первую очередь педагогической культуры. Материальная и духовная культура — это разные, но органически связанные между собой и взаимозависимые сферы человеческой деятельности. Историческая преемственность в развитии материального производства является основой преемственности духовной культуры. В процессе хозяйственно-трудовых занятий люди помимо добывания средств к существованию, создания орудий производства, вырабатывают определенные идеи и взгляды, нравственные и эстетические идеалы, трудовые навыки, обычаи, традиции, которые благодаря педагогической деятельности, передаются из поколения в поколение.

Характерной особенностью этнопедагогики тувинцев в дореволюционный период, по всей вероятности, был наивный гуманизм, основанный на родственных связях, которые возникли еще в условиях матриархально- и патриархально-родового строя. Он проявляется, прежде всего, в окружении ребенка любовью и заботой. Каждый старший, будь он матерью или отцом, братом или сестрой, дядей или тетей, должен проявлять заботу о физическом, умственном и нравственном развитии ребенка. Ребенок — это человек еще только в возможностях. Возможности, задатки его могут быть развиты при поддержке взрослых — таков взгляд народной педагогики тувинцев на природу ребенка.

Почти все исследователи, путешественники и ученые, посетившие Туву в конце XIX начале XX века, единогласно утверждали, что «тувинцы...страшно любят детей, что много детей считалось, чуть ли не «божьей» благодатью [86, 142]... «детей любят... Рождение ребенка — большой праздник, самый последний бедняк гордится, если у него полна юрта ребят...» [202, 88]. Дети тувинцев «... очень милы, их очень любят и ласкают матери и отцы, и посторонние, они хорошо упитаны, круглолицы, со вздутыми щеками ...» [55, 68].

Дети с раннего возраста наблюдали за тем, что и как делают родители, учились у них, приучались к труду, овладевали навыками и привычкой к общественной жизни. Личный пример родителей, подражание взрослым при этом являлись основными средствами воспитания. «Кто подражает — научится, кто упрямится — в нужде останется» (Өттүнчек өөренир, өжеш өөнделевес) — говорится в тувинской пословице, отражающей воззрения народа о значении подражания, примера родителей, показа в воспитании. Народ крайне отрицательно относился к жестокости по отношению к маленьким детям, резко осуждал применение телесных наказаний. Представители старшего поколения говорят, что жестокие телесные наказания могут сделать ребенка сумасшедшим. «Детей никогда не били, шлепки как наказание за непослушание применяли редко» — писал С.И.Вайнштейн, характеризуя отношение тувинцев-тоджинцев к воспитанию детей [30, 141].

К объяснению подобных общественных явлений нужно подходить исторически. Отрицательное отношение тувинцев к телесным наказаниям детей, возможно, сложилось еще во времена общинно-родового строя. На эту мысль наводят факты из жизни других племен и народностей, находившихся на более ранних этапах культурного развития. Так, Ш.Летурно отмечал, что «в Гренландии между эскимосами никогда не возникало ни брани, ни ссор, на их языке не было даже бранных слов, родители очень любят своих детей, а последние отличаются благонравием и послушанием, несмотря на то, что телесные наказания у эскимосов не применяются» [98, 185].

Какие бы исторические корни не имели и эти подобные им положительные и прогрессивные черты народной педагогики, они бытовали в реальной жизни тувинских

аратов. И показывают глубоко гуманный характер приемов и способов педагогического воздействия на детей. Они сохранялись вопреки господствовавшим феодальным, деспотическим порядкам государственного управления и системы официального воспитания. В старой Туве применялась введенная китайско-маньчжурскими правителями и монгольскими феодалами система девяти пыток «тос эрии». Некоторые из них применялись в монастырских школах, преимущественно к детям бедных аратов. Естественно, такая система государственного воспитания не могла не оказать отрицательного влияния на народные способы и приемы педагогического воздействия.

Осуждение простыми людьми жестокого отношения к детям, особенно телесного наказания выступало как цель, как вершина нравственных устремлений и желаний народа, в которых отражено величие его всего духовного богатства. Народ стремился, чтобы утвердить свои лучшие стремления. Но это не исключало бытование самого явления в жизни и практике воспитания.

В педагогике тувинцев мы находим и другие прогрессивные традиции и обычаи: «Взрослые начинают делить добычу. Смотрю, сестру Каңгый тоже пригласили участвовать в дележе... Под конец старшина дележа — старейший житель аала — подносит дяде Томбашу на простертых руках оставшуюся часть косули:

— Сегодня ты убил — мы поделили, завтра я убью — поделишь ты», — так описывает писатель С.Тока случай дележа мяса, убитой охотником косули между членами аала. Оказывать материальную и духовную поддержку тому, кто в ней нуждается, было неписаным требованием народной морали [133, 13].

Многие обычаи и традиции, сохранившие свою силу до недавнего времени, свидетельствуют о том, что среди тувинского народа был высокий культ матери, родственников по материнской линии. Так, каждый из близких родственников беременной женщины или роженицы, кто приезжал в ее юрту, обязательно должен был преподнести ей подарок, гостинцы: мясные или молочные продукты и т.д. Такое отношение к матери, по-видимому, является отголоском далекого матриархального родового общества, где труд, дисциплина, порядок, общая зависимость держались на основе веками выработанных привычек, традиций, авторитета и уважения, которыми пользовались женщины, старейшины рода. Народ сохранял и поддерживал в жизни все то, что отвечало его духовным потребностям, что способствовало его дальнейшему развитию и совершенствованию.

Вместе с тем некоторые обычаи и обряды тувинцев, отражавшие их отсталые взгляды и представления о воспитании детей, сохранялись вплоть до 40-х годов прошлого века. Л.П.Потапов зафиксировал такой обычай: «если замечали, что ребенок заболевал, ему на шею надевали на ленточке (чонга) раковинку каури (чирбеш) и верили, что она может защитить ребенка от болезни. При болезни детей обращались с молениями и «угощениями» к домашним духам-покровителям, к эренам» [127, 276].

В произведениях фольклора находим описание и других обычаев, обрядов, примет якобы содействующих передаче «детям тех или иных качеств», предопределению «судьбы человека». Так, в сказании «Мөге-Баян-Тоолай» радующийся рождению сына отец благословляет его: «Будь, мой сын, добрым молодцем, сильным и крепким мужчиной» [144, 147] и отрезает пуповину сына булатным напильником. В другом сказании говорится, что жена богатыря Сай-Куу пуповину сына отрезала ножичком [144, 95]. Говоря о существовании подобных обычаев у русских, чуваш, таджиков, курдов и народов Дагестана профессор Г.Н. Волков отмечает: «Вера в передачу тех или иных качеств личности посредством телесного соприкосновения или даже через вещи и предметы — суеверие, берущее начало с периода первобытной магии» [39, 138].

Пережитки, которые в силу объективных и субъективных обстоятельств переходят из поколения в поколение, не содействуют общественному прогрессу, не могут существовать и жить рядом с более прогрессивными явлениями. Это свидетельствует о том, что в духовной культуре в период перехода от патриархально-общинного строя к феодальному, главным образом, преобладала стихийная преемственность.

В старой Туве феодалы использовали обычаи и традиции народа для усиления и укрепления своего господствующего положения. Так, нередко энергия, сила, ум неграмотных людей использовались местными феодалами и иностранными завоевателями в интересах своего личного обогащения и совершения преступных поступков, действий. «Для совершения набегов, — писал В.И.Дулов, — с целью угона скота тувинские баи содержали специальные шайки скотокрадов». Тувинцы раньше говорили, что, когда «у бая количество овец превышает за 1000, он не может найти у себя барана для мяса, и тогда он становится на путь воровства и грабежа» [68, 199].

В оправдание своей нравственной низости феодалы вырабатывали своеобразную теорию, согласно которой для настоящего мужчины, воровство и преступление являются удалью и храбростью, как дальние походы и трудные переходы для хорошего коня. «Есть ли конь, который не переезжал бы через горные перевалы реки? Есть ли мужчина, который не совершал бы преступление?» (Хем кешпес аът бар бе? Херек кылбас эр бар бе?) — утверждали они. И эти отрицательные качества выдавали как особенности характера всего тувинского народа.

Часто в феодальной Туве баи культивировали античеловеческое отношение к женщине. Она носила презрительную кличку *херээжок* (ненужная), она была лишена всяких общественных и социальных прав: ей не разрешалось учиться в монастырской школе, участвовать в общественной жизни. Молодых девушек выдавали замуж насильно, часто за нелюбимого, значительно старшего ее по возрасту человека. Нередки были случаи, когда родители были вынуждены выдать дочь за бая с целью получения скота, как источника поддержания жизни других детей. Во всем этом сказалось отрицательное влияние идеологии господствующих классов — феодалов и лам.

В произведениях устного народного творчества тувинцев, в феодальной Туве, идеи свободы, борьбы за освобождение проникали и в сферу педагогической деятельности народа. Трудолюбие, мужество и храбрость, мудрость, красноречие, меткость в стрельбе, бессмертность души, доброта — вот черты характера совершенного человека. «Эрниң эрези» — «Совершенный мужчина» в представлении тувинцев видно из следующего описания в героическом сказании:

«Бажын ашкан малдыг,
эктин ашкан эттиг.
Чаактыгга чаргызын алыспас,
чарынныгның алдынга дүшпес.
Эринниг чүве чугаалажып болбаан,
эргектиг чүве аткылажып болбаан.

«Имеет скот, выше головы,
имущества, выше плеч.
Мудрее из всех мудрых,
сильнее из всех сильных.
Непобедим ни в споре с красноречивыми,
ни в стрельбе из лука.

Өзер назыны чок,
өлүр тыны чок.
Чонунга чоргаар,
ээзинге эргелиг
«Эрниң эрези» чоруп тур».

Нет у него ни предела для роста
ни души для смерти.
Он среди народа горд,
для хозяина дорог — таков был

богатырь «Эрниң эрези».

На протяжении всего повествования сказаний дорисовывается образ народного идеала. Он ненавидит врага и несправедливость, борется за свободу простых людей — подданных ханов, дарит людям мир и счастье, предан Родине и защищает ее. Несмотря на гиперболичность такого описания нравственных качеств богатыря, они воспринимались народом вполне реалистично и отвечали его духовным потребностям. Всякий народ, — писал К.Д.Ушинский, — в своей литературе, начиная песнею, пословицею, сказкою и, оканчивая драмой, выражает свои убеждения о том, каков должен быть человек по его понятию. Он украшает этого идеального человека всеми лучшими качествами души своей [173, 70]. И тувинский идеал служил примером для подрастающего поколения.

С расширением экономических и культурных связей с первой половины XVIII в. на развитие народной педагогики тувинцев благоприятное влияние оказала педагогическая культура русского народа. Русские переселенцы-крестьяне привезли в Засаянский край не только элементы более высокоорганизованного земледелия, скотоводства и культуры крестьянского быта, но и элементы более высокой духовной культуры. Среди переселенцев были представители и других народов, носители прогрессивных идей культуры русского народа.

После победы народной революции в Туве произошли коренные изменения и в духовной жизни, в представлениях о нравственных нормах, о воспитании человека, о его перевоспитании и роли его в жизни.

Национально-освободительная революция сыграла в истории тувинского народа не только роль фактора ломки старого, общественного строя, обычаев, традиций, обрядов, норм морали, но вместе с тем выступила как сила, преобразующая, обновляющая старую, создающая новую жизнь. Надо признать, что она нашла поддержку народа, что способствовало решению сложных задач в области политики, экономики и культурного строительства за короткий исторический срок. За десять с лишним лет после создания тувинской письменности, в 1930 г., из среды аратов вышли учителя, врачи, специалисты народного хозяйства, общественные деятели, работники государственного и партийного аппарата. Тувинцы в ходе коренных социальных преобразований изменили не только образ жизни, но и природу личности. Произошли такие изменения в жизни народа, которые не могли произойти за несколько веков эволюционного развития. При этом многие старые представления и понятия, обычаи и традиции переосмысливались, некоторые обогащались новым содержанием, принимали новые формы и развивались. На развитие педагогической культуры тувинцев и Тувы, в целом, благоприятное влияние оказал богатый, прогрессивный опыт системы воспитания в СССР. Экономическая и политическая перестройка, осуществляемая в ТНР при помощи народов Советского Союза, оказалась мощным фактором развития национального и социального сознания тувинцев, породила его такие новые формы как литература, профессиональное искусство, наука, обновила педагогическое творчество народа.

Народная педагогика возрождалась на основе совершенно новых производственных отношений. Она развивалась и создавалась как система воспитания нового человека в новых условиях.

В развитии духовной, в частности педагогической, культуры преемственность проявлялась в двух формах: в позитивной и негативной.

Позитивная преемственность состоит в том, что в новых условиях старые формы, представления, обычаи и традиции принимают новое содержание и продолжают служить делу дальнейшего прогресса. Так, нравственные нормы, выработанные в кругу самого народа, имеющие общечеловеческое значение, не отбрасывались, а обогащались новым содержанием. Чувства дружбы и товарищества, проявлявшиеся в старой Туве в основном между близкими и родственниками, расширялись и распространялись до союза единомышленников объединенных общими целями и задачами. Они по-новому стали проявляться по отношению к представителям других народов и народностей.

Представления о Родине принимали также новое содержание. Если раньше родина ограничивалась границей одного хошуна, иногда даже сумона, то теперь вся Тува стала осознаваться как родина всех тувинцев:

Тува — родина моя, свободная,
В ней легко дышится и радостно живется.
Покрытая лесами, горами и полями,
Богата она и широка.

Тыва чурту мээң чуртум,
Тынып чорда хостуг чуртум.
Топтап, бодап сактып кээрге,
Даглыг, шөлдуг, чаагай чуртум.

Вопреки вековым представлениям, отрицавшим способность тувинской народности к творческому созиданию, тувинцы начали строить совершенно новую жизнь.

На данном этапе развития происходила коренная ломка социально-экономических основ общественного строя. Поэтому в развитии духовной культуры происходит социальная переоценка всего, что было оставлено феодальным обществом.

В ходе преобразований были допущены и некоторые ошибки в оценке культурных ценностей прошлого. Были разрушены здания монастырей, памятников архитектуры и духовной культуры тувинцев, уничтожены многие скульптурные произведения ламаистского культа, созданные трудом простых аратов, в которых отражались и эстетические взгляды народа. Неправильное отношение было проявлено по отношению к книгам на тибетском и монгольском языках.

Вхождение ТНР в состав СССР явилось историческим событием, с которого началась новая эпоха в жизни тувинского народа. На данном этапе произошли не только преобразования в сфере труда, быта, хозяйства и культуры, но происходит и восстановление прошлой истории народа, возрождение ценностей материального и духовного производства, накопленных веками и претерпевшим временный разрыв в своем развитии.

На новом этапе развития система воспитания, как неотъемлемая часть всей духовной культуры народа, опирается не только на те внутренние силы и возможности, но и на научные достижения отечественной педагогики и педагогического опыта народов, добившихся замечательных успехов в деле воспитания подрастающего поколения.

Проблема взаимосвязи поколений в педагогической культуре каждого народа была одной из центральных проблем. Педа-гогическая деятельность людей, в той или иной степени, направлена на регулирование взаимоотношений между родителями и детьми, предками и потомками, на поиски наиболее оптимальных и эффективных соотношений старого и нового в быту, в обычаях и традициях. Своеобразные воззрения о преемственности поколений, их духовного и материального богатства выработаны и тувинцами. Традиционные взгляды народа явились философской основой его педагогических воззрений. Народ наблюдал, что в природе и обществе происходят вечные перемены: старое погибает, сходит с арены истории, уступает место молодому, растущему, имеющему свое будущее; «конь падает — коновязь останется, отец умрет — сын останется» (аът өлүр баглаажы артар, ада өлүр оглу артар)»; «корова падает — двор останется, мать умрет — дочь останется» (инек өлүр — кажаазы артар, ие өлүр — уруу артар); «верблюд состарится, верблюжонок вырастет» (буура кырыыр, бодаган өзер); «времени на месте не стоять, траве вечно не зеленеть» (шаг шаа-биле турбас, чавылдак көгү-биле турбас) — эти и подобные им тувинские поговорки и пословицы выражают противоречивый характер природных и общественных явлений, которые, с одной стороны, вечны и непрерывны, а с другой, не вечны и прерывны в своем развитии [171]. Человеческая жизнь в пределах одного поколения не вечна, она прерывается, в то же время она вечна, непрерывна в масштабах жизни рода, племени, народности, нации или

всего человечества. На место умершего отца в жизнь вступает его сын, дочь — дети, на место старшего поколения — молодое, новое поколение. Такая последовательная смена поколений происходит, во-первых, благодаря естественному, природосообразному ходу событий, развитию явлений, во-вторых, и главным образом, благодаря воспитанию, т.е. воздействию взрослых на детей, подготовке их к предстоящей, благоразумной жизни. При этом педагогическая мудрость исходила из представлений об общественной сущности природы человеческой личности. Между родителями и детьми, объективно и субъективно развиваются родственные отношения: «Сын имеет отца (племя, народ), имеет родину» (оол адалыг, омак-сөөк чурттуг). И через них каждый вступает в производственные, дружественные, общественные и другие многообразные отношения.

В обеспечении преемственности в развитии рода человеческого, по представлениям тувинцев, определенную роль играет передача наследственных признаков от поколений к поколениям: «Каковы родители — таковы и дети» (ада-иези кандыг болдур, ажы-төлү ындыг болур); «мальчик похож на свою мать, девочка похожа на своего отца» (авазын дөзээн оол, адазын дөзээн кыс). В этих пословицах конкретно не говорится о том, именно какие качества и свойства личности родителей унаследуются детьми, именно в каком отношении дети похожи на своих родителей, в физическом, психическом, морфологическом или в том и в другом. На эти вопросы ответы даются в других поговорках и пословицах тувинского народа. Так говоря о том, что «У молодой кобылы жеребенок справный, у хорошей матери ребенок бойкий» (эге бениң куну семис, эки иениң төлү эрес), естественно, имели ввиду в первую очередь передачу физических качеств, обусловленность физического развития ребенка от здоровья матери. Это видно из того, что параллель проводится между явлениями природы и человеческой жизни. Природосообразно то, что от справной кобылы родится справный жеребенок и аналогично этому у здоровой, полной силы матери родится бойкий, здоровый ребенок.

Народная педагогика углубляла эту мысль и приходила к отрицанию унаследования детьми каких-либо нравственных, духовных качеств, умений или навыков: «Рожает только самого ребенка, а не его нравы и привычки» (ал-бодун төрүүрден башка, аажы-чаңын төрүүр эвес). Однако народные мыслители не могли не заметить роль нравственности родителей, врожденных задатков ребенка не только на его физическое развитие, но и на становление черт характера, на формирование личности. Например, говоря о том, что «Человеком становятся с детства, а конем — с жеребенка» (кижи болуру чажындан, аът болуру кулундан), тувинцы большое место в воспитании отводили природе ребенка, его унаследованным задаткам. Они как бы предопределяют и нравственные, человеческие качества каждого индивида. В детстве, если ребенок мягок по характеру, добр и скромен, он таким, в большинстве случаев, и вырастает.

Представления о роли наследственных факторов на развитие и формирование личности настолько укоренились в сознании народа, что они, нередко, служили критерием оценки нравственных черт личности как отдельного человека, так и членов целой семьи, рода или племени: достаточно было узнать имена, фамилии родителей, родственников молодого человека, чтобы о нем создалось определенное, вполне реальное мнение. Родители, обращаясь к своим детям, советовали им, с чьих детей нужно брать пример, а с чьими нежелательно иметь тесное знакомство, общее дело: нравственные качества передаются по наследству от поколения к поколению. Часто капризный, беспокойный характер ребенка объяснялся крутым, трудным нравом родителей, предков, даже бабки-повитухи и, наоборот.

Существовали различные поверья, обычаи, в которых отра-жались взгляды на роль наследственности, как определяющего фактора нравственного облика личности: женщины-матери, особенно беременные, должны строго соблюдать спокойствие, воздержанность, скромность, доброту; при выборе жениха, невесты, товарищей, в первую очередь, обращали внимание на нравственную целостность родителей; даже выбор бабки-повитухи не был случайным, она должна быть многодетной, трудолюбивой, порядочной. Некоторых матерей-женщин резко осуждали за их непорядочность, жадность. Так при объяснении причины трудных родов обвинялась сама роженица, которая отличалась скупостью,

держала все под замком: «она так привыкла все запирать, что заперла и самое себя» — говорили тувинцы [86, 41].

Народная педагогика тувинцев подтверждает высказывание К.Д. Ушинского о том, что «благодаря наследственности из поколения в поколение, от отца к детям, внукам и правнукам, ребенку передаются определенные наклонности, разнообразясь, развиваясь, изменяясь бесконечно под влиянием жизни и истории» [173, 122].

В тувинской народной педагогике сложились также опреде-ленные идеи о роли среды на формирование личности. В первую очередь среда, особенно социальная, рассматривалась как необходимое условие становления человека, формирования личности. «Одно полено костра не дает, один человек человеком не станет» (чаңгыс кезек от болбас, чаңгыс кижи кижи болбас). «Не будь одиноким — будь с товарищами, не ходи пешком — езди верхом» (чааскаан чорба — эштиг чору, чадаг чорба — аттыг чору). «Когда есть друг, — весело, радостно» (эштигде эптиг). «Оторвавшуюся от стада овцу волки задирают, один человек из нужды не выйдет» (чарылган хой бөрээ чиртир, чаңгыс кижи түрегден үнмес). Такое понимание исходит из представлений народа о природосообразности; «Скоту нужен пастух, человеку нужен друг» (малга манаг херек, кижээ эш херек) и «Дикие звери парами живут» (элик-даа, хүлбүс-даа эзининде эштиг).

Среда может оказать положительное или отрицательное влияние на развитие нравственных качеств человека. В дореволюционной педагогике тувинцев большое место занимали мысли об отрицательном влиянии среды.

В феодальной Туве богатые угнетали бедных, сильные унижали слабых, один грабил другого, второй обманывал третьего и т.д. Нравственная уродливость представителей господствующих классов заражала, портила природную человечность народа. Поэтому в его педагогических воззрениях нашли отражение идеи безнравственных поступков, действий людей. «Плохой человек где бы ни был — беду натворит, куда бы ни пошел — делу помешает» (чораан черинге шончактыг, барган черинге балалыг), «На черной чаше сажа, от черного языка — беда» (кара паш хөөлүг, кара аас хайлыг), об сажу можно испачкаться, а в процессе общения со злыми, жестокими, нечестными людьми дети могут научиться их дурным привычкам, нравам и поступкам. В жизни феодального общества было много скверного, что может пристать к неосмотрительному, неискушенному человеку.

Не отрицая роли наследственности, среды на становление личности, на формирование ее качеств народная педагогика большое значение придавала воспитанию — сознательному воздействию старших на детей с целью их подготовки к жизни, передачи им производственно-хозяйственного, социально-общественного опыта. Конечная же цель воспитания заключалась в том, чтобы сделать из ребенка человека (кижи кылыры). В тувинском языке имеется целая система слов (терминов), обозначающих различные стороны как процесса воспитания, так и многосторонних связей между родителями, взрослыми и детьми: кижизидер (воспитать, сделать человеком), азыраар (кормить, содержать, воспитать в широком смысле слова), өстүрер (растить, заботиться о физическом росте и воспитании), карактаар (следить, беречь), деткиир (поддержать), сагыш салыр (заботиться, оберегать), чаңчыктырар (приучать, прививать умения, навыки), сургаар, чагыыр (советовать, увещевать), угаан киирер (давать знания, развивать память, мышление) и т.д. Сам факт наличия таких слов в языке народа свидетельствует о широком культивировании обозначаемого им явления в жизни и практике воспитания. Многие из этих слов имеют общее значение для хакасов, алтайцев, казахов, киргизов и некоторых других тюркоязычных народов.

У тувинцев воспитание ребенка считалось обязанностью не только родителей, но и всех взрослых и старших. Старались, чтобы было хорошо детям, чтобы они были одеты, накормлены, чтобы о них постоянно думали, заботились старшие: «Старшего уважай, младшего воспитай» (улугну хүндүлээр, уругну азы-раар); «Жеребенка нужно пасти, за ребенком нужно следить» (чаваны откарар, чашты карактаар); «Старому скитаться не позволяй, малому плакать не давай» (улугну улчутпа, уругну ыглатпа). В этих пословицах отражены как представления народа о преемственности, так и о взаимосвязях трех

поколений: старшего, молодого, современного и детей. Старшего уважай, как хранителей мудрости и опыта: «Среди народа старший мудрый, а младший ласковый» (улустуң улуу чагыглыг, хеймери чассыг); «Старый конь не собьется с дороги» (кырган аът орук часпас).

Представители нынешнего, молодого поколения и являются лицами, непосредственно обеспечивающими преемственность поколений [39, с.50, 51], и учились, учатся у предыдущих поколений, обогащая их опыт, внося новое, измененное, передают его детям, будущей семье. В этом вечность человеческого общества.

Воспитание, как воздействие старших на детей, на ум и сознание, как фактор, регулирующий поступки и действия людей, высоко ценилось в практике народа: «Что конь будет хорошим, зависит от хозяина, что мех будет качественным, зависит от выделки» (аъттың чаажы ээзинде, алгының чымчаа эдинде).

При этом предпочтение отдавалось непосредственно общению старших, личному примеру и словесным средствам воспитания, беседе, убеждению, разъяснениям: «В правдивом слове нет зла, в «чөреме» (национальное мясное кушание) нет кости» (чөптүг сөсте буруу чок, чөремеде сөөк чок); «Птице нужны крылья, молодому нужны советы» (чанар кушка чалгын херек, чаш уругга сүме херек) и т.д.

Умелый подход, внимательное отношение взрослых к детям не только способствуют формированию новых, положительных черт характера, но и содействуют искоренению отрицательных качеств: «Тупого можно наточить, неслуха можно советами воспитать» (дыынмасты чаныр болур, дыңнавасты чагып болур); «Признание недостатков очищает совесть» (багын чугаалаарга, бачыды арлыр).

Тувинцы серьезное внимание обращали на моральную ответственность, за результат воспитания: «Лучше будет судьба худа (тяжела), чем детям быть невоспитанными» (төл бак болурундан төре бак болуру дээре) — говорится в пословице. Действительно, надо быть настолько мудрым, чтобы так остро и убедительно выражать свои мысли о значении и важности правильного воспитания.

Преемственность в развитии понималась еще и как уважительное отношение ко всему прошлому пути своего народа, к ценностям духовной и материальной культуры, созданным предыдущими поколениями на всем протяжении развития. Педагогика народа требовала наследования опыта прошлого. «Пройденный путь надо изучать, что ожидает впереди, надо знать» (мурнун хынаар херек, соон истээр херек); «Кто не знает прошлого — ошибается, кто не признает родню — несчастливым будет» (төөгү билбес чазар, төрел билбес түрээр).

Педагогической находкой народа является умение проводить параллели между отдельными общественными явлениями и вопросами, имеющими значение для воспитания. В последней пословице сопоставлены знание истории народа и признание родни. Чувство родства глубокое и древнее. Оно вырабатывалось жизнью и общественным опытом многих поколений. В сопоставлении с ним мысли о прошлом принимают более конкретный и ощутимый характер. Прошлое изучается ради сегодняшнего и будущего. Настоящее является мостиком между прошлым и будущим.

Представления о преемственности в развитии нашли свое отражение и в педагогических взглядах тувинцев на становление и развитие личности одного человека. Формируясь под влиянием наследственных факторов, среды и воспитания, личность человека в своем развитии проходит ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов, каждый из которых имеет свои особенности и характерные черты. Основы этих понятий в зачаточном виде содержались и в педагогических воззрениях тувинского народа.

В обычной жизни возраст человека тувинцы делят на три этапа: утро жизни — детство (чаш, бичии үе); полдень — зрелость (улуг кижи) вечер — старость (кырган назын). Такое представление отражено в тувинском фольклоре, в частности, имеется загадка: «Утром на четвереньках, в полдень на двух ногах, а вечером — на трех».

В таком сопоставлении явлений природы и человеческой жизни скрыты стихийно-материалистические взгляды народной философии. День начинается с утра, за ним наступает полдень, за ним вечер, за вечером следует ночь и так каждый день. День за днем составит год, год за годом — десятилетие, столетие, тысячелетие, и такому естественному

ходу явлений нет конца. Подобно этому с детства начинается человеческая жизнь, затем наступает пора зрелости, за зрелостью — старость и смертью заканчивается жизнь. Без детства нет зрелости, без нее нет старости.

Каждый этап возраста важен как необходимый период к следующему. Внимательное изучение народной педагогики тувинцев показывает, что они придерживались и более детализированной возрастной периодизации. К главным из них можно отнести:

I) внутриутробный период (от момента зачатия до рождения);

2) колыбельный период (от рождения до 1—2 лет), этот период в свою очередь делится на үңгээр үези (6—7 месяцев, когда ребенок начинает ползать), кылаштаар үези (от 1—2 лет, с момента, когда он начинает ходить);

3) период младенчества (чаш үези) — от 1—2 до 3—4 лет;

4) детство (бичии үези), от 3—4 лет до 9—11 лет;

5) отрочество (элээди үези) от 9—11 до 15—16 лет;

6) юность (аныяк үези) от 15—16 лет до 25—26 лет;

7) зрелость (улуг кижи) — от 25—26 до 40—50 лет и т.д.

Вкратце охарактеризуем отдельные периоды. Следует заметить, что описания могут быть неравномерными, ибо они даются в соответствии с собранной нами информацией.

Утробный период. «Плод с момента зачатия считался живым, и возраст ребенка считался не с момента рождения, а с момента зачатия, а новорожденный считался годовалым ребенком» — писал Ф.Я. Кон [86, 142]. Такой подсчет был широко распространен среди тувинцев, и как некоторые древние обычаи длительное время сохранялся вплоть до 40-х годов прошлого века. Да и в современное время при совершении обрядов, связанных с рождением человека, соблюдают указанный подсчет возраста. В основе данного подсчета лежали понятия о том, что человек имеет три жизни 1) внутриутробную (хырын иштинге үези), самую короткую; 2) земную; 3) жизнь в потустороннем мире, т.е. после смерти.

Педагогическое значение утробного периода заключалось в том, что в течение этого времени к будущей матери проявлялось более внимательное отношение, соблюдались определенные требования, направленные на обеспечение нормального развития будущего ребенка, сохранения покоя матери. За это время родители должны были готовиться к воспитанию ребенка. В большей степени это касалось молодых супругов, особенно матери.

Период от рождения до 1 года называют **«кавайлыг үези» (колыбельный период).** В первый месяц жизни родители оберегали глаза ребенка от действия ярких солнечных лучей; предостерегали ребенка от неожиданных, громких шумов, звуков.

Матери постепенно приучали детей к действиям внешних раздражителей, нежно обращались с малышами, замечали, когда ребенок начинает реагировать на голос матери, на свет и с этого времени принимали элементарные меры по развитию функциональных способностей органов зрения, слуха, движения. Обычно кормят до 2 и нередко даже до 3—4 лет грудью. Это было необходимо. В условиях, когда рацион питания был очень беден, молоко матери было единственным средством, способствовавшим укреплению организма и правильному его формированию и развитию. В практике тувинцев не было случая, чтобы какая-нибудь мать отказалась кормить своего ребенка грудью. Наоборот, известны случаи, когда молодая мать вскармливала чужого ребенка, если случалось несчастье с его родной матерью.

Колыбельный период характеризуется развитием различных функциональных способностей внутренних и внешних органов ребенка. Известны утверждения: «ийи айлыг уруг иезин таныыр, алды айлыг уруг адазын таныыр» (двухмесячный ребенок мать узнает, шестимесячный ребенок отца узнает). В них выражались представления народа о постепенном развитии органов зрения и слуха ребенка. В первый месяц он узнает самого близкого человека, — мать, а к 6 месяцам он способен узнавать и отца. Возможно, что в этой пословице содержится дополнительная мысль о том, что ребенок настолько любит свою мать, что узнает ее гораздо раньше, чем отца, который принимает участие в его воспитании в меньшей степени. Период, когда ребенку исполняется 3—4 года, считается

временем самого беспокойного развития личности. В этом возрасте наиболее ярко выражаются основы того разумного существа, о котором писал Я.А.Коменский: «Быть разумным созданием — это значит все исследовать и давать всему имена и все исчислять, т.е звать и иметь возможность назвать и понять все, что находится в мире» [цит. по 133, с. 65].

Складываются и развиваются у детей основы разговорной речи, мыслительной деятельности, интенсивно действуют движения. Они теперь не просто видят или слышат, двигаются или воспринимают внешнее раздражение, а хотят узнать, как называется тот или иной предмет, сравнивают с другими вещами, предметами, с которыми они частично знакомы, спрашивают у взрослых, трогают руками, пробуют на вкус, на осязание — все «исследуют». Иногда они горячее трогают руками, и к опасному для жизни идут с такой же смелостью, как и к любой игрушке. Ребенок данного периода характеризуется выражением «отка-пашка дүшкү дег» (такой озорной, что может упасть и в огонь, и в котел).

Аналогичные представления складывались у чувашей: «Чувашами до сих пор сохранен язык, характерный для детей периода «материнской школы». Интересна характеристика трех-четырехлетнего ребенка — ухмат вахат «дурной возраст» (буквально «дурной период», «дурное время» [39, 74].

Поэтому чаш үези, по представлениям народной педагогики, является самым ответственным периодом в воспитании молодого поколения. В это время нужно особенно внимательно ухаживать за ребенком, родители должны заботливо ввести его в жизнь.

За младенчеством (чаш үези), в течение которого большое внимание обращалось на физическое развитие ребенка следует период **бичии үези (детство),** охватывающий возраст от 3—4 до 9—I0 лет. Наряду с физическим развитием происходит нравственный рост. Ребенок в состоянии осознавать смысл многих нравственных норм, правил, взглядов. Его можно последовательно вводить в курс трудовой и общественной жизни. В этом плане интересен обычай «баш кыргыыр» (стрижка волос), сопровождаемый некоторыми традиционными ритуалами. Тувинцы, возможно, предполагали, что к 3-м годам развитие ума ребенка, его физических и нравственных сил достигает такого уровня, что ему можно внушать мысль о необходимости самостоятельности действий, ознакомить с требованиями общества людей и особенностями их жизни. В день этого семейного торжества приглашаются в гости родственники. Каждый приглашенный, начиная со старшего брата матери (дядя ребенка — С.К), обрезал по нескольку волосков с головы ребенка и произносил благопожелания:

Кодан сыңмас малдыг болзун,

хову сыңмас чылгылыг болзун,

кежээ болзун.
Аал сыңмас өөрлүг болзун!
Пусть имеет столько скота,
что не вместятся во дворе,
столько лошадей, что не
поместятся в степи,
пусть будет трудолюбивым.
Пусть будет полный аал друзей!

После описанного обряда тувинцы поручали ребенку посильную работу по уходу за скотом, особенно за молодняком. Он начинает помогать матери, сестрам и старшим братьям. В процессе трудовой деятельности ребенок приобретает необходимые навыки и привычки общественной жизни, правила поведения и нормы морали. Педагогический смысл данного обряда согласуется с идеями А.С.Макаренко о необходимости и важности начала воспитания ребенка на как можно более раннем этапе его развития: «каким будет человек, главным образом зависит от того, каким вы его сделаете к пятому году его жизни.

Если до пяти лет не воспитаете, как нужно, потом придется перевоспитывать его». В этом возрасте закладываются основы понятий чести и долга, добра и зла, товарищества и дружбы. Чем моложе ребенок, тем он легче поддается правильному воспитанию [100, 445].

Естественно, забота о физическом развитии не прекращается. Большое значение в этом играют различные подвижные, детские игры. Наиболее популярными для детей этого возраста являются такие игры, как «хүреш» (борьба), «аът мунукчузу болуру» (наездники), «чарыш» (состязание в беге), «сайзанактаар» (игра в юрту). Скотоводческие работы в большинстве случаев выполняются на ногах, на свежем воздухе. В возрасте 6—9 лет дети учатся ездить верхом на лошадях, мальчики и на быках. Многие 8—10-летние мальчики участвуют уже в скачках в качестве наездников (аът мунукчузу). Тувинские дети все больше находятся в движении. Все это обеспечивает относительную выносливость, закалку организма.

Следующим этапом возрастной периодизации в народной педагогике тувинцев является **элээди үези — (отрочество),** которое охватывает промежуток времени примерно 10—16 лет. Интересно называют детей этого возраста в западных районах: «хой кадарар оглум» (сын, который пасет овец), девочек — «инек саар кызым» (дочь, которая доит коров), «кандыг-даа ажылды шытпас апарган» (любую работу сумеет выполнить). Это говорит о том, что большое внимание обращалось на трудовое воспитание детей данного возраста. Если на предыдущих этапах дети и выполняли различные виды хозяйственной работы, все-таки они оставались только помощниками взрослых. А в «элээди үези» ребенок начинает почти самостоятельную трудовую жизнь, «сам может добыть источник существования» (бодун чемгериптер апарган), — говорили о них. В этом возрасте дети должны не только усваивать моральные требования, но выполнять, соблюдать их, передавать своим младшим братьям и сестрам. У подростков вырабатываются свои представления и взгляды на жизнь, складываются моральные нормы. Они нуждаются в личности, чьи нравственные, физические и умственные качества могли бы быть примером для них т.е. складываются представления об идеале.

В этом возрасте многих, особенно мальчиков, увлекают смелые и мужественные поступки, подвиги героев эпических сказаний, сказок. Они стремятся быть хоть чуть-чуть похожими на них, их увлекают подвижные физкультурно-спортивные игры в хүреш (борьба), чарыш (скачки), далекие поездки. На арену выступают факторы самовоспитания. Дети стремятся воспитать в себе такие качества, как решительность, выносливость, смелость. С большим интересом они наблюдают за природными явлениями, во многих из которых находят красоту, гармоничность и целесообразность.

Период от 16 до 25—26 лет, называемый **аныяк үези (юность),** в некоторых районах **чалыы үези (молодость),** характеризуется завершением формирования человеческой личности. В возрасте 18—20 лет юноша вступает в самостоятельную жизнь, о нем говорят «эр кижи болган» (стал мужчиной), а о взрослых девушках говорят «кыс болган» (стала взрослой девушкой). Из народных сказаний известно, что испытанием зрелости мужчины был объезд дикого коня (эмдик аът өөредир). И в практике повседневной жизни соблюдались некоторые традиции, посвященные достижению человеком зрелого возраста, в частности, объезд необученного коня парнем, заплетание косы девушкам.

До 18—20 лет юношам и девушкам не разрешалось курить, пить араку, участвовать в обрядах, празднествах: «оваа дагыыр», «буга дагыыр» и т.д. Даже достигшие зрелого возраста молодые люди без разрешения взрослых не пили араку, курили по секрету от них. После 14—15 лет юноши и девушки открыто участвовали в вечерних играх, сборищах молодежи.

Мужчины с 25—26 лет считались вполне зрелыми членами общества, участвовали в общественной жизни, отвечали перед обществом за свои поступки и действия. Однако они в своей жизни не переставали руководствоваться советами, указаниями старших.

Таким образом, в народной педагогике тувинцев сложились определенные идеи о преемственности как о взаимосвязи поколений. Они выражали представления народа о том, что жизнь человечества вечна, неуничтожаема, поддерживается взаимосвязями поколений. Также жизнь одного поколения состоит из отдельных, взаимообусловленных и

взаимосвязанных ступеней и этапов. В воспитании детей и молодежи учитывали особенности каждого этапа возрастной периодизации.

Идеи преемственности в тувинской народной педагогике имели вполне реальные основы и при соответствующем переосмыслении представляют и ныне не только исторический, но и практический интерес.

2.3. Передача производственного опыта. Воспитание трудолюбия

Из глубин веков идут и сохранились традиционные отрасли хозяйств, древнейшие орудия и средства труда, от поколения к поколению передавались способы и приемы выполнения многих трудовых процессов. На основании изучения многочисленных сведений о лесных народах, в том числе и о тувинских племенах, Л.И.Потапов отмечает, что характерный для них хозяйственный комплекс представляет собой определенную триаду, состоящую из следующих отраслей натурального хозяйства: пастбищного табунного скотоводства с циклическими сезонными перекочев-ками в течение года; охота на лесного и пушного зверя, мелкого, преимущественно мотыжного земледелия с небольшими по-севами ячменя и проса... Всегда и всюду практиковались сбор и заготовка диких съедобных корней и растений, хотя собира-тельство и не составляло особой отрасли хозяйства [127, 82].

Кроме того, араты повсеместно занимались различными видами домашнего ремесла. «Находки при археологических раскопках, — пишут историки, — свидетельствуют о высоком уровне ремесла, связанного с изготовлением предметов из железа — от вооружения до предметов конской сбруи и домашнего обихода» [74, 86].

Многообразие трудовых умений и навыков, мастерство тувинцев-скотоводов отмечали Е.Яковлев, Ф.Кон, Г.Грумм-Гржимайло, В.Родевич и другие. Например, Е.Яковлев писал, что «обращаться с топором, долотом и тяпкой столько, сколько требуется для приготовления обыкновенных предметов быта, умеет всякий сойот. Особыми мастерами, переходящими с места на место, ведущими жизнь кочевников-мастеровых, являлись столяры (они же маляры) по выделке ящиков и столов (шире) с раскрашенной орнаментацией и иногда резьбой и юрточные мастера» [202, 91]; «сойоты отличные скотоводы и коневоды», «все урянхи отличные и неутомимые наездники, очень ценящие лошадей, которых хорошо выезжают и стерегут» — писал Родевич [130, 24].

Отмечая достижения тувинских мастеров по литейному и кузнечному делу, сохранившемуся по Хемчику и Улуг-Хему, Ф.Кон поражался красоте кузнечных изделий: «медные и бронзовые шахматы, отлитые на Хемчике, могут конкурировать с изделиями европейских мастеров» [86, 110].

Задачи трудовой подготовки, в основном, определялись потребностями главных отраслей хозяйства. Идеалом труженика-тувинца был искусный охотник, умелый скотовод и старательный земледелец. Главными задачами в области трудового воспитания были поддержка, пробуждение у детей и молодого поколения интереса к труду, разъяснение им роли труда как источника жизни, духовных и нравственных сил человека и вооружение их трудовыми умениями, навыками и знаниями.

Труд рассматривался, в первую очередь, как источник удовлетворения материальных потребностей человека и общества. В практической жизни родители стремились убедить детей и молодежь в том, что «хол шимчээр — хырын тодар» (работать будешь, сытым будешь); «айлап, бестээр — аштавас» (кто за саранкой, за кандыком ходит — голодным не останется) и т.д.

Забота о трудовой подготовке детей начиналась значительно раньше, чем дети достигали того возраста, когда они могли участвовать в трудовой жизни семьи. На праздниках по случаю рождения ребенка и наречения ему имени произносились благопожелания. Так, при рождении мальчика говорили: «Ачазы ышкаш аңчы (малчын) болзун» (пусть будет охотником (скотоводом), как отец), при рождении девочки — «Авазы ышкаш саанчы (шевер) болзун» (пусть будет дояркой (мастерицей), — как мать). В них

отражены сокровенные мечты и интересы трудовых людей. Они хотели, чтобы дети выросли трудолюбивыми и в трудовой деятельности смогли создать условия для счастливой жизни.

Среди различных видов хозяйственной деятельности ведущее место занимало скотоводство, которое имело несколько самостоятельных отраслей. Араты повсеместно разводили овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот, а в южных, степных, районах еще верблюдов, в северо-восточных таежных — домашних оленей. Педагогические идеи народа, дошедшие до нас в пословицах, поговорках, афоризмах, в значительной степени отражают специфические особенности труда скотоводов, содержат много мыслей, выражающих необходимость воспитания старательного, умелого скотовода — пастуха, чабана, табунщика, доярки. Это является свидетельством того, что тувинцы стремились воспитывать детей достойными преемниками старшего поколения. Вырабатывали у детей убеждения в необходимости разведения различных видов домашнего скота: «Если скот разномастный — хорошо» (мал алазы эки); «У кого есть коровы — тот сыт, обеспечен, у кого овцы — тот наряден, одет» (инектиг кижи тодуг, хойлуг кижи каас). Разведение только одного типа скота не могло удовлетворять разнообразные потребности жизни при кочевом, натуральном хозяйстве. Опыт кочевого скотоводства, накопленной веками, передавался молодому поколению и нашел отражение в фольклоре: «Летом нужны перекочевки, зимой нужна оседлость» (чайын көш херек, кыжын туруш херек), ибо «Кто кочует летом — богатеет, кто кочует зимой — беднеет» (чайын көжер — байыыр, кыжын көжер — ядараар).

Перед воспитанием ставились задачи выработки умений и навыков по различным видам хозяйственного труда. Поощрялось мастерство на все руки: «Бешти билир бергеге торулбас, алдыны билир аарыгга алыспас» (кто знает пять тайн — трудности одолеет, кто знает шесть тайн — болезни одолеет). Здесь, конечно, в первую очередь речь идет о трудовых умениях, мастерстве человека.

Скотоводство считалось более выгодной, чем охота, формой хозяйственно-производственных занятий: «Мал оруу — чаг, аң оруу — хан» (тропа скота — сало, тропа зверя — кровь). Успех в труде скотовода в большей степени зависит от самого человека: если не поленишься, вложишь все умения и знания, то это будет верной гарантией материального благополучия. А удача на охоте зависит не только от умений и знаний, стараний и усилий охотника, но и от других факторов.

Земледелие было одной из традиционных отраслей народного хозяйства тувинцев. Оно было экстенсивным, но сыграло определенную роль в обеспечении источников материальной жизни аратов, служило средством психологической и практической подготовки всего подрастающего поколения к трудовой деятельности. В процессе земледельческих работ родители старались передать детям опыт, умения и знания. Несмотря на примитивность техники и отсталость способов, орудий труда земледелия, тувинцы получали сравнительно неплохой урожай. Они сооружали небольшие, несложные оросительные системы. Поливали землю и до вспашки, а хлеб орошали в течение лета два-три раза. Дети, особенно мальчики, участвовали почти во всех земледельческих работах: правили лошадьми, когда пахали; боронили, чистили арыки, поливали; участвовали в уборке хлеба и молотьбе. Они усваивали технику земледелия, получали знания о наиболее подходящем времени посева, полива, учились готовить семена. Опыт земледельцев показывал, что «Даш чок черге тараа тарыыр, дазыл чок черден ай, бес казар» (зерно сеять там, где нет камней, кандыки, сарану надо копать там, где нет корней); «Дойдан тодар, малгаштан байыыр» (землю вспашешь — урожай получишь, а польешь — вдвойне соберешь).

Основным и главным средством трудового воспитания было вовлечение самого ребенка в активную деятельность: «Кижи тывызык-даа болза, кылбас болза — өөренмес» (человек, хоть и сообразительный, не научится, если не будет сам делать), говорит пословица, требующая необходимости непосредственного участия человека в выполнении работы, приемами и способами которой он хочет овладеть. Только систематический труд дает возможность выработать привычку к нему.

Условия скотоводческого и охотничьего хозяйства в какой-то степени благоприятствовали привлечению детей к выполнению различных трудовых поручений. Дети играют на улице, наблюдают, как взрослые работают и сами проявляют желание помочь им. И всегда найдется посильная им работа.

К выполнению трудовых поручений тувинские дети привлекались примерно с четырех-пяти лет. Первыми трудовыми обязанностями их была работа по самообслуживанию. Дети самостоятельно одевались, обувались, убирали за собой игрушки, чашки. С шести-восьми лет они нянчили младших братьев и сестер, помогали матери, старшей сестре в домашнем труде. Привлечение малолетних детей к посильным видам труда основывалось на педагогических представлениях народа о том, что они более податливы к любым видам обучения, трудового в особенности. Были специально предназначенные для детей орудия труда: ведерки, небольшие арканы, лопаты, лук, стрела и т.д. По свидетельству Д. Каррутерса, в Тодже не редкость наблюдать, «как пара-другая мальчуганов, не достигших еще и четырнадцатилетнего возраста, отправляется из лагеря на охоту, которая и длится нередко, по нескольку дней» [80, 209].

Различные формы включения детей в хозяйственно-бытовой труд практиковались у многих исторических предков тувинцев, переходя из поколения в поколение, они стали традиционными приемами подготовки их к жизни. Историки отмечают, что мальчик у хунских племен так скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков, а несколько подрастет, стреляет птиц и зайцев и употребляет их в пищу [74, 40].

Трудолюбие и многообразие трудовых обязанностей тувинских детей отмечается народным писателем Тувы С.А.Сарыг-оолом: «В семье дела всем хватало, не сидел сложа руки; кроме возни с малышами, у меня было много обязанностей: собирать щепки для костра, пасти телят, ходить за водой, кормить козлят, а вечером их переловить и привязать, жарить ячмень и просо, толочь их — это очень тяжелая работа» [137, 13]. В десять-двенадцать лет дети становились самостоятельными пастухами, держали телят около коров, когда их доили утром и вечером, нянчили детей, собирали дрова для топлива, таскали воду, участвовали в обработке продуктов, в скотоводческих и земледельческих работах. В четырнадцать-восемнадцать лет мальчики становились табунщиками, охотниками.

В процессе совместного труда с взрослыми, дети знакомятся с правилами выполнения работ, усваивают закономерность трудовых процессов, получают представления о народных обычаях и традициях, отражающих особенности трудовой деятельности. Работу надо выполнять умело, с наименьшей затратой сил и времени. По мнению тувинцев, «Кылыр иштиң деги херек» (работу выполняй скоро, вовремя). Скоро — это не значит, что надо торопиться и суетиться. Наоборот, торопливых людей высмеивают: «Далаштыг күске сүтке дүжер» (торопливая мышь — в молоке тонет). Чтобы труд приносил больше пользы, к работе необходимо относиться добросовестно, стараться выполнить ее основательно и качественно: «Хол дашты-биле ажыл кылбас» (*букв.*: обратной стороной рук работу не сделаешь); «Дус чокта амдан чок, тура чокта күш чок» (когда не посолишь — нет вкуса, когда нет желания — нет силы); «Баглаар багта доң херек» (завязываешь узел, сделай покрепче); «Эгелээн ажылды эчизинге чедирер» (начатую работу надо довести до конца).

Выполнение какой-либо работы или операции при детях, с их участием, являлось одним из эффективных приемов обучения их труду. При этом обращалось внимание детей на важность и необходимость последовательности соответствующих операций. Дети никогда не были посторонними наблюдателями трудовых дел. Например, в процессе перекочевки они принимают посильное участие. Дети узнают, почему кочуют с места на место, усваивают сезонность этих перекочевок, знакомятся с порядками и правилами выполнения необходимых для перекочевки работ. Дети с двенадцати-четырнадцати лет вместе со взрослыми упаковывают вещи в специальные сумы (барба), сундуки (аптара) так, чтобы ничего лишнего не оставалось. За день-два до перекочевки трудовые обязанности распределяются между членами семьи: отец и взрослые сыновья пригоняют лошадей, быков, разбирают юрту и грузят, а на новом месте сгружают и ставят юрту, мать и стар-

шие дочери готовят домашнее хозяйство к перевозке, готовят кушанья, доят коров и овец, отгоняют их. На новом месте разбирают вещи, убирают в юрте, кормят людей. Дети среднего возраста перегоняют скот на новую стоянку. Во главе с ними едет кто-либо из взрослых. Такое же значение имеют традиционные трудовые работы: «дүк кагар» (обработка шерсти), «дүк салыр» (растилание войлока), «тараа чулар» (уборка хлеба).

Мальчики начинают охотиться примерно с семи-восьми лет и постепенно к двенадцати-четырнадцати годам овладевают умениями и знаниями довольно неплохих охотников: сначала учатся применять петли, силки, капканы. А затем учатся охотиться с луком и стрелами, самострелами и огнестрельными ружьями; усваивают, что звери пасутся тоже на определенных местах, имеют стоянки, постоянные тропы, что лучше охотиться рано утром, после обеда и под вечер. Охотники соблюдали неписанные правила: когда сильный ветер — охотиться бесполезно — звери очень чутки на запах; после дождя звери выходят на открытые поляны; в жаркие дни, наоборот, они заходят в густо заросший лес; в период осенних гонок лучше охотиться на козлов и маралов, приманивая их дудочкой (эдиски).

Говоря о большом опыте и умении тоджинских охотников, Д.Каррутерс отмечал, что тувинцы «... достигли совершенства в своем искусстве, они не жалеют на эту работу, когда нужно, ни времени, ни труда... К такому образу жизни детей приучают с самого раннего возраста» [80, 213].

Опыт трудовой подготовки подсказывал важность разделения труда между полами — «Девочка просит иголку с ниткой, мальчик просит огниво с ножиком» (кыс уруг ине, чүскүк дээр, оол уруг оттук, бижек дээр); «Девушка любит наряд, парень — коня» (кыс уруг этке ынак, оол уруг аътка ынак), т.е. девочки более склонны к домашним работам, а мальчики — к охоте, скотоводству и дальним поездкам. Девочки привлекаются не только к таким чисто «женским» делам, как дойка скота, обработка молочных продуктов и шерсти, шитье одежды, выделка шкур, приготовление, но продолжают ухаживать за домашними животными. Мальчики же, в основном, ухаживают за скотом, помогают отцу возделывать землю, убирать хлеб, учатся охотиться, ездить верхом, усваивают технику мужской работы, требующей большой закалки, силы и выносливости.

Распределение трудовых обязанностей между мужчинами и женщинами было неравномерным. Если такие мужские работы, как охота, земледелие, имели временные, сезонные передышки, то в хозяйстве у женщин не было ни длительных, ни коротких перерывов. Достаточно сказать, что тувинцы из молока изготавливают более десяти различных видов продукции. Девочки к двенадцати-четырнадцати годам вполне удовлетворительно должны усвоить приемы и способы их приготовления. Они должны были еще научиться шить. Поэтому женщины и в семейном кругу занимали ведущее положение, чем мужчины. Мужчина смотрит за целостью стада или занимается промыслом. Неравномерность в распределении трудовых обязанностей в определенной степени обусловливалась хозяйственно-экономической необходимостью. Особенно у охотничьих племен мужчина не всегда мог вернуться домой до момента перекочевки на другое место, ибо поиски пушного зверя так далеко уводили его, что семья должна была переехать ближе к месту промысла. «В бедных семьях, — писал Ф.Я.Кон, — женщина завалена до устали, до изнеможения. У тоджинцев, например, муж, уходя на охоту, указывал жене место, куда она явится во время его промысла, и она должна была с детьми, со всем скарбом перекочевать» [86, 137]. Матери никогда не чуждались любого вида труда. Выполняли тяжелую работу в трудных условиях. И своим самоотверженным трудом обеспечивали не только материальную основу жизни, но и содействовали в целом преемственности социального и трудового опыта.

Трудолюбие тувинской женщины, их мастерство не раз отмечались путешественниками. «Сойотки (тувинки — *К.С.*) — искусны в возделывании овечьей и козьей кошмы ручным способом, получают войлоки мягкие и прочные, иногда они украшаются самобытным орнаментом» [130, 25], «туземные женщины, — писал Д.К.Каррутерс, — поразительные искусницы в приготовлении кож» [80, 234]. Действительно, способы обработки кожи, сохранившиеся до сегодняшнего дня, позволяют получить высококачественные овечьи шкурки. Шубы, шапки, рукавицы и другие

предметы, сшитые из них, носятся долго, не испытывают больших деформаций от действий влаги, мороза и жары. Старшие тувинки не только сами были трудолюбивыми мастерицами, но они все эти качества прививали детям, дочерям. Тувинцы в целях воспитания в молодом поколении нетерпимого отношения к любому виду безделья и тунеядства опирались на силу воздействия народной мудрости: «У ленивого много причин» (чалгаа кижиниң чылдаа хөй); «Маленькая лень до большой дорастет» (биче чалгаа улуг чалгаага чедер); «Ленивый говорит — голова болит, обжора говорит — пить хочу» (чалгаа кижи бажым дээр, чазый — суксадым дээр); «От лени — баловство, от жадности — воровство» (чалгаадан сөс үнер, чазыйдан — оор үнер).

Трудно переоценить влияние выработанных веками норм трудовых отношений, опыт воспитания и подготовку трудолюбивых детей. Нередко в знак признания трудовых умений и знаний человека дают ему почетное прозвище (шола ат), отражающее его мастерство; Дарган (кузнец), Чылгычы (коневод), Кижен баглаар (умеющий плести стреножники), Эзер чазаар (мастер, делающий седло), Балыкчы (рыбак), Шевер-кыс (девушка-мастерица), Аңчы (охотник) и т.д.

Интересный факт приведен Ф.Коном. Он писал, что самым почетным остается кузнечное мастерство. Когда кузнец за работой, а в юрту входит чиновник, мастер не должен отрываться от работы для его приветствия: «Работа старше» [86, 109]. Здесь может быть подчеркивается особенность характера работы кузнеца, редкость этой специальности в крае, однако нельзя отрицать педагогическую ценность этого обычая. Нужно уважать трудового человека, он достойнее любого чиновника — таково мнение народной педагогики и оно внушалось детям с малых лет.

Дети усваивали особенности этих обычаев, знакомились с лучшими мастерами своего аала, соседних аалов, старались учиться у них, перенять их трудовой опыт, умения и навыки. Ребенка родители иногда называли в честь известных трудолюбивых родственников или выбирали имя, выражающее идеал трудового народа.

Издавна народ высоко ценил труд пастухов. К ним проявляли почтение и уважение. Герои эпических сказаний доверяли свои планы и замыслы пастухам овец, верблюдов, коров и лошадей. С одной стороны, здесь сказывается уважение к возрасту людей, имеющих большой жизненный опыт «Нет ничего, что они бы не видели, нет такого чайника, которого бы они не поднимали» (көрбээн чүвези чок, көдүрбээн хөнээ чок), с другой стороны, в них отражены идеи признания их трудового опыта, знаний и умений.

Серьезное внимание уделялось воспитанию в детях бережливости, уважения к труду и людям труда. В хозяйстве большое значение имели орудия труда, различные приспособления и рабочий скот. Детей приучали бережно относиться к орудиям труда, обучали правильно, по назначению, применять хозяйственный инвентарь: «Лопатой золу не выгребай, скребком коров не бей» (хүүрээң-биле хүл успа, сүргүң-биле инек какпа); «Хорошего коня в голову не бей, кожемялку не ломай» (эки аъдың бажын какпа, эдирээң бизин сыкпа); «Инвентарь не бережешь — сломается, товарища не бережешь — расстанешься» (этти камнаваска үрелир, эшти камнаваска — чарлыр). Состояние орудий и средств труда, отношение человека к ним рассматривались как показатель его трудолюбия, старательности, ума и умений: «Острый топор любое дерево берет» (чидиг балдаа ыяш чымчак); «Тупой нож мясо не осилит, а лентяй — работу» (шапты бижек эътке дыынмас, чалгаа кижи ишке дыынмас). Детей приучали заботливо относиться к животным, запрещалось жестокое обращение с животными. Особенно заботливое отношение воспитывалось к лошади, хорошему коню, который имел большое значение в хозяйстве скотовода и охотника. Тувинские дети с удовольствием ухаживали и за ягнятами, козлятами, играли с ними, нередко последние узнавали своих малолетних хозяев, «искали» у них поддержки.

Своеобразное отношение вырабатывалось к молоку и хлебу, являющимся продуктами, результатами труда. Интересны некоторые запреты, практиковавшиеся среди тувинского народа. В их основе лежат, по всей вероятности, суеверные и религиозные представления. Однако нельзя не заметить их воспитательного значения, положительного влияния на формирование в детях чувства бережливости. Молоко и молочные продукты считались свя-

щенными, проливать, выливать, загрязнять их — большой грех. Если кто-либо случайно пролил молоко, то он должен был в нем обмочить кончики пальцев и ими помочить макушку головы. Этим самым он извиняется перед молоком и клянется, что впредь не допустит такого отношения к нему. Этим жестом, конечно, он извиняется перед людьми, которые добыли его. В некоторых районах существовали запреты выноса из юрты молочных продуктов после захода солнца. Это объясняется мнением, согласно которому будто вечерний вынос может отрицательно повлиять на удой молока, на обилие молочных продуктов. Подобные обычаи соблюдались и у соседних народов. Так, монголки никогда не продавали молоко при облачном небе. А по приезде на новое место жительства, особенно на летнюю стоянку, разбрызгивали молоко [128, 760].

Известно, что у земледельческих народов существовали обычаи и традиции, связанные с обожествлением хлеба, земли и воды, у народов, занимающихся столярными или другими видами ремесла, существовали другие обычаи, обряды и традиции. Так, исследуя трудовые традиции чувашского народа, Г.Н.Волков заключает, что «земледельческие традиции, как и сама земля, в чувашской среде считались священными, ни с чьей стороны, даже мысленно не допускалось пренебрежительное отношение к труду на земле» [38, 15].

Большую роль в осуществлении трудового воспитания имели детские и молодежные игры, празднества, переходящие в труд. Трудно найти игру тувинских детей, где бы не отразилась в той или иной форме особенность труда и быта взрослых. Можно сказать, что дети, играя, трудились, трудясь, играли. Правда, это не говорит о том, что трудовое занятие было легким, представляло времяпрепровождение в сплошных развлечениях. Интересна в педагогическом плане игра тувинских детей «наездники». Мальчик садится на своего «коня»-прутика и «скачет по полям и лесам». Мать довольна веселым, радостным настроением сына, старается сочетать приятное с полезным, превращая игру в полезное дело. Так, одобряя ловкость и быстроту, смелость и проворность мальчика в играх, она говорит: «Ну-ка, сын, покажи, как ты быстро умеешь ездить на «коне», съезди за теми козлятами и ягнятами, которые удаляются в горы или степь». А мальчик, одобренный похвалой матери, с удовольствием выполняет подобные поручения, дети выполняют полезные дела, иногда даже не подозревая, что они постепенно включаются в трудовую деятельность. Но когда они осознают, что выполняют необходимую работу, то делают ее с удовольствием, часто превращая ее в своеобразную игру в «работу». Такие неразрывно переплетенные интересы детских игр и трудовой подготовки наблюдаются во всех формах человеческой деятельности.

Тувинские дети еще до наступления подросткового возраста постоянно упражняются в приобретении некоторых трудовых умений: девочки семи-восьми лет участвуют в доении овец и коз, они имеют специально предназначенные для этой цели маленькие деревянные ведерки, с которыми выходят на работу вместе с матерью и взрослыми сестрами. Их учат основным правилам и приемам: как лучше садиться при доении, как держать ведерко, как надо доить и т.д. Такие упражнения повторяются ежедневно. Девочки постепенно приобретают умение доить коз, овец, а позже и коров, кобыл. Мальчики же с семи-восьми лет упражняются, например, в обращении с небольшим арканом (сөдүрге). Вначале они учатся накидывать его на кол или столб, потом на голову лежащего теленка, жеребенка, а затем на бегущих телят и жеребят. И так совершенствуя в подобных упражнениях свои умения и навыки, к зрелому возрасту многие без промаха накидывают аркан на шею быстро бегущего коня, быка и т.д.

Трудовые занятия, так или иначе, способствовали физическому развитию детей. Ибо, с одной стороны, выполнение различных хозяйственных обязанностей в суровых природно-климатических условиях, при отсталом способе производства и примитивных орудиях труда требовало затраты большой физической силы, устойчивых привычек организма к преодолению трудностей, а с другой, все это способствовало выработке необходимых физических качеств — выносливости, стойкости, терпения и т.д. Дети пасли скот, охотились и в зимние морозы, и в летнюю жару. Солнце, дождь, снег, ветер, сырость, жара не только выступали как явления, приносящие радость и удовольствие детям, но и как

суровые испытатели и учителя. Маленькие пастухи и охотники учились бороться против сил природы, росли крепкими и стойкими. Охотник порой за один день в поисках зверя проходил не менее 30—40 километров по труднопроходимым местам и нередко оставался один на один перед суровой природой. Ему приходилось ночевать под открытым небом — без огня, без пищи. И пастухи, в поисках хорошего пастбища, за один день проходили по 15-20 километров. Эти работы не прекращались ни в бурю, ни в жару, ни зимой, ни летом. Перекочевки, связанные с далекими переездами также являлись средствами закалки детского организма. Только маленькие дети (до семи-восьми лет) ехали верхом, а старшие, в большинстве случаев шли пешком, пасли скот и перегоняли его на новое место. На физическое развитие детей положительное влияние оказывали и специальные, целенаправленные меры: например, новорожденного купали в соленой воде или крепко заваренном чае, это укрепляло кожу ребенка, предостерегало от кожных заболеваний, усиливало сопротивляемость организма.

Существовавшие и ставшие традиционными игры детей также способствовали физическому развитию детей. В этом отношении особое место занимают такие игры, как «Слепой черт» (согур аза), городки, охотники на сурков, стрельба из лука, борьба хүреш и др. Например, игра «Слепой черт» требует большой подвижности, участники все время бегают. Один из участников «слепой черт», другой — «мать» детей, а остальные — «дети», цель игры: «слепой черт» стремится поймать детей «матери», а она будет защищать детей, и дети будут стараться не попасть в руки «слепого черта». Играют в основном дети до десяти-двенадцати лет [135, 75].

Говоря о большом значении игр в жизни тувинских детей С.А.Сарыг-оол пишет, что «были у нас игры для всех возрастов: шахматы, разновидность домино — хорул; играли на музыкальных инструментах...» [137, 75].

Борьба (хүреш) — одно из наиболее древних распространенных и любимых игр тувинцев. Она устраивалась на всех религиозных, хозяйственно-трудовых и бытовых празднествах. Редко какой-либо «коллективный труд не сопровождался состязанием в силе, ловкости, смелости в борьбе. После окончания работ по обработке шерсти, выделке войлока, перекочевке, уборке урожая, обычно устраивали борьбу среди детей и молодежи. Судьями выступали опытные борцы, уважаемые люди, взрослые. Они осуществляли и педагогическое руководство, вносили элементы сознательности и целенаправленности в организацию досуга детей. Тувинская борьба вполне отвечала условиям жизни и быта аратов. Она не требовала специальных сооружений, сложных костюмов, оборудований, проводилась на поле, где люди трудились. Несмотря на многообразие, все приемы тувинской борьбы отражают гуманное, уважительное отношение соперников друг к другу. Строго запрещены, например, приемы: зажим, сдавливание, скручивание шеи, рук и ног. Побеждает не только сильный, но и ловкий, сообразительный. Существовала своеобразная система подготовки борцов к состязаниям: за месяц, иногда и раньше, настоящие борцы соблюдали режим питания, сна и закалки организма. Мало употребляли жидких продуктов, спали на жесткой постели, тренировались на предварительных состязаниях.

Благодаря положительным традициям воспитания среди детей аратов вырастали физически здоровые, сильные, выносливые люди. Свидетельством этого могут быть характеристики, данные тувинцам дореволюционными русскими и иностранными исследователями-путешественниками. Тувинцев можно называть «...низкорослыми, худощавыми и подвижными... Некоторые из них, — писал Д.Каррутерс, — производят впечатление сильных, хорошо сложенных людей...» [80, 228], ему не противоречит Вс. Родевич, который утверждал, что тувинцы «...по внешности представляют довольно рослый, крепкий народ, сухого сложения...» [130, 154]. По описанию А.Б.Потаниной: некоторые тувинцы в закаливании своего организма достигли почти совершенства. Она писала, что два тувинца, которые осенью отправлялись в Монголию, были очень легко одеты, но не мерзли. «Один из них, — продолжает она, — разговаривая с нами на берегу речки, снял с себя сапоги и стал бродить по воде, брызгая и проламывая в мелких местах лед своими босыми ногами, забавляясь как ребенок» [71, 51].

На основании вышеизложенных фактов и примеров из опыта трудового воспитания в народной педагогике тувинцев можно сделать следующие выводы:

- тувинцы накопили разнообразные трудовые знания, навыки и умения, стремились осуществлять задачи трудовой подготовки подрастающего поколения в соответствии с потребностями социально-экономической жизни;
- в процессе деятельности складывались различные формы и приемы, способствовавшие привлечению детей к труду и одновременно в какой-то мере облегчающие его, обеспечивавшие передачу производственно-трудового опыта от поколения к поколению;
- в практике трудовой подготовки вырабатывались основы некоторых педагогических правил и требований, учитывались половые и возрастные особенности детей;
- труд является не только средством существования, но и источником духовного богатства, физических сил народа. В процессе трудовой деятельности решались задачи нравственного и умственного воспитания.

Положительные традиции, идеи о важности и необходимости производительного труда, имеют непреходящее значение, вполне применимы и жизнеспособны и в условиях современного развития общества.

2.4. Умственное воспитание в педагогических воззрениях тувинцев

Во многих сказаниях и сказках тувинцев раскрыта сущность древних представлений и понятий об умственных способностях человека. Ум человека обладает определенными качествами — памятью (угаан), чтобы не забыть полученные знания и умения, находчивостью, сообразительностью (тывызык, угаангыр-са-гынгыр), быстротой (дүрген), смекалкой (мерген).

В эпических сказаниях богатырь, встретившись с физически более сильными врагами, труднопреодолимыми препятствиями, нередко оказывается бессильным. Тогда на помощь ему приходят: его друг — конь, старики — мудрецы, жены — премудрые красавицы.

Умственное совершенствование богатыря до конца сказаний не достигает своего предела. Перед ним возникают новые и новые вопросы, для ответа на которые всегда нужен совет коня и людей. Это свидетельствует о том, что народ считал, что развитию ума, памяти нет предела, уму-разуму надо учиться в течение всей жизни. Это представление вполне соответствует значению пословиц русского и других народов: «Век живи, век учись», «Ищи знания от колыбели до самого гроба».

В тувинских сказках «Старик и тигр», «Старик и злой дух Маңгыс» рассказывается, как старик-человек, благодаря своей находчивости, сообразительности и смекалке, побеждает таких сильных врагов, как тигр и злой дух Маңгыс. Особенно большой интерес представляет сказка о том, как старик побеждает злого Маңгыса, благодаря своему уму, сообразительности. Так, в народных сказаниях, сказках и легендах отражались мысли народной педагогики о том, что человек, используя свои умственные способности, увеличивает власть над миром, воздействует на природу и осваивает ее богатства.

Задачи умственного воспитания определялись потребностями трудовой, производственной деятельности. Тувинские араты, лишенные возможности получить научные знания в процессе труда, борьбы с силами природы накапливали практические знания. Они имели определенное значение для развития умственных способностей, содействовали выработке устойчивых способов и приемов ведения различных отраслей хозяйства. Характеризуя значение народных знаний тувинцев, Л.П.Потапов пишет, что они «получаемые и передаваемые из поколения в поколение эмпирически и изустно, выполняли роль своеобразного аккумулятора народной умственной энергии» [127, 75].

Приобретение знаний в различных областях не являлось для народа самоцелью. Знания, хоть они полезные, не приносят ни счастья, ни радости человеку, если не будут применены в жизни, — таковы мысли народной педагогики. В сказке «Үш чүүл эртемниг оол» (Мальчик с тремя знаниями) мальчик-сирота, на оставленные ему родителями в

наследство три вида скота, выучился трем знаниям: за тридцать коз выучился играть в шахматы, за тридцать коров — искусству фокусника, за двадцать девять лошадей — умению считать свыше ста. При помощи этих знаний он сумел победить жестокого и коварного хана, ранее загубившего много честных, но не владевших этими знаниями людей, освободил бедных от деспотической власти бессердечного злого хана [170, 18].

Знания нужны, иногда они более необходимы, чем скот или другие богатства, они могут помочь в его нелегкой борьбе с силами природы, против зла и жестокости. В одной из тувинских поговорок знания, умения ставятся выше скота, добра: «высшее богатство — дети, среднее — знания, последнее — скот, добро» (ужуур бай — үрен, ортаа бай — эртем, адаккы бай — мал-маган). Конечно, кочевниики никогда не пренебрегали материальной обеспеченностью, но, не имея запаса знаний, умений человек не сможет правильно вести хозяйство, не сумеет сохранить то, что оставлено родителями и предками.

В сказке «Уран-Дойду» повествуется, как отец перед смертью наказывает сыну, чтобы сын, владеющий девятью языками, за оставляемые ему три монеты выучился у людей трем волшебным словам, которых он не знает. Сын, выполняя наказ отца, свои сияющие монеты не отдает ни за прекрасную девушку, ни за коня и серебро, которое сможет унести верблюд, ни за нарядную одежду и неисчислимые сокровища. Он проявляет большую настойчивость и упорство, чтобы, преодолевая трудности, выполнить наказ отца — получить знания. В сказке показано, что получить знания не так просто. Парень нередко приходит в отчаяние и размышляет, проклиная отца: «Все-таки мой отец злой, коварный человек. Он меня погубил». Зачем мне эти три слова? Надо было хотя бы одну монету отдать за богатство и скот». В конце концов парень выучил нужные слова. Употребляя их, он оказывает людям большую услугу в добывании воды — источника жизни, счастья.

Различные явления по-разному оказывали воздействие на психику, сознание и ум неграмотных людей. Одни восхищали, удивляли своей красотой, гармоничностью, а другие вызывали страх, боязнь. Но какое бы ощущение не вызывали они, человек всегда стремился вскрыть их тайны, пытался найти средство борьбы с ними или способ использования их в практической деятельности.

В процессе трудового опыта, передаваемого из поколения в поколение и постепенного наблюдения над окружающей природой и жизнью, тувинцы накопили знания, которыми они пользовались на практике. Разработаны устойчивые системы мер измерения длины, объема жидких и сыпучих веществ, велось летоисчисление по двенадцатилетнему животному циклу, практиковался фенологический календарь, развивалось устно-поэтическое народное творчество, имелись зачатки народной медицины, основанной на применении лечебных трав, корней и средств животного происхождения. Развивались эстетические традиции, главными из которых были прикладное декоративное, песенное музыкальное искусство.

Умственное развитие непосредственно связано с образом быта и особенностью хозяйственных занятий. О тувинских охотниках Д.Каррутерс писал, что «они ухитряются пробираться так же неслышно и незаметно по лесам, как это делает и та дичь, за которой охотятся..., а что касается знания леса, то в этом отношении урянхаец вряд ли кем-нибудь может быть превзойден...» [80, 239]. Охотники в тайге так же свободно ориентируются, как в своем аале. Народные знания, являющиеся отражением богатого производственного и социального опыта многих поколений, передаются от поколения к поколению и составляют неисчерпаемое сокровище их духовного богатства. Знатный тувинский охотник Ак Мырлаа за сорок лет охотничьего промысла добыл около 120 медведей, 400 соболей и 8000 белок. Характеризуя богатства его знаний и навыков, отражающих его трудовое мастерство, С.Тока пишет, что он «как уссурийский гольд с необыкновенной легкостью читает Белую книгу природы, умеет с поразительной точностью определить свежесть следа, по еле уловимым признакам угадать погоду. Для него не представляют секрета повадки и уловки многочисленных обитателей тайги: бесшумная походка, скупые, точные жесты, мудрый взгляд бывалого человека, от которого не ускользнет даже шерстинка на стволе столетнего кедра... [133, 113].

Народный писатель Тувы С.Сарыг-оол с благодарностью вспоминает своего дядю, который знал «про окружающий мир все и всегда обстоятельно» разъяснял все, о чем бы у него ни спросили.

Постоянное общение с природой обогащало память новыми впечатлениями и знаниями. Природные явления могли служить календарем и часами, по которым определяли время года и дня [137, 54].

Каждый пастух, чабан или охотник умел определять время дня по простым «солнечным часам». Для этого он расчерчивал окружность, обозначающую контур юрты, а в центре ең ставил небольшой колышек, а вдоль окружности располагал по порядку предметы, которые имеются в юрте. Дело в том, что тувинцы в юрте все предметы (сундук, кровать, кухонный простой шкаф и т.д.) располагали по строго, неизменно соблюдаемому порядку и по тому, где будут находиться солнечные лучи, проходящие через дымовое отверстие, определяли время дня (утро, маленький полдень, полдень, после полудня, вечер и т.д.).

А человек, находившийся в пути или на работе, время определял, конечно, и по солнцу, но точнее считалось, если оно будет определяться по тени колышка. Мальчики и девочки знали, когда нужно приходить домой с пастьбы. Надо прийти вовремя. Потому что, если рано пригонишь овец домой, то домашние могут быть еще не подготовлены: к этому времени должны пригнать ягнят и закрыть в загоне, а если поздно пригонишь, то ягнята, козлята будут долго находиться в загоне, не успеют попастись.

Для определения времен года существовало много примет. Так, если появляется красивый цветок жидко-синего цвета, он называется хек-даван (подснежник), значит, весна наступает; если у воробья в клюве соринка — скоро птенчики в гнездышках запищат; или если журавлиной песней полны по небу плывут стройные их ряды — известное дело, зима приближается.

Тувинские дети с малых лет получали, прежде всего, в трудовой деятельности элементарные, доступные для своего возраста знания. Так, дети уже к трем-пяти годам хорошо разбираются в различных видах домашнего скота, птиц и зверей, имеющих немалое значение для хозяйства арата. Они никогда не спутают корову с сарлыком (яком), овцу с козой, лошадь с верблюдом, знают, что у коровы родится бызаа (теленок), у овцы — хураган (ягненок), у козы — анай (козленок), у кобылы — кулунчак (жеребенок), у верблюдицы — бодаган (верблюжонок) и т.д.

У детей рано формировались представления об особенностях образа жизни и повадок домашних животных и зверей. Например, к десяти-двенадцати годам тувинские дети хорошо запоминают названия всех возрастов домашних животных. Только для коров, в зависимости от возраста и пола, существует около десяти названий: бызаа (теленок), молдурга (телка 1—2 года), хунан инек, хунажын (корова 2—3 лет), хунан шары (вол 3 лет), хунан буга (бык 3 лет), дөнен инек (корова 4 лет), соответственно дөнен шары, дөнен буга и т.д. Дети могут определять возраст животных по рогам, зубам и другим внешним признакам.

Тувинцы хорошо знакомы с флорой и фауной родных мест. Охотники на основе различных примет могли легко определить наличие тех или иных пушных зверей в окружающих окрестностях, сезонные их перемещения, места концентрации.

Чрезвычайно богаты знания тувинцев по строению внутренних и внешних органов домашних животных и зверей.

Засуха, наводнение, сильные морозы, обильные снегопады приносили большой ущерб хозяйству. Прогнозирование погоды, желание предугадать, предсказать характер времен дня и года были древнейшими стремлениями людей. В связи с этим у каждого народа складывалась своеобразная система метеорологических знаний. В основе тувинской метеорологии главным образом лежат наблюдения за поведением домашних животных, некоторых зверей и птиц, обитающих в непосредственной близости от людей, за особенностями развития растений. Вот некоторые примеры: зима будет суровой и продолжительной, если пожелтевшие листья будут долго держаться на деревьях; дикие голуби ранней осенью приближаются к жилищу людей; осенью рано уменьшается удой

молока; мыши, бурундуки, белки заготавливают большой запас на зиму; тарбаганы, суслики рано зарываются в норы и т.д.

Предвестниками дождя и изменения погоды являлись воробьи, которые купаются в песке или золе, собаки, которые щиплют траву, пьют воду или катаются на спине. Перед дождем, бурей и пургой домашние олени становятся беспокойными, самцы царапают рогами деревья, стремятся уйти вглубь тайги, коровы и сарлыки также перед дождем, даже если в данное время стоит абсолютно ясная погода, начинают скакать, бегать, лезть в воду и т.д. Все эти сведения передавались детям от поколения к поколению, постепенно уточнялись, совершенствовались и обогащались [127, 279, 30, 142].

Интересен опыт жителей местности Ажык Бай-Тайгинского района. Летом они постоянно наблюдают за белизной вечных снегов на вершинах трех рядом стоящих гор Мөңгүлек. Если появляются еле заметные темные пятна на них, то они говорят: жди дождя. Нередко можно было услышать радостные голоса маленьких детей: меңгилер калдарара берди, экизин чаъс, чаар-дыр! (ледники запачкались, как хорошо, скоро будет дождь!). Это специфические приметы. В данном случае даже в таких кажущихся мелкими фактах проявлялась связь воспитания с жизнью местного населения, связь с природой родного края и ее особенностями. Это способствовало не только обогащению памяти детей фактическими знаниями, но и оказывало благоприятное влияние на развитие чувства любви к родным местам, привитие навыков наблюдательности и внимательности. В этом обнаруживается взаимосвязь, взаимообусловленность различных сторон формирования личности.

Обращалось внимание на развитие в детях любви к родному языку. Стремились, чтобы молодые люди не только учились разговаривать, но пытались красочно, применяя эпитеты, сравнения, метафоры (с помощью художественного слова) выражать свое отношение к окружающей действительности, к людям. Именно через родное слово дети познают мудрость народной мысли. Оно помогает установлению бесконечных множеств связей с окружающей действительностью. По словам К.Д.Ушинского, родной язык является лучшим орудием, обеспечивающим «самую обильную и прочную связь, объединяющую отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое, живое, целое» [173, 190].

Преемственность представлений народа об умственном воспитании обеспечивается, в первую очередь, через родной язык. Он выступает как средство сохранения духовного богатства народа. Герои сказаний и сказок, легенд и преданий часто применяют поговорки и пословицы на родном языке, поют песни и частушки: «У сороки нет костного жира, в обществе не бывает все по-старому» (сааскaнда чилиг бар эвес, шаг-төреде болчаг бар эвес); «Конь своему хозяину дорог, мужчине — настоящий друг» (эр кижи эжинге хайыралыг, эки аът зэзинге хайыралыг).

Умение пользоваться поговорками и пословицами, знание сказок, сказаний, песен, легенд, преданий, загадок являлось одним из признаков народного идеала. Человека, знающего в совершенстве родной язык, называли мудрым (мерген угаанныг), красноречивым (чечен), воспитывали уважение к нему. Предполагали, что вместе с родным языком, с его многообразными средствами и образцами человек овладевает и суммой знаний, у него развивается память, воображение и фантазия. Действительно, в сказках и сказаниях, легендах и преданиях отразились мировоззрение, исторический путь, духовное богатство, эстетические взгляды, нравственные требования народа. Особым уважением пользовались сказители, а сказания и сказки, по утверждению Д.С.Куулара, встречали тувинца при его рождении, сопровождали его всю жизнь и передавали повествование о его делах потомству [95, 4]. Такие средства фольклора, как богатые интонационные краски, передаваемые внутренние эмоциональные переживания людей, сравнения и сопоставления, гиперболы и аллегории, раскрывающие их представления о духовном богатстве, силе человека, о добре и зле; установившаяся символика, характеризующая нравственную красоту героя, усиливали точность, выразительность, яркость, воспитательное воздействие слов родного языка. Многие поговорки и пословицы, отражающие глубину и правдивость мудрости народа, укрепляли культ родного слова: «В

половодье нет рыбы, в пословице нет лжи» (үлегер сөсте нүгүл чок, үер сугда балык чок); «Веревку надо уметь вить, пословицу надо запоминать» (чепти чежип өөренир, чеченни сактып өөренир). Они выступают и как гуманное средство воспитания: «Бодливый бык рога выставляет, не умеющий убеждать — кулаками машет» (үзер буга мыйыс дөгээр, үлегер билбес күжүн дөгээр). Родной язык является хранилищем и эстетических взглядов. Описывая явления природы в сказаниях и разговорной речи, тувинцы применяют сравнения, эпитеты и метафоры: «рано утром, когда вершины скал золотились солнечными лучами», «просторная степь с переливающимися миражами» и т.д., а такие сравнения, как хартыгадан кашпагай (ловкий, быстрый, как ястреб); эзир дег эрес (храбрый, удалой, как орел); адыг дег мөге (сильный как медведь) дают нам возможность получить характеристику личности народного идеала. Внешний портрет сказочных героев описывался выражениями: «ай, хүн херелдиг алдын даңгына» (красавица, излучающая лучи солнца и луны); «чойган дег хөнү сынныг, чодураа дег карактыг» (стройна как пихта молодая, глаза черны, как черемуха); «кедиртпелек сай-ла чажы, кедээр черниң пөжү-ле-ийин» (косы у нее такие толстые, как будто ветви молодого кедра); «эңгиски дег кызыл чаактыг» (щеки такие красные, как будто дикой свеклой разрумянены), которые свидетельствуют об эстетическом восприятии явлений общественной жизни. Идеал красоты, гармоничности араты искали и в окружающей действительности.

Хакасский ученый Н.Ф.Катанов, отмечая остроумие тувинцев, писал, что в их песнях «воспеваются и осмеиваются решительно все стороны обыденной жизни, воспеваются не только вся вообще урянхайская земля со своими постоянными обитателями, но и все неодушевленное, на ней находящееся», т.е. в языке народа отражалась вся его духовная жизнь. Уже к семи-восьми годам дети слышали совершенные образцы родной речи — поговорки, пословицы, загадки, сами постигали смысл наиболее широко известных и красивых фраз, выражений и стремились усвоить и повторять их в своей речи. О значении всякого образования, письменности, о грамотности, стремлении к свету и знаниям тувинцы утверждали: «без знаний и утро, как ночь» (эртем чокта, эртен-даа дүне-ле), «неграмотный, как немой» (үжүк билбес, үн чок-биле дөмей) и т.д. Вековые желания трудящихся о необходимости грамотности отражались в сказаниях и в сказках. Героиня сказания «Мөге Баян-Тоолай» Алдын-Даңгына оставляет мужу записку, в которой она сообщает о том, что «ограбил его родину и увез ее чудовище Амырга-Кара-Моос» [ЦГИАЛ, ф.733, 04.150, ед.хр.284, №227]. В ней же она предупреждает мужа о коварности и могуществе врага. Благодаря письменному сообщению жены, богатырь узнает, с кем имеет дело, готовится к схватке и побеждает злое чудовище, освобождает свою суженую, и своих подданных. В сказке же «Как заяц спас овцу» [170, 186] заяц нацепляет на рога овцы какую-то бумажку с письмом, а волк, который не умеет читать, поверил, что это указ бога о наказании волка, испугался и убежал. Здесь народ, с одной стороны, показывал, какую услугу может оказать письменность, а с другой — высмеивал глупость баев, которые кичатся своей грамотностью, умом, а на самом деле не умеют даже читать. Не исключена возможность, что в подобных сказках отразились представления людей об имевшейся у древних тюркоязычных племен письменности. Педагогическая ценность идеи — необходимость умения читать и писать неоспорима. Грамота нужна и для того, чтобы узнать мысли, секреты и думы друзей и врагов, для передачи знаний.

Дети и молодые люди, несомненно, старались овладеть грамотой. Рассказы стариков свидетельствуют о том, что среди тувинской молодежи были такие, которые ездили в Монголию и Китай, обучались основам тибетской и монгольской грамоты. При этом они не отказывались в выполнении самой трудной и тяжелой работы.

Обширные знания накоплены в области космогонии и астрологии (астрономии). Многие из них неверны, искажены, примитивны. Так при объяснении причин солнечных и лунных затмений пользовались представлениями о существовании Верхнего мира (Үстүкү Оран), где проживает чудовище «Амырга Моос». Оно, рассердившись на непослушание и своевластие людей Земли, проглатывает Солнце или Луну. Подобные представления поддерживались представителями господствующих классов, заинтересованных держать простых людей в страхе, бессилии и покорности. Они свободны

от религиозно-ми-фологического налета и противоречивости в них мы не можем найти отражения научной картины мира.

Однако сам факт стремления найти причины небесных явлений, установить взаимосвязь между космическими и земными явлениями имел определенное значение для развития пытливости, любознательности ума, сами знания дадут возможность судить о преемственной историко- культурной связи современных тувинцев с древними [127, 292] их историческими предками.

Среди космогонических и астрономических знаний народа имеются и вполне рациональные, наивно-материалистические представления и взгляды. Например, тувинцы, как и монголы, хакасы, алтайцы и другие народы Полярную звезду считали центром звездного (небесного, верхнего) мира. Называют ее тувинцы алдын өрген (золотой кол). Были попытки, направленные на проверку и истинной достоверности результатов своих наблюдений и выводов. Чтобы убедиться, что Полярная звезда неподвижна относительно других звезд, они по ней прицеливались и убеждались, что «она с мушки не сходит, тогда, как любая другая звезда смещается».

У тувинского народа сложились вполне ясные представления об изменении лунных фаз, наблюдая за которыми они вели счет по лунному календарю. Дети с малых лет получали представления о суточном перемещении звезд. Например, на вопрос «Что такое семь?» предлагался ответ: «Если Чеди-Хаан (Большая Медведица) повернется так, что окажется напротив двери, то наступит утро». Или, если зимой созвездие Плеяд видно через дымовое отверстие юрты, то, говорят, наступила полночь (дүн ортузу). Определенные представления складывались о годичном движении звезд. Үгер (Плеяды) видны только в холодное время года, летом уходят с неба, т.е. догадывались о периодичности их движения.

Наличие собственных названий некоторых небесных тел и звезд говорит о том, что космогонические и астрономические знания имеют глубоко древнее происхождение и, передаваясь от поколения к поколению, служили средствами развития ума, обогащали память подрастающего поколения. Например, названия звезды Венеры, у тувинцев такие же, как и у киргизов, хакасов, алтайцев и многих тюркоязычных народов и соответственно (Шолбан, Сылдыс). О таких созвездиях, как (Чеди-Хаан) — «Большой Медведице», (Үш мыйгак) — «Три маралухи», «Орионе», (Үгер), — «Плеядах», (Дээр тии —небесный шов) — «Млечном пути» и о ряде других созвездий имеются легенды и мифологические рассказы, в основе которых лежат не религиозные взгляды о происхождении и строении небесных тел. В легендах о небесных явлениях и созвездиях народ опоэтизировал свои желания и интересы, что привлекало внимание детей. Так, в легенде об Орионе говорится, что три средних звезды представлены как скачущие от погони маралухи, три звезды в юго-восточной части созвездия «охотничьи собаки; две звезды, расположенные южнее (левее) последних — охотник и его лошадь, а самая высокая звезда созвездия, излучающая красноватый свет, — стрела охотника, пронзившая одну из маралух и покрасневшая от ее крови» [95, 136].

Не безынтересно заметить, что многие народы, для которых главной книгой учебы и образования была сама окружающая их природа, независимо друг от друга открывали общие закономерности, наблюдаемые в природных явлениях. Это объясняется утверждением Поля Лафарга о том, что «невозможно допустить, что это совпадение основывалось на традиции или заимствовании.... Люди, получившие впечатления одинаковых явлений, передадут их в схожих песнях, сказаниях и обычаях» [97, 53].

У монголов, тувинцев, хакасов, алтайцев в Центральной Азии; у чувашей, татар, марийцев, русских в Поволжье существовали многообразные приметы, основанные на знаниях, полученных в процессе наблюдения за движением Луны и созвездия Плеяды. По приметам чувашей, «если Плеяды пройдут поверх месяца, весна будет сухая (снег не сойдет), дождя не будет; если — снизу месяца, весна будет ненастная (дождь будет, снег сойдет скоро) [39, 178.], а тувинцы считали Плеяд хозяином мороза (соок ээзи). С появлением их на небе связывали наступление холодов. Как Плеяды уйдут с неба, говорили тувинцы, наступает теплая пора. Они замечали, «что, если в середине первого

зимнего месяца созвездие Плеяд проходили мимо Луны и их в это время не видно простым глазом, значит, зима будет теплая: если же Плеяды в это время и в этом положении хорошо видны, зима будет морозной» [127, 291].

Даже эти крупицы народных знаний говорят о многом. Если поволжские народы, как исконные земледельцы, больше всего заботились о судьбе урожая, стремились предугадать характер весны и лета, то жители Центральной Азии пытались узнать особенности зимы — самого трудного и тяжелого времени для скота — основного источника жизни. Эти знания, взятые в целом, могут быть использованы для прогнозирования погоды и иметь не только историческое, но и практическое значение.

Несомненно, придет время, когда разрозненные, эмпирические знания наших народов будут собраны, объединены и обобщены. Они явятся неоценимым вкладом в неисчерпаемую сокровищницу духовного богатства человечества.

Попытки развития математического мышления отражались во многочисленных вычислительных и логических задачах, предлагаемых детям и молодежи во время вечерних сборищ, которые в основном посвящались устному творчеству. Преподаватель Кызылского пединститута С.С.Салчак, занимаясь проблемами развития математического образования в Туве, собрал много любопытных сведений об опыте тувинцев по составлению задач на материалах повседневной жизни. Эти задачи развивали у детей сообразительность, смекалку и логическое мышление. Приведем некоторые из них. По горной тропе перемещается 20 человек. Среди них имеются верховые и пешие. Подсчитали, сколько ног у лошадей, оказалось 48. Сколько же было верховых и пеших? На двух деревьях сидели 16 рябчиков. С первого дерева улетели четыре рябчика, но прилетели туда два рябчика. Тогда количество рябчиков на первом дереве стало в три раза больше, чем во втором. Сколько же рябчиков сидели в начале на каждом из двух деревьев?

Н.Ф.Катанов писал, что у тувинцев существовали различного рода задачи, доказывающие «остроумие и изобретательность Урянхайского (тувинского — К.С.) народа». Тувинцы всегда выходили из трудного положения, оказывались умнее и находчивее купцов, баев, феодалов и лам. Например, в сказке «Чечен-оол» (мудрый мальчик) показано, что мальчик-сирота оказался мудрее, находчивее и умнее самодовольного, хвастливого ламы. Чечен-оол быстро и находчиво отвечает на десять вопросов, заданных ламой. Затем очередь наступает Чечен-оола.

— Почему у журавля очень звонкий голос? — спрашивает он.

— Потому, что у него шея длинная, — отвечает лама.

— Тогда почему кукушка так громко поет, хотя у нее шея короче?

Лама не мог ответить.

Дальше:

— Почему утки хорошо плавают в воде?

— Потому что пух их ножек очень гладкий.

— У лодки нет ножек, а почему она хорошо плавает?

— Да, — говорит он, — ты очень сообразительный и умный парень. Я не додумался до этого. [См. Дневник путешествия по Минусинскому округу Енисейской губернии с 2I.IX—I889 по 12.1—1890 гг. Центральный госархив Татарской АССР. Фонд № 969, опись I, арх.8, стр.350].

Учителя из народа приучали детей к тому, чтобы они не торопились с выводами, не делали обобщения по неполным и неточным знаниям о предмете и явлении. Качества и свойства одних предметов и явлений нельзя механически переносить, приписывать другим.

Распространенным способом передачи знаний являлись беседы с детьми, носящие характер вопросов и ответов. Взрослые с удовольствием беседовали с детьми, отвечали на многие их «Почему?». Примером таких бесед может быть разговор между бабушкой и внуком:

— Бабушка, а что кукушки перекликаются?

— У всех птиц своя пора. Кукушка кукует о весне. ...Когда кукушка закукует, все травы зазеленеют и лес листвой покроется. Начинается лето — пора трудолюбивых.

— Ранней весной самая первая засвистит выпь — свистушка: «туть-туть» ... Пора весенней рыбалки. «Выпь запела — таймень заиграл» - говорят рыбаки. А пение перепелочки напоминает, что наступило время обильного молока. Скотина после холодной зимы набирает силу, а только потом увеличивается удой и т.д. [137, 67—71].

Знания тесно переплетаются с хозяйственно-трудовыми занятиями людей. Нет голых, абстрактных знаний, все связано с трудом, с особенностями организации трудовой жизни, сезонными формами основных отраслей хозяйства. Отдельные явления природы вызывают конкретную ассоциацию со спецификой общественной жизни. Это и понятно, ибо арату «не до умственной роскоши, он человек рабочий, задумывается над тем, что может иметь отношение к его жизни, и задумывается именно для того, чтобы в душе своей найти основание для практической деятельности» [133, 128] — как отмечал К.А.Добролюбов о русском крестьянине.

Сказания, сказки, легенды и предания содержат большое количество фактических материалов, представляющих совокупность знаний народа. В то же время многие из них являются дидактически отработанными средствами, способствующими развитию логического мышления детей, умений их анализировать и синтезировать, сопоставлять и сравнивать, самостоятельно вести наблюдения, на основе полученных знаний делать заключения, обобщения. Так, в сказке «Исследование мыши» показано, как путем последовательного ответа на ряд вопросов мыши приходят к правильному заключению. Сказка представляет собой беседу между двумя мышами. Так одна такая сказка знакомит детей с различными явлениями природы. Приемом сопоставления и сравнения, способом исключения, недостаточно полные знания дополняются новыми сведениями, а неверные, ложные отвергаются, заменяются новыми, реальными, устанавливаются причинно-следственные связи. Сказку приводим по книге «Тувинские народные сказки»:

— А ты заметила, какой холодный лед? — спрашивает первая мышь.

— Да. Но если лед такой холодный, то почему он тает от солнца? — ответила вторая.

— Стало быть, солнце сильнее, горячее.

— Но если солнце такое сильное, то почему его лучи не могут пойти сквозь черные тучи?

— Значит, черные тучи сильнее солнечных лучей.

— Если тучи так сильны, то почему ветер разносит их, открывает путь солнечным лучам?

— Стало быть, ветер сильнее туч.

— Но если ветры так сильны, то почему они разбиваются об утесы и скалы?

— Значит, утесы и скалы крепче и сильнее ветра.

— Если утесы и скалы так крепки и сильны, то почему же горные бараны и козероги своими рогами отбивают от них куски и высекают из них огонь?

— Стало быть, дикие козероги и бараны сильнее неподвижных утесов и скал.

— Но если козероги и бараны так сильны, то почему же их убивает человек?

— Значит, никого нет на свете сильнее человека!

Загадки, являющиеся частью художественной литературы народа, играют важную роль в деле умственного воспитания, характеризуя педагогическую ценность загадок в умственном воспитании. Г.Н.Волков пишет, что они «требуют не только сообразительности и активной мыслительной деятельности, но и больших усилий памяти» [39, 193]. Загадки загадывались вечерами после работы или днем среди маленьких детей. «Тывызыктаары» (загадывание загадок) — одно из популярных и любимых занятий детей, молодежи, но иногда и взрослых тувинцев. Желающие собирались в одной юрте. Организаторами были бабушки и дедушки или знатоки фольклора — своеобразные народные педагоги.

Участники или разбивались на две команды или один из присутствующих, хорошо знающий загадки, становился ведущим, а другие поддерживали его. Существует

интересная форма тывызыктаар. В ходе его слышны слова баажызы (непереводимое слово, обозначающее «укажи приблизительно, к какому роду предметов и явлений загадываемое относится: к предметам быта и орудиям труда, к животным или растениям, к явлениям природы или к человеку и т.д.) и догааштырары (примерно: загадайте свою загадку)».

Название баажызы и догааштырары отличают тывызыктаар от подобных игр, развлечений других народов. Когда загадка загадана, ее отгадку ищут на всех предметах, явлениях, вещах и т.д. Круг их очень широк. Например, карак чивеш аразында, каяа-даа чедер (в один миг улетает далеко).

Отгадкой может быть и пуля, и свет, и звук и т.д. Но когда загадавший говорит «баажызы» в человеке, то отключаются все другие области поисков. Круг сужается. Задача облегчается. В данном способе народной педагогики нетрудно усмотреть соблюдение правила перехода от общего к частному, от множества к единичному. «Баажызы» называется только тогда, когда отгадывающие попросят. Данный способ занятия в загадки является своеобразной дидактической разработкой народной педагогики.

В начале состязаний устанавливались правила, соблюдаемые всеми участниками: каждый отгадывает по одному-два раза (если участников мало, то по три раза), потом «баажызы» после этого отгадываются тоже по одному-два раза, и если тогда не отгадают, то должны загадать свои загадки. Одна загадка, если она трудная, может быть не отгадана в течение длительного времени. Зато вызывает интерес у всех, поднимает авторитет загадавшего. Те, которые знают много остроумных, хитрых загадок и которые быстро соображают и находят их отгадки, пользуются уважением среди других.

В «тывызыктаар» среди детей большую роль играют матери и старшие сестры, братья, которые, пытаясь более целесообразно развивать любознательность детей, учат их загадывать и отгадывать загадки. Такие загадки, как «синий козленок хөне — завязка для ягнят — тащит (көк анай хөне сөөрткен) — иголка с ниткой, «не мог укусить шов кисета, который мама сшила» (авам даараан чанчыының тиин ызырып чададым) — нельзя укусить дна ладони руки; «меньше меня одела меня» (менден биче мени хепкерди) — иголка и т.д. бесспорно, являются творением материнской педагогики. С помощью их матери не только развивали у детей умственные силы, но и стремились привлечь их внимание к различным видам домашнего труда, отражали в загадках, как и в других жанрах устного творчества красоту, особенность трудовых занятий. Во всех сказаниях и сказках «Алдын-Даңгына» (Золотая царевна), «Чечен-кыс» (Девушка премудрая) являются непревзойденными выдумщицами, находчивыми умницами. Это подтверждает мысль о том, что в умственном воспитании роль матери, женщины, как педагога, велика. Под влиянием матерей, сестер, дети сами ищут в окружающей действительности загадочное, выдумывают сказки, сочиняют песни, творят загадки, а это развивает у детей способности по-своему выражать свое отношение к явлениям природы, жизни и труда.

Постоянное общение с окружающей средой, занятие скотоводством и охотой служили неисчерпаемыми источниками знаний, обогащающих память, развивающих пытливость ума: «Собаку в зубах держит, на корове верхом ездит, верблюда за собой ведет» (ыдын ызырган, инээн мунган, тевезин четкен). Только человек, одаренный способностью тонко замечать общность и различие в явлениях, может загадать подобную загадку.

Сами загадки являются хранилищем народных знаний. Дети могут не отгадывать ту или иную загадку, тогда взрослые должны сказать ответ, при этом дается краткое разъяснение. Например, почему отгадкой вышеприведенной загадки является свинья? Во-первых, у нее во рту клыки как у собаки; во-вторых, копыта у нее как у коровы; в-третьих, уже сами дети могут сказать, хвост у нее как у верблюда. Более доступного описания внешнего вида свиньи трудно найти. Дети о собаке, корове и верблюде знают из повседневной практической жизни.

Неожиданные сравнения, парадоксальные сопоставления возбуждают у детей любознательность, способствуют развитию у них гибкости ума и динамичности мышления: «Белее снега, чернее угля, ниже собаки, выше верблюда» (сорока) — (хардан ак, хөмүрден кара, ыттан чавыс, теведен бедик); «спереди как бык, сзади — как стрела лука; сбоку — как нагруженный с ханой (часть остова юрты, решетчатые стены, сделанные из прутьев) вол

(саранча) — (мурнундан көөрге — буга, соондан көөрге — согун-на, хажыызындан көөрге — хана чүдүрген шары-ла). Человеку незнакомому с особенностями быта и труда скотовода-кочев-ника, такие сравнения, конечно, могут быть неинтересны! Удивляешься, какую наблюдательность надо иметь, чтобы заметить такое сходство в совершенно различных предметах и вещах.

Множество умственных мыслительных операций приходится делать детям, чтобы отгадать такие загадки. Вспомнят все, что может быть белее снега, чернее угля и т.д. Интересна и сама структура загадки. Отгадка подобных загадок превращается в своеобразное состязание детей и молодежи в просторе своего кругозора в силе фантазии и богатстве памяти.

Загадки следующего типа, хотя по структуре напоминают предыдущие, требуют другого подхода к отгадыванию: «Не бык, а с рогами, не лось, а с подгрудком, не тигр, а с полосками, не лама, а с правами» (буга эвес — мыйыктыг, буур эвес — чогдурлуг, пар эвес — шокар, лама эвес — эргелиг) (удод, журавль, дятел, турпан*). Здесь объединены разные загадки о разных объектах, но все они относятся к птицам. Конечно, их можно разъединить, но тогда отгадки могут быть разные. Например, не бык, а с рогами — *жук;* не лось, а с подгрудком — *корова* и т.д. Подобные загадки не только развивают ум, но распространяют и углубляют знания детей в одной какой-либо области познания.

Анализ произведений устно-поэтического творчества тувинцев, раскрытие их значения для умственного воспитания подрастающего поколения дают нам основание прийти к выводу, что знания охотников, пастухов, пахарей и прочих древних основоположников человеческой культуры, — как справедливо это отмечал М.Горький, — дошедшие до нас в отрывках и некоторых искажениях являлись одновременно и нераздельно не только литературой, но и наукой.

Глава III. НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ ТУВИНСКОГО НАРОДА

3.1. Понятие, цель и содержание нравственного воспитания в этических представлениях тувинцев

Педагогические условия, в которых происходит формирование нравственности школьников, сложны и противоречивы. Изменения культурно-нравственных, социально-экономических условий современной жизни — процесс урбанизации, повышение бытовой комфортности, влияние рыночных отношений повлекли за собой и целый ряд условий, ограничивающих эффективность влияния традиционной педагогической культуры в воспитании учащихся. Оторванность многих современных школьников от традиционного народного быта сказалась на уменьшении роли, значительном сокращении объема и содержания народной педагогики в реальной жизни, в сравнении с тем, какое место он занимал прежде. Сокращается общение представителей старших поколений с младшими на уровне передачи важнейших нравственных ценностей. Наблюдается нарушение тесных связей между дедами и внуками, неспособность молодых родителей передать нравственные идеи через этническую педагогику, а это является одной из причин утраты молодым поколением «чувства восприятия прошлого».

«Все народы во все времена хотят воспитать своих детей честными, смелыми, трудолюбивыми, — пишет И. С. Кон. — Вопрос заключается именно в том, какой конкретный смысл вкладывается в содержание этих общечеловеческих ценностей и какими средствами, и насколько эффективно народная педагогика добивается их внедрения и осуществления» [84, 19]. А содержательная сторона процесса воспитания выражается в его цели, средствах ее осуществления и результатах деятельности.

Нравственное воспитание — часть социализации личности и поэтому оно идет в процессе «социализации — усвоения человеком ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности, группе и воспроизводства им социальных связей и социального опыта» [111, 165]. В этом смысле нравственное воспитание — это целенаправленное создание условий для включения человека в систему нравственных отношений, приобретения и накопления знаний, умений и навыков, опыта нравственного поведения социума.

В новой социально-педагогической ситуации остаются актуальными идеи Н.И. Пирогова о том, что конечная цель разумного воспитания должна заключаться в постепенном образовании в ребенке ясного понимания вещей окружающего мира и преимущественно общественного, то есть того, в котором ему со временем придется действовать. Это, прежде всего. Затем последовательным результатом такого понимания должно быть возведение добрых инстинктов детской натуры в сознательное стремление к идеалам правды и добра. И, наконец, в задачу воспитания, на результат того и другого, должно влиять постепенное образование нравственных современных убеждений, образование твердой и свободной воли и, следовательно, воспитание тех гражданских и человеческих доблестей, которые составляют лучшие украшения времени и общества [125, 645].

Современное воспитание направлено на формирование у личности нравственности. В быстро меняющемся мире человек может жить и эффективно функционировать, обладая высокой нравственностью, т.к. «вне нравственности нет человека как социального существа, нет личности как социальной единицы — подчеркивает Г. Н. Волков. — Именно нравственное воспитание является в первую очередь сферой истинно человеческого воспитания. Это существенный компонент процесса становления личности» (41, 116).

Сегодня для нас наиболее актуальной является мысль К.Д. Ушинского о том, что на воспитание большое внимание оказывает характер национальной особенности, культуры, быта и истории народа, потому что основой нравственности является традиционная культура, ее нравственные предписания, установки, нормы и правила поведения. Отсюда задача нравственного воспитания состоит в том, чтобы закреплять и развивать прогрессивные народные традиции в интересах развивающейся личности, а содержание нравственного воспитания предполагает специальное внимание к нравственным чертам личности, то есть это своего рода программа нравственных требований, перечень нравственных черт личности [174,13—28).

Содержание нравственного воспитания в народной педагогике тувинцев основывалось на положениях традиционной этики «ужур» и на понятии «нравственность».

Понятие нравственность в тувинском языке трактуется «мөзү-бүдүш» и «мөзү-бүдүштүг» — нравственный, что означает нравственную сущность человека, его убеждение и поведение. Но больше в тувинском языке бытует слово «кижизиг» — человечный, что напрямую относилось к нравственному поведению человека, которое закреплено в нормах и правилах традиционной этической культуры. От слова **«кижи» — человек** произошло и слово «кижизидилге» — воспитание — формирование человека. Данную цепочку понятий можно продолжить относительно характеристики человека, вступившего в самостоятельную жизнь: кижи болган — стал человеком, кыс болган — стала девушкой, эр болган — стал мужчиной. Такую характеристику давали только тогда, когда старшие воспитатели — старейшины в роду, родители и родственники — могли сказать, что действительно, благодаря своему благонравному поведению, согласно предписаниям народа, молодой человек становится «на ноги» (бут кырынга турган). И, если говорят «кижи болган», значит, он состоялся не только как исполнитель разных социальных ролей, но и как человек, несущий в себе нравственные идеалы: благонравный, благожелательный, благородный, добродетельный. И соответственно наоборот, дается отрицательная характеристика тому, кто не оправдал надежды народа, не соответствует его нравственным представлениям: «өөдежок», «мөзүжок» — безнравственный.

О нравственности человека можно судить по его отношению к другим людям. Это видно из содержания тувинской скороговорки: Кижи кижини Кижи дээрге, Кижи

кижини Кижи дээр, Кижи кижини Кижи дивеске, Кижи кижини Кижи дивес — *досл:* если человек считает другого человека человеком, то человек будет считать человека человеком, и наоборот: если не будет считать человека человеком, то человек не будет считать человека человеком. Отсюда видно, что нравственность человека проявляется в его человечности. Это как нравственная установка — айтылга.

Человечность в тувинской этике означает благожелательность, готовность действовать на благо других, в интересах общества, ближних, родственников. Она в свою очередь находит свое проявление в толерантности — способности человека спокойно, терпимо и снисходительно относиться к людям, нравственном внимании — готовности понять и принять радость и горе другого человека и прийти на помощь. Взаимопомощь и взаимовыручка — вот высшие критерии нравственного внимания, ценимые в тувинском обществе.

Внешним проявлением благожелательности у тувинцев выступает благодарность — своего рода ответная реакция на проявление человечности и красоты. Об этом говорит благопожелательное приветствие занятых делом людей:

Үүле бүтсүн!	Пусть дело спорится!
Чорук чогузун!	Пусть дорога сбудется!

Кроме этого, нравственность личности проявляется в почтительности (хүндү) — «хүндү билбес — хүлге боражыр» — не знающий почтительности, золой размажется — как одно из исходных положений тувинской этики, включающей в себя совокупность таких качеств, как вежливость, деликатность, скромность, послушание. Почтительность проявляется в специфических устойчивых правилах и нормах поведения «ужур», усваиваемых растущим человеком осознанно, на что мы обратим особое внимание в следующем параграфе. Она является своеобразным пропуском для самореализации человека в социуме. При этом народ осуждает лесть, угодничество как негативные проявления почтительности.

Нравственность человека определяют также в чести (алдар), совести (арын-нүүр) личности. Понятие «арын-нүүрлүг» в данном случае означает «имеющий лицо» — справедливый, честный, совестливый «нүүрлүг». Лишить человека лица означает разрушить его человечность, почтительность. Забота о собственной чести связывалась с сохранением чести семьи, рода, народа, нации. О человеке, нарушившем правила «ужур», в народе говорили: «арын-нүүр чок кижи» — человек, «не имеющий лица», совести. Такого человека не уважали, почтение не оказывали. Очевидно, лицо считается наиболее выразительной частью человеческого тела, сообщающее наиболее характерологические свойства личности. Еще больше о нравственности человека можно судить по выражению его глаз (см. последующий параграф).

Нравственное воспитание в соответствии с требованиями традиционной этической культуры тувинцев включало также формирование у растущего человека трудолюбия, уважения к людям труда, выработку умения трудиться так, чтобы создаваемое трудом доставляло радость и удовлетворение.

Таковы нравственные принципы в этническом воспитании тувинцев. Они, как мы уже отмечали, определяют содержание и ведущие направления формирования совершенного человека и вместе с тем обуславливают характер взаимоотношений личности в обществе.

Как видно из вышесказанного, целью нравственного воспитания народная педагогика считает превращение гуманных нравственных установок, предписаний в личные убеждения, в факт высоконравственного поведения человека.

А там, где мы имеем сознательное стремление к какой бы то ни было цели, мы имеем уже зародыш, из которого может развиться стремление к осуществлению нравственного идеала, так как каждая, даже самая простая цель, которую только человек себе ставит, есть идеал в его самой элементарной форме. Идеал разнится от просто цели только тем, что это — совокупность многих целей, соединенная в одну стройную систему [39]. В идеале

показывается конечная цель воспитания и самовоспитания человека, дается ему высший образец, к которому он должен стремиться [39, 23].

Воспитательный идеал обосновывался К.Д. Ушинским с позиции народности: «Каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал человека у каждого народа соответствует народному характеру определяется общественною жизнью народа, развивается вместе с его развитием, и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной культуры» [174, 122].

Проблема нравственного идеала с позиций аксиологических приоритетов впервые в истории русской педагогики была глубоко и всесторонне разработана вслед за К.Д. Ушинским П.Ф. Кап-теревым. Он наполнил новым содержанием само понятие воспитательного идеала, дал ему четкое определение, наиболее объективное в научном отношении в отечественной педагогике XIX века: «Идеал есть хотя и духовное, но и живое и образное целое, воплощающее в себе желаемое и ожидаемое известным народом от своих сограждан, есть совокупность привлекательных ценных черт, есть совершенно определенная путеводная для жизни звезда» [79, 194]. П.Ф.Каптерев обосновал идею невозможности существования общечеловеческого, всенародного педагогического идеала так же, как нет общечеловеческого языка, религии и у каждого народа своя история развития, свое национальное искусство. «Поэтому — пишет П. Ф. Каптерев, — один всенародный общечеловеческий идеал невозможен, хотя, несомненно, существуют одни и те же основы и задачи воспитания», имея ввиду, что в основе каждого национального воспитательного идеала лежат общечеловеческие ценности.

В гуманистической педагогике В. А. Сухомлинского формирование обобщенного образа идеального человека считается высшей ступенью нравственного воспитания. В.А. Сухомлинский пишет: «Идея — корень, идеал — зеленый росток, из которого развивается могучее дерево человеческой мысли, деятельности, поступков, страстей, порывов, столкновений. Мы должны каждого молодого человека научить постигать важнейшую жизненную мудрость: думать так, чтобы приблизиться к познанию идеи, чтобы стремиться к идеалу» [161, 38].

Идея составления собирательного образа народов о совершенном человеке принадлежит основоположнику этнопедагогики Г.Н. Волкову. В его фундаментальном труде «Этнопедагогика» идея совершенства человеческой личности занимает одно из основных мест в сокровищнице народной педагогической мудрости. «Народный идеал совершенного человека следует рассматривать как суммарное, синтетическое представление о целях народного воспитания, — считает Г.Н.Волков. — Цель, в свою очередь, является концентрированным, конкретным выражением одной из сторон воспитания. Идеал — универсальное, широкое явление, выражающее самую общую задачу всего процесса формирования личности. В идеале показывается конечная цель воспитания и самовоспитания человека, дается высший образец, к которому он должен стремиться» [39].

Определение нравственного идеала было дано К.Н. Вент-целем: «Совокупность всех нравственных понятий данной личности образует то, что может быть названо нравственным идеалом. Этот нравственный идеал всегда есть идеал жизни, только идеал жизни более полной, жизни лучшей, более светлой, находящейся на более высокой ступени развития» [35, 546]. А творцом такой жизни является сам человек.

С точки зрения народной педагогики, словом «идеал» мы определяем представление народа о совершенном человеке, а нравственный идеал — это возможность для индивида подняться до уровня совершенного человека — «ёзулуг кижи», это все лучшее, что выработано многими поколениями и соединено в одну личность.

Развитие человечества было бы невозможно без стремления людей к совершенству. Это стремление становится движущей силой самосовершенствования и саморазвития, которые сохраняют свое значение в течение всей человеческой жизни, но никогда, быть может, они не получают такого преобладания, как в юношеском возрасте.

В контексте вышесказанного можно сделать вывод о том, что педагогическая значимость идеала огромна — это и цель воспитания (идеал совершенного человека), это и

основной мотив самосовершенствования, и необходимый регулятор поведения, деятельности. Это одна из основных слагаемых духовной культуры любого народа, в ней присутствуют идеалы юноши и девушки — «ёзулуг эр», «ёзулуг кыс», мужчины и женщины — «ёзулуг эр», «ёзулуг херээжен», которые способствуют формированию поведения, духовного мира, нравственных ориентиров личности, ее отношений к окружающей действительности. Как специфическая цель воспитания народный нравственный идеал влияет на образование и воспитание детей, превращая все богатство духовно-нравственной культуры народа в эффективную систему средств функционирования учебно-воспитательного процесса в современных условиях.

Представление каждого этноса о совершенном человеке развивались и конкретизировались под влиянием исторических, социально-экономических условий. Своеобразие социальных условий жизни народа находит свое отражение в народном идеале совершенного человека.

Народам Средней Азии известна заповедь о трех добрых человеческих качествах — доброе намерение, доброе слово и доброе действие. Данную заповедь дополняет отгадка тувинской загадки: что есть три скорости света — ум, мысль и мечта. Здесь таится тонкая философская мысль: мысль — идея, душа в переводе на тувинский язык означает «сагыш, бодал». А с этим словом связаны нравственные качества человека: «сагыш човаачал» (отзывчивый человек), «сагыш чазаар» (утешать, успокаивать), «ак сагыш — кара сагыш» (честное намерение и злой умысел), «сагыш аарыыр» (сильно переживать), «сагыш баксыраар» (скорбеть, унывать) — они существуют в языке как устойчивые словосочетания. Ум — «угаан», разум — «сарыыл»: «угаан кирген» — поумнел, «угаан-сарыылдыг» — разумный, сознательный. Мечта — «күзел»: «чырык күзел» — светлая мечта. Итак, человек со светлой мечтой и честными намерениями, отзывчивый и понимающий людей, умный и рассудительный, может завоевать уважение и почет в народе. Здесь мы видим идеал благонравного человека.

В древности и раннем средневековье на огромных пространствах Средней и Центральной Азии, и Южной Сибири существовали различные государственные объединения кочевых тюркских народов, чья культурная жизнь была настолько высока, что оставила потомкам незаурядные литературные произведения, которые являются общим наследием тюркских народов. Они представляют собой надписи, сделанные древнетюркским руническим письмом на каменных стелах, которые входят в комплексы погребальных сооружений разных исторических деятелей. Таковы Малая и Большая надписи в честь полководца Кюльтегина, Билге-кагана, одного из прославленных правителей Восточнотюркского каганата и Тоньюкука, советника каганов. Обратиться к памятникам подвиг нас этнопедагогический интерес, чтобы понять и осмыслить нравственные ценности — мудрость наших древних предков. В них мы читаем завет Бильге-кагана к своему тюркскому народу:

Каганом став, собрал несчастный свой народ,
устроил и сплотил разрозненных — и так
кто прежде был, богатым вскоре стал,
а малый мой народ великим вскоре стал ...
Мой царственный завет — сердечные слова
нести из рода в род велю вам: пусть войдут
они в народ «он ок» и в племя тат, и пусть,
о тюрки, пусть всегда средь вас они живут!

(Из Малой надписи, 91).

Высеченные на вечном камне слова вождя тюрков создают объединенный образ совершенного правителя кочевых народов, благородного, объединителя родов и племен, бесстрашного героя с добрым сердцем и добрым именем.

Большая надпись о полководце Кюльтегине, перенявшем боевые подвиги своих предшественников, говорит о преумножении славы каганов. В ней мы встречаем отражение мысли степного народа о совершенстве личности:

Отважный каган отважного сменял,
мудрейший принимал от мудрого свой трон,
и те, кто доводил законы для людей,
все были, как один, отважны и мудры... [91]

Здесь мы видим усиление характеристик совершенства настоящего кагана: мужественный и мудрый. Мужественность. Носителем мужества героя считается его внутренняя энергия, сила и красота духа. В нем проявляется доблесть как воинское и социально значимое мужество, благотворно повлиявшее на ход исторических событий, побуждающее окружающих к активным нравственным действиям, красивым и благородным поступкам. В данном отрывке мы видим еще и реализацию принципа преемственности в этнической педагогике.

На основе имеющихся источников по тувиноведению, рунической письменности (Орхоно-Енисейские памятники) в честь Кюльтегина и материалов устного народного творчества, полевых материалов, мы сделали попытку представить нравственный идеал совершенного человека в этических заповедях тувинцев. Осознавая, что весьма трудно дать ему определенный облик, сделать ясным и убедительным, чтобы можно было использовать в нравственном воспитании школьников, мы представили в виде нравственного кодекса правил, который отражен в древнейших наставлениях и поучениях, запретах и предписаниях.

1. Дорожи честью и добрым именем своим: «Арның бодавайн, адың бода» — «Не думай о лице, думай об имени (о чести своей)».

2. Дорожи именем своего рода и родителей своих: «Төрелин билбеске — түрээр, төөгүзүн билбеске — төөрээр» — «Не будешь знать род свой — в беду попадешь, историю — в заблуждение попадешь»; «Ие сөзүн ижип болбас, ада сөзүн ажырып бол-бас» — «Наказ отца запоминай, слово матери уважай».

3. Уважай старших. Не вступай в разговор первым, не проходи перед ними. Предлагай свою помощь и участие в их делах. В старости будь опорой. Слушайся советов и не спорь со взрослым: «Улугну хүндүле, уругну азыра» — «Старшего уважай, младшего воспитай».

4. Будь добр, вежлив и щедр: «Кижи экизи хүн, кижи багы чылан» — «Добрый да щедрый солнцем сияет, злой человек змеей подползает»; «Эвилең кижиге чон ынак» — «Народ доброго любит»; «Эрги кидисте дамды чок, эвилең чаңда чазыг чок» — «Старая кошма дождь не пропустит, (человек) с добрым нравом ошибки не допустит».

5. Будь верным своему слову, достигай намеченной цели: «Сөглээн сөс, керткен ыяш» — «Сказанное слово — что зарубка на дереве».

6. Соблюдай нормы приличия, следи за своим поведением: «Үзер буга мыйыс дөгээр, каржы кижи чудуруун дөгээр» — «Бодливый бык рога выставляет, невежа кулаками размахивает».

7. Работай, а слава сама тебя найдет: «Кежээниң мурнунда — хүндү, чалгааның мурнунда — кочу» — «Трудолюбивому — почет, ленивому — насмешки».

8. Никогда не хвастайся: «Артык тенек аъдын мактаар, болбас тенек бодун мактаар» — «Хвастун хвалит коня, глупец хвалит себя»; «Бодуңну богдага дөмейлеве, эжиңни эникке бодава» — «Себя не мни святым, друга не считай щенком».

9. Не будь вспыльчив и груб: «Каржы кижиниң таныжы эвээш, каралыг кижиниң сагыжы амыравас» — «У грубого знакомых мало, у мнительного покоя нет»; «Хорадааш хову кежер эвес, ажынгаш арт ажар эвес» — «Вспыльчивый степь не пройдет, сердитый перевал не осилит».

Идеал настоящего мужчины «Эрниң эрези», кроме представленных образцов рунической письменности, широко представлен в древних наставлениях, героических сказаниях. У тувинцев «эрниң эрези» — совершенный мужчина в героических сказаниях

— имеет скот выше головы, имущество, выше плеч, мудрее из всех мудрых, сильнее всех сильных, непобедим ни в споре с красноречивыми, ни в стрельбе из лука, нет у него ни предела для роста, ни души для смерти, он среди народа горд, для хозяина дорог — значит, трудолюбив, мудр, силен, красноречив, меток, бессмертен, добр. Настоящий мужчина — «эрниң эрези» — добытчик, кормилец и хозяин — «өг ээзи». Его авторитет непререкаем. Пословица «Аът өлүр — баглаажы артар, ада өлүр — оглу артар» — лошадь умрет — коновязь остается, отец умрет — сын остается — обязывала сына жить и быть достойным своего отца. Позорящий отца своего не достоин называться его сыном: «үнмээн тал-биле төрүвээн кулун уктаар» — «у невыросшего тальника и неуродившегося жеребенка искать родословную» [94, 216]. Старики и сегодня не спрашивают у молодого человека имя, а спрашивают имя отца и деда, по которому судят о роде, из которого вышел человек. Чтобы оправдать имя своего отца и рода молодой человек должен быть не только смелым, но и великодушным, добрым, но твердым в принятии мужского решения. Тувинцы, как и многие другие народы, возлагали на молодого человека высокую миссию — быть народным заступником.

В «Традиционной культуре тувинцев» М.Б.Кенин-Лопсан выделил девять преград, которые должен преодолеть мужчина [82]. Жизнь с ее множеством испытаний давала основание заключить, обладает ли человек этими качествами, достоин ли он быть настоящим мужчиной — эрниң эрези. Если он преодолеет эти испытания, сбудутся его чаяния, и он обретет свое доблестное имя. Преграды связаны с возрастом и предопределены народным бытом, культурой. Это такие как: вынести жгучие морозы, для закалки организма родители заставляли с малых лет бегать по снегу босиком; объездить коня — настоящего мужчину можно узнать по осанке, как он сидит в седле; владеть девятиме-тровым арканом с девяти лет; распознавать, откуда идут препятствия — по следу волка, медведя; различать домашнего оленя от дикого; определять жеребенка по ходу; по восходящему солнцу — день, по луне — дни месяца, по звездам — холод и жару, по облакам — снег или дождь; преодолеть жизненные трудности. Это: пережить смерть самого близкого человека, пережить расставание с родной землей (землей предков), не скучать в чужой стране, преодолеть клевету, не поддаваться уловкам льстивых людей — в жизни они обязательно встретятся; должен быть всегда в пути, перейти через девять рек, он не сидит дома: «Хороший конь умирает в степи, хороший мужчина в пути» — так гласит народная мудрость; мужчина должен перейти девять горных перевалов — девять жизненных пе-ревалов, решая важные родовые, семейные и народные дела; остерегаться грозы девяти небес (в мифологии); попробовать земных благ девяти Таңды (девяти родовых гор), и это неслучайно. Тувинцы испокон веков молились священной тайге (девяти Таңды), девяти аржаанам (минеральным источникам), девяти небесам, девятью аржааном (специально приготовленная для окропления смесь воды, молока, артыша-можжевельника); ложкой с девятью углублениями — «тос карак», соблюдая «девять сүзүк», утренний чай с молоком хозяйка дома должна брызгать в сторону солнца, читая при этом благопожелания; один раз в месяц, в новолуние в сторону луны, тайги, гор, земли, в новолуние дом окуривают артышом.

Девять препятствий, которые должен преодолеть мужчина при жизни, можно назвать условно программой формирования настоящего мужчины.

В пожеланиях трехлетнему мальчику старшие выражали мечту видеть его в будущем настоящим мужчиной, богатым, славным, благородным, долголетним:

Ажы-төлү көвей болзун,
Азыраан малы арбын болзун,
Аттыг-алдарлыг чорзун,
Ак сеткилдиг чорзун.
Улуг назылазын,
Удаан чыргалдыг болзун! Пусть будет много детей,
Пусть будет тьма скота,
Пусть будет славным,
Пусть будет благородным.

Пусть доживет до старости
Пусть будет сон блажен!

Настоящий мужчина «эрниң эрези» обязательно должен участвовать уже с детства в троеборье: «ча адары» — стрельба из лука, «аът чарыжы» — конная скачка, «хүреш» — тувинская борьба. Участие в состязаниях укрепляет доблестное имя тажы (парня) — будущего мужчины.

Идеал совершенной женщины «ёзулуг херээжен» у тувинцев имел свои особенности. Существует и до сих пор культ женщины-матери. На всех семейно-родовых праздниках почитаются родственники со стороны матери. Первыми благословления произносили и дарили подарки новорожденному, трехлетнему ребенку при совершении обряда «баш дүгү хылбыктаары» — подрезание родовых волос — родные по линии матери.

Идеал совершенной женщины у тувинцев воплощен в образе матери. Все, что есть в жизни: прекрасное, возвышенное, счастье и радость — все связано с матерью. Она дорога как солнце, священна как земля. Совершенная женщина это: прежде всего мать, дающая жизнь, свет, тепло, счастье: «Чер — Ие» — «Мать — Земля»; любящая мать: радость матери в детях: «У хорошей кобылы жеребенок удалец, у хорошей матери дите молодец»; надежный и верный друг, советница мужа; главное, беспокойная и мудрая, хранительница домашнего очага «өг ишти»; искусная мастерица, бойкая непоседливая хозяйка: «Дочь при матери искусница», «В остроте иголки — наряд, в остроте ножниц — мастерство»; внешностью своей привле-кательна, красива, стройна, как сосна («...нижняя ее губа сияла как золото и серебро, верхняя ее губа сверкала как сахар» — из сказки «Шесть братьев»); добрая и благородная: «На красе чаю не сваришь, к косе коня не привяжешь»; мудра и милосердна, работяща и скромна, приветлива и немногословна, гостеприимна и щедра. Женский этикет замужней женщины предписывает: родителей мужа привечает, громко не разговаривает, прислушивается к советам и замечаниям старших, особенно своей свекрови и свекра, не называет их по имени: «Девушку красит не многословие, а скромность».

Говоря о представлениях тувинского народа о совершенстве человека, мы все больше убеждаемся, что в них сконцентрированы совокупные общечеловеческие начала и, наоборот, представленные выше модели совершенного человека тувинцев обогащает суммарную модель общечеловеческого идеала. В основных же человеческих качествах идеалы народов очень близки друг к другу. Всеми народами ценятся ум, здоровье, трудолюбие, великодушие, доброта, скромность и т.п. Здесь мы говорим не о национальной принадлежности идеала к какому-то конкретному народу, а об оценке человеческого достоинства с точки зрения собственных эталонов на примере этических представлений народа. И сила этнопедагогики в том, что она — педагогика этносов, педагогика человечества, вбирающая в себя все самое лучшее, что есть в этнической педагогической культуре каждого народа и специально собирающая все великое, совершенное, что есть в народе, в народах.

Во всех приведенных выше принципах нравственного воспитания и образцах этической культуры тувинцев выражены мечты и чаяния народов о совершенном человеке, которые служат моделью совершенной личности. Они одновременно выступают как богатейший нравственно-этический материал, позволяющий в перспективе выявить не только содержание национально-ориентированной системы обучения и воспитания детей, но и способы, формы и пути включения этого содержания в учебно-воспитательный процесс школ и вузов. Они помогают отобрать из народной педагогической культуры оптимальный объем знаний для включения их в современную систему образования, скоординировать отобранные знания с общими стандартами, создав тем самым педагогическую модель современной личности. Эта модель будет представлять содержательное описание структуры личности как конечного результата национально-ориентированного образования. На основе этой модели выстраивается и российский национальный воспитательный идеал.

Согласно требованиям Федерального государственного стандарта общего образования, концепции духовно-нравственного воспитания школьников и примерной программы образовательное учреждение разрабатывает свою программу воспитания и социализации

школьников с учетом культурно-исторических, этнических, демографических и иных особенностей региона, запросов обучающихся и их родителей, регионального сообщества. Стандарт устанавливает, что программа воспитания и социализации должна быть направлена на духовно-нравственное развитие обучающихся на основе их приобщения к национальным российским и общечеловеческим ценностям [65, 55—58]. А это возможно только на основе ценностей своей этнической культуры, создающей базис для формирования этнической, российской идентичности.

Весь смысл нравственного идеала, представленного в народных этических воззрениях и воспитательных системах в том, чтобы моделировать общечеловеческий идеал совершенного человека. А российский национальный воспитательный идеал совершенной личности — высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях российского народа. Отсюда мы видим, насколько сегодня значим нравственный идеал совершенного человека в определении содержания нравственного воспитания в условиях изменения самого уклада общественной жизни, экономики страны в целом. А в содержание нравственного воспитания мы включаем вечные ценности: любовь к родной земле — любовь к России, справедливость, милосердие, доброта, честь, достоинство, ответственность, толерантность и др.

Духовно-нравственное воспитание гражданина России — это начало и результат, смысл и основной ресурс социального и экономического прогресса общества, основанный на этнопедаго-гических ценностях воспитания россиянина. Данный процесс обеспечивает готовность и способность к духовному развитию, реализации творческого потенциала в предметно-продуктивной, социальной и профессиональной деятельности на основе нравственных установок и моральных норм непрерывного образования, самовоспитания и самосовершенствования — универсальной духовно-нравственной компетенции.

3.2. Этнопедагогические смыслы тувинского этикета

Новое время принесло человечеству многое: возвысило личность, подняло культуру и науку на высшие ступени. В то же время значительно разъединило людей, лишило во многом их доброты и взаимопонимания. Человеческие отношения приобретают утилитарный, рационалистический, «коммерческий характер», нависла угроза над важнейшей ценностью человеческой жизни — нравственностью и духовностью. Нет прежней доброжелательности, гостеприимства, милосердия, терпимости и взаимопонимания. Вызвано все это тем, что под угрозой оказались нравственные основы жизни, нравственная культура, люди теряют нравственные ориентиры. В поисках таких ориентиров мы обратились к нравственным характеристикам народного этикета, учитывая его возможность восстановить в обществе устойчивость, нравственные принципы и этический уклад жизни. Все это чрезвычайно актуально в условиях современного российского общества.

Так возникла необходимость теоретического осмысления самого феномена этнического этикета, не только как свода правил, который определяет формы поведения людей: правила учтивости и обхождения, принятые в каком-либо обществе, но и как одного из важных элементов личностной нравственной культуры. Правила этикета воплощают внешнюю культуру общения, но в поведении человека, в его манерах, высказываниях, эмоциональных проявлениях отражается степень его внутреннего развития, мира деликатности, душевной тонкости и житейской мудрости.

Прежде чем объяснить этнопедагогические смыслы народного этикета и его педагогической ориентации на нравственное воспитание, считаем необходимым остановиться на исследованиях, касающихся определения сущности этноэтикета.

Слово «этикет» французского происхождения используется в двух значениях: как свод правил поведения, принятых в определенных социальных кругах и как форма поведения, обхождения, правила учтивости, принятые в данном обществе.

Этикет начинает привлекать к себе внимание и вызывает интерес ученых-этнографов, этнологов, этиков, этнопедагогов. Этнографы собрали обширный материал по этикету различных регионов мира, различных эпох. Специально к этикету обращались в своих работах этнологи А.К.Байбурин, Б.Х.Бгажноков, Н.Л.Жуковская, Т.В.Цивьян [13;15;70;182]. Занимаясь изучением этнической специфики этикета, они пытались обнаружить общее обоснование этикетных норм, общечеловеческие ценности, выраженные в них. Они показали, что существует как настоятельная необходимость, так и безусловное основание для этического подхода в изучении этикета. Особенно акцентировали на этом внимание А.К.Байбурин и А.Л.Топорков [13]. Этноэтикет отдельных народов был предметом исследований ученых: Б.Х.Бгажнокова «Адыгский этикет», Ш.Д.Инал-Ипа «Очерки об абхазском этикете», А.И.Шорова «Адыгейский этикет» [15; 73; 199].

Теоретическое обоснование этноэтикета было осуществлено Б.Х.Бгажноковым. Им выделены основные принципы, структура, речевая специфика этноэтикета и дано его определение как системы характерных для этноса моральных предписаний ритуализированного общения в типичных изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия [15; 16].

Проблематике взаимосвязи морали и поведения были посвящены многие этические работы С.Ф.Анисимова, В.И.Бак-штановского, О.Г.Дробницкого, А.И.Титаренко [3; 12; 67; 164]. Нравственный смысл этикета и целостное рассмотрение нравственных аспектов этикета было изучено Л.В.Волченко [48]. В ее работах содержится этический анализ таких явлений нравственной культуры как деликатность, вежливость, тактичность, раскрывается значение этикета для человеческого общения, осмысливается нравственный смысл стиля поведения, манер. Л.В.Волченко дает определение правил поведения как естественно сложившихся требований общества к индивиду, передающихся по традиции в своих общечеловеческих формах и дополняемых каждым народом и национальной общностью, социальным слоем или группой специфическими, необходимыми именно этому социальному объединению нормами, выражающими особенности существования и общения людей в нем [48, 55].

В основном этикетом занимались представители этнографии и этнологии, но исследований этнопедагогической сущности народного этикета как нравственной категории культуры, к сожалению, мало. По своей методологической направленности впервые к феномену этноэтикета обратился Б.Х. Бгажноков: «Этноэтикет не существует вне времени и пространства — это этикет какого-либо народа (этноэтикет), общества, класса, социальной группы на определенной ступени их исторического развития. Другая особенность этикета — системный характер содержащихся в нем моральных предписаний. Следовательно, этноэтикет — это система характерных для данного этноса моральных предписаний ритуализированного общения в типичных изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия» [15, 7]. Т.В. Цивьян под этикетом понимает такие правила ритуализированного поведения человека в обществе, которые отражают существенные для данного общества социальные и идеологические критерии, и при этом требует применения специальных приемов [182, 144].

В.И. Бакштановский и С.Ф. Анисимов придерживаются этического подхода к определению сущности этикета: «правила этикета выражают способы конкретного осуществления этических знаний, умений и ценностных ориентаций в поведении... Этикет (как делать) — это правила нравственного поведения, регламентирующие форму проявления отношения личности к моральным ценностям [12, 39]. При таком подходе, когда принимается во внимание преимущественно аксиологические характеристики действий и их результатов, принято употреблять термин и понятие — поведение, точнее человеческое поведение [3, 35]. Этический подход к поведению состоит в том, что все виды человеческой деятельности, любое поведение и поступок подлежат нравственной оценке и могут быть нравственно квалифицированы. [48, 113]. А значит, этноэтикет как традиционная система человеческого поведения, может быть рассмотрен как этикетное поведение.

Исследованию нравственных составляющих этикета была посвящена работа Л.В. Волченко «Гуманность, деликатность, вежливость и этикет», где этикет показан как несомненное приобретение культуры. Она считает, с каких бы позиций не рассматривалась культура, в формировании и функционировании этикета действуют те же механизмы, что и в функционировании культуры вообще: исторический опыт и память, отбор ценностей, наличие знаковых элементов и символов, воссоединение духовного и материального, возвышающее и одухотворяющее начало человеческих отношений, один из способов их ориентации и регуляции, ценностный результат освоения человеком мира природы, социума, а также и самого себя [48, 116]. По ее мнению, правила поведения — естественно сложившиеся требования общества к индивиду, передающиеся по традиции в своих общечеловеческих формах, дополняемых каждым народом и национальной общностью, социальным слоем или группой специфическими, необходимыми именно этому социальному объединению нормами, выражающими особенности существования и общения людей в нем.

Анализ этнографических, этнологических и философских исследований по этикету приводит нас к выводу, что этноэти-кет — феномен этической культуры конкретно взятого народа, феномен межнационального общения, интернационализации общественной жизни, феномен социализации личности в культуре не только своего народа, но и в культурах родственных народов, и самое главное — в общечеловеческой культуре.

Каждый этнос в своем историческом развитии выработал соответствующие времени и пространству правила поведения.

Принимая этикет, прежде всего, как мир духовно-нрав-ственных ценностей и отношений человека к окружающей действительности, к людям, к самому себе, следует видеть в нем непреходящий нравственный потенциал. Мы видим, что данный феномен, с одной стороны, связан с нравственными нормами и ценностями, внутренне осознаваемыми человеком, с другой — его внешними проявлениями — поведением. Между тем этикет всегда общение. Он определяет характер коммуникативной ситуации и включает универсальные общечеловеческие ценности (почтительное отношение к старшим, родителям, женщине, гостеприимство, понятия чести, совести, достоинства, доблести, благожелательности и др.). В принципе присутствие такой системы ценностей характерно для любого народа. По своему нравственному содержанию этикет интернационален.

Этническое своеобразие появляется не столько в структуре нравственных установок, предписаний, стандартизированного поведения, сколько способах их реализации — в формах выражения доброжелательности, вежливости, почтительности.

В традиционной тувинской культуре, как и в культуре других народов, этикет является непосредственной реализацией морально-нравственных ценностей, важнейшим показателем культуры народа. В нем отражаются особенности народа, его обыденное сознание (психология), педагогические установки и религиозные верования (как закономерная историческая форма практического и духовно-нравственного освоения мира).

Этикет выступает как форма социальной регуляции, и его регулятивная функция обусловлена нормативностью этикета, когда социальный опыт, устойчивые идеи и чувства признаны нормой, правилами и образцами. Эти нормы человек не выбирает, а соблюдает, отступление от них осуждается. «Ужур ындыг» — «Правила такие» говорят тувинцы. Это должное и недопустимое в поведении. Народом устанавливается то, что можно делать и нельзя: «ажырбас» и «хоржок» И потому этикет является регулятивной единицей социальной культуры, которая понимается как совокупность культурных ценностей, которые превратились в реальные ценности жизни людей и определяют характер их сознания, поведения, деятельности и образа жизни.

Этикет в условиях Тувы имеет особое значение в нравственном воспитании в силу малочисленности, компактности проживания и специфики трудовой деятельности. Привычки кочевой жизни, веками складывавшийся хозяйственный уклад, древнеязыческие обряды, элементы шаманизма и ламаизма образовали традиционно-бытовую культуру общения народа, в содержании которой отражена его мудрость. В течение многих столетий складывалась самобытная нравственная культура тувинцев,

формировались и обогащались пути, формы методы и средства нравственного воспитания, в целом, выстроилась целостная система воспитания детей, охватывающая общечеловеческие нравственные ценности.

При реализации задачи исследования были привлечены и проанализированы исторические и этнографические материалы, содержащиеся в работах ученых и путешественников, произведения устного народного творчества, сведения и описания информаторов, полевые заметки и личные наблюдения автора.

В фундаментальном этнографическом исследовании Г.Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» [58] собран и описан значительный материал о свадьбе (свадебный этикет); собиратель тувинского фольклора В.В. Радлов в «Наречиях урянхайцев (сойотов) абаканских татар и карагезов» выделил нравственные нормы молодых людей; В.Родевич в «Урянхайском крае и его обитателях» [130] заметил дружелюбие и гостеприимство тувинцев; в работах филолога Д.С. Куулара обобщены истоки тувинской литературы — устное народное творчество с его богатейшим нравственным содержанием [95]; тувинские праздники с их элементами этикета описаны Г.Н. Курбатским [93;94]. Значительный вклад в изучение традиционной культуры тувинцев, их нравственных представлений внесли Л.П. Потапов, С.И. Вайнштейн, В.П. Дьяконова, А.К. Кужугет, М.В. Монгуш, Т.Б. Будегечиева [127; 30; 31; 32; 33; 69; 89; 107; 27] и др.

Впервые этикет тувинцев был изучен М. В. Монгуш, обосновавшей факторы, принципы возникновения и развития этикета. Ею описан повседневный, застольный, траурный этикет и прием гостя [106, 54 — 66]. По мнению М.В.Монгуш, этикет есть не что иное, как свод неписаных законов и обычаев, которые должны неукоснительно соблюдаться и осуществлять регуляцию поведения людей во всех сферах общественной жизни [106, 54]. Работа М.В.Монгуш расширила наши представления об этикете тувинцев и помогла извлечению из него воспитательных моментов и анализу эффективности использования его в нравственном воспитании учащихся.

М.Б. Кенина-Лопсан систематизировал древнюю этическую культуру тувинцев [82]. В работе «Традиционная культура тувинцев», ставшей педагогической энциклопедией народных этических воззрений о родной земле, родном языке, обычаях и традициях своих предков, исследователь собрал обширный этнопедагогический материал, касающийся воспитания детей с раннего детства до замужества.

В монографии А.К.Кужугет «Духовная культура тувинцев: структура и трансформация» представлена духовная культура тувинцев в ее многообразии, исследованы ее структурные элементы, их ценностно-смысловое содержание, описаны мифологические основания стереотипов поведения, этика и этикет. В ней автор рассматривает этикет приветствия, порядок размещения людей в юрте, церемонии «чолукшуур», «таакпы-лажыр» и другие культовые обряды.

В особый ряд можно выделить научные изыскания этно-педагогов Т.Т.Мунзук, К.Б.Салчака, Г.Д.Сундуй. Впервые в тувинской науке К.Б.Салчак осуществил детальную характеристику возрастной периодизации тувинцев [133], Т.Т.Мунзук обобщила традиционный опыт семейного воспитания, выявила оптимальные условия использования прогрессивных идей тувинской народной педагогики в нравственном воспитании детей в семье [114]. Г.Д.Сундуй составила и систематизировала кодекс нравственного поведения «Программу-максимум», куда был включен этикет. Поскольку этикет как предмет исследования не был задачей автора, он представлен в работе фрагментами [146, 13 — 18].

Таким образом, в тувиноведческой литературе, в исследованиях ученых содержатся ценные этнографические, этно-педагогические материалы о нравственной культуре тувинского народа, использован большой фактический материал. Однако следует отметить, что использование этикета как средства нравственного воспитания учащихся было изучено недостаточно.

В данной работе сделана попытка осмысления этнопе-дагогических смыслов этикета и изучения его нравственного потенциала.

Выявление и систематизация всего богатства этноэтикета, его принципов, структуры, нравственного потенциала имеет чрезвычайно важное значение в воспитании. Между тем, чтобы раскрыть этнопедагогические смыслы народного этикета, следует выяснить его природу и специфику, что связано со значительными трудностями вследствие многоаспектности и противоречивости этого явления. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что само явление «этикет» как некий способ регулирования поведения человека, появилось значительно раньше, чем обозначающее его понятие «этикет». В силу этого, руководствуясь принципами, разработанными Б.Х. Бгажно-ковым, рекомендациями, предложенными А.К. Байбуриным, мы сделали попытку структурирования этикета тувинцев. Тувинский этикет является составной частью свода неписаных законов, которые должны соблюдаться и которые вплоть до наших дней осуществляют регуляцию поведения в обыденной жизни тувинцев. В нем объединены в общую систему законы, этические нормы (ужурлар), правила (дүрүмнер), предписания (айтыышкыннар), регулирующие хозяйственную жизнь, кровнородственные связи, половозрастные отношения, семейные и народные календарно-трудовые праздники, религиозные обряды, нормы морали и прочее — все, что относится к социализации личности и определяет поведение людей. Их в общем целом можно назвать «ужур» — свод неписанных нравственных законов.

На морально-нравственные нормы поведения тувинцев оказали влияние следующие факторы:

- повседневный жизненный опыт, относящийся к практической деятельности, быту, бытовым отношениям;
- морально-этические ценности, унаследованные от древних тувинцев;
- связь каждого с микро- и макросредой социализации (семья, род, село, кожуун (район), город;
- факторы религиозного характера, их источники — шаманизм и буддизм;
- контакты с другими народами: русскими, монголами, хакасами, бурятами, алтайцами, киргизами и др.

Отличительными особенностями тувинского этикета являются: почтительность, которая выражалась в культе предков, к женщине-матери (культ матери); чадолюбие (культ ребенка); привязанность к родной земле (культ родины), которая отражалась в почитании родословных гор, источников; высокоразвитое чувство взаимопомощи — бескорыстие; скромность; мягкость; толерантность и т.д.

Сегодня можно поспорить с утверждением Д. Каррутерса о том, что урянхайцы остаются маленьким народом, населяя страну великих возможностей, находятся, несомненно, на верном пути постепенного угасания [80, 235]. «Маленький народ» действительно страны «великих возможностей» сохранил удивительно богатую этическую культуру, о чем свидетельствуют другие источники: «...а русские колонисты в один голос утверждали, что такого гостериимства кроме Тувы они не встречали нигде»; «народ этот весьма подвижный, необыкновенно легкий на подъем и быстрый в работе» [1, 264], «тоджинцы — чрезвычайно честный прямодушный народ» [30] и другие. Тувинский народ имеет, как и другие народы, богатое педагогическое наследие, которое сохранилось до наших дней и помогает в воспитании детей в виде нравственных установок, предписаний и запретов.

Для тувинца чрезвычайно важен его авторитет в обществе: «Ады өлүрүнүң орнунга боду өлгени дээре» — «Чем честь потерять, лучше самому умереть». А авторитетным может быть только тот, кто обладает совокупностью качеств, отражающих высокие понятия народа о чести, долге и моральной чистоте. Эти качества включают такие свойства как благородство, правдивость, честность, скромность, благодушие, щедрость, бескорыстие. А народ в таком человеке никогда не ошибется: «Чоннуң караа шолбан караа» — «Ум народа ясен, как утренняя звезда»; «Ыяш чымчаан торга тывар, кижи чымчаан чон тывар» — «Мягкое дерево дятел отыщет, мягкого (добродушного) человека народ оценит»; «Сагыштың бичези херек, саваның улуу херек» — «Посуда хороша большая, а человек скромный».

Если человек обладает совокупностью этих качеств и следует общепринятым нормам поведения и придерживается их, то о таком человеке говорят: «кижизиг», «мөзүлүг», «чурумнуг» — «человечный», «нравственный», «соблюдающий нормы и правила», значит, этикет. Следовательно, о нем можно сказать: «Он следует во всем этикету». Когда человек нарушает правила этикетного поведения, о нем говорят: «чурум чок» — не соблюдающий правила и нормы.

Важнейшее место в народном этическом кодексе занимает такое понятие как почитание старших. Уважение к старшим внедряется в сознание как высший принцип, следуя которому можно достичь успехов в жизни и завоевать авторитет народа.

Улустуң улуу чагыглыг,
Уругнуң хеймери чассыг.
Улугну хүндүлээр,
Уругну азыраар.
В семье мудр старший,
А ласков младший.
Старшего уважай,
Младшего воспитай.

Данные пословицы служат подтверждением тому, что люди пожилого возраста олицетворяют мудрость и являются хранителями житейского опыта и этикетного поведения.

Существуют правила, которым должны следовать дети по отношению к старшим: перед старшим не проходи, вырастешь, никто уважать тебя не станет; не вмешивайся в разговоры старших и не подслушивай, выйди и не мешай; когда старший дает тебе что-то, бери двумя руками и др.

Старшие в свою очередь проявляли заботу о детях, любили их и уделяли им должное внимание, стараясь в непринужденной обстановке, в процессе общения с детьми передать свои знания. Без их участия не обходилось ни одно семейное торжество, к ним молодые люди обращаются за советами, их мнением дорожат, стараются обеспечить им спокойную старость.

Кроме них в народе заслуженным уважением пользуется женщина-мать. Многие источники свидетельствуют о том, что существует культ матери. В культе матери выражена педагогическая оценка ее «тысячелетней мудрости, понимающей, призывающей, использующей физические, педагогические, нравственные силы отца, деда, бабушки» [45, 142]. «Человек, обидевший мать, не найдет места среди людей» — гласит тувинская пословица. Ни сын, ни дочь не то, что обижать, а называть по имени не должны были мать. Этикет предписывает исключительно бережное отношение к матери, сестре, дочери. Потому что женщина — хранительница семейного очага, опора мужа, мать своих детей, сестра и не случайно предпочтение отдается родственникам по линии матери. В семейных торжествах на почетном месте сидит старший из родственников матери, он или она имеют право первым сказать слово.

Одинаково заинтересованным человеком вместе с матерью в воспитании детей является отец. «Дочь при матери умелой станет, сын с отцом послушным вырастает». Он кормит семью, закаляет физически детей, приучает их к труду (особенно мальчиков), наставляет быть мужественными и сильными. «В мозгу отца — стратегия, в сердце матери — тактика. В руках отца — стальное зубило, в руках матери — серебряный резец, у отца — зубы, у матери — губы» [45, 142]. Приведенная мудрость тувинского народа из уст Маржымала Ондара, отца многодетной семьи, учителя народной музыки, своим идейным содержанием близка тувинской пословице: «Ада кижи ырак сактыр, ындын бодаар, ие кижи чоок сактыр, хүнүн бодаар» — «Отец дальновиден (стратег) — думает о будущем, мать близорука (тактик) — думает о сегодняшнем». Мать, по представлениям тувинцев, учит быть чутким, тактичным, благородным (серебро у тувинцев считается благородным, чистым, приносящем счастье камнем), а отец — крепким мужественным и дальновидным.

Тонкий знаток народной психологии М.В. Вундт писал: «склонность человека к собрату, который сроден с ним и по языку, и по наружному виду, и по жизненным привычкам есть самое первое перенесение на окружающую среду того чувства, который человек имеет к себе самому: отсюда родовой (или племенной) союз, как результат этого первоначального социального чувства, является древнейшею формой жизненного общения» [49, 210]. Эта древнейшая форма жизненного общения прочно закреплена в этикете тувинцев.

В первую очередь от отца и матери дети узнавали о своих близких родственниках. Обычно мать рассказывала своим детям (подробно дочери) о своей родословной: родственников по линии матери, а отец — по линии отца. Предков своих дети должны были знать до третьего колена по линии отца. Дети такой родословной ветви не вступали в брак. Им внушали с детства: не будешь знать свою родню — в нужду попадешь, не будешь знать свою историю — в заблуждение попадешь.

Существует своего рода этикет обращения к родным и близким. Раньше по имени и отчеству не обращались, употребляли специальные слова, обозначающие степень родства, иногда дети не знали даже имени своего родственника. Мать по имени никогда не называли, отца — по имени его рода. Подростки и юноши хорошо должны были знать фамилию своего рода, места перекочевки предков, где они возделывали землю, чем они занимались и какими они были людьми и чем они славились в своем роду.

Тувинцы относились с особым уважением к своим предкам, и это отражается в почитании родословных гор — оваа, рек и источников, которые содержат в себе этикетные элементы, о чем подробнее остановимся далее. Не потеряли свой актуальности слова В.Г. Белинского: «Родство крови...еще далеко не составляет того, чем должна быть человеческая любовь. Из родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крепко, одно истинно и действительно, одно достойно высокой и благородной человеческой природы» [18, 37]. Зная свою родословную, молодой человек мог свободно варьировать этикетными нормами, чувствуя при этом свое единство с семьей, родом, уважая и принимая ту систему нравственных предписаний, которые приняты в социальной среде.

Стройную, своеобразную систему нравственных правил поведения имеет этикет гостеприимства, который стал воплощением великодушия и щедрости тувинца. Традиционное гостеприимство, прививаемое с раннего детства, является значительным средством воспитания у детей уважительного отношения к соседям, родным и близким — вообще к людям знакомым и незнакомым. Гостеприимство — обычай, берущий свое начало с глубокой древности, выступает как определенный морально-этический комплекс, а прием гостя развертывается как ритуализированное действие, имеющее множество функций. В то же время гостеприимство есть особый социально-правовой институт, и у разных народов мира он существовал в достаточно схожей форме [13, 113].

Проявление гостеприимства у тувинцев в высокой степени ритуализировано, но не является чем-то совершенно исключительным. Оно находит множество параллелей, в частности, у тюрко-монгольских народов Центральной Азии [106, 40]. Ритуализация означает жесткую предписанность, автоматизм исполнения, превалирование формальной стороны дела над содержательной, что неминуемо может привести к отсутствию вариативности. Однако эти признаки в реальной практике сосуществуют в силу своего особого статуса в процессе общения. Например, вход и выход из общения столь важны, что для этого требуется и определенный автоматизм, облегчающий этикетные ситуации приветствия, различающихся по времени, месту встречи, полу, возрасту и т.п. Неслучайно в традиционной культуре существует целая система приветствий.

Гостеприимство тувинцев тесно связано с традиционным хозяйственным укладом, природно-погодными условиями жизни народа и основано на принципе взаимопомощи и является элементарной защитой от непогоды, «жажды». По наблюдениям исследователей, у многих кочевых народов скотоводы не брали с собой запасы провизии, отправляясь в дальний путь. Они знали, что в любой юрте их накормят и напоят, а если понадобится, то дадут лошадь. Путник, странствующий по горам и лесам, по полям и долинам, нуждается

в поддержке людей. И по этой причине юрта тувинцев всегда стояла на самом видном месте, куда мог бы прийти путник и отдохнуть. Хозяин или хозяйка, услышав, что кто-то подъехал к ним, непременно выходил навстречу гостю, помогал ему привязать лошадь к коновязи и приглашал в юрту. Дети в свою очередь придерживали собаку и открывали дверь юрты, приглашая войти. Гость, прежде чем зайти в юрту, должен снять любые предметы оружия, оставлял их снаружи, в знак мирного визита [33, 102]. Нельзя было также, чтобы приехавший посторонний человек зашел в юрту с плеткой, в противном случае хозяева могли обидеться на приехавшего. Хозяин всегда пропускает гостя вперед себя в юрту и приглашает пройти на почетное место «Дөр», если это пожилой человек, то на «Олбук» (ковер для гостя). Этикет приписывает гостю сесть в позу, предусмотренную обычаем. Для тувинца символом добросердечного отношения к людям было заваривание свежего чая с молоком. Желая подчеркнуть гостеприимство женщины, говорят: «Хөнээ куруг турбас» — «Чайник пустым никогда не бывает». Следует отметить, что до тех пор, пока гостя не напоят чаем, его не спрашивают о делах. Хозяйка заботится о госте, готовит еду, стараясь достойно угостить его. Для него предназначалось все лучшее из того, что есть в юрте. Рачительная хозяйка всегда приберегает для неожиданного гостя что-нибудь. Это может быть толченый ячмень (далган), особое лакомство — чөкпек — крученая черемуха в сметане, молочная водка (арага). Почетному гостю обязательно резали барана и угощали горячим ханом — кровяной колбасой. Только после угощения, в неторопливой спокойной обстановке гости и хозяева могли поговорить о делах. Дети при этом не вмешивались. На завтра или когда гость соберется в дорогу, его провожает вся семья. Гость на прощание гладит маленьким головки и нюхает их, хозяин провожает гостя, помогает сесть на лошадь, а остальные смотрят на уезжающего гостя.

Система взаимоотношений тувинцев проникнута глубокими корнями взаимопомощи, взаимодействия, взаимоподдержки. Они всегда помогали друг другу в выделке шкуры, в изготовлении войлока, юрты, уборке урожая, строительстве кошары. Такая помощь имела тоже свои этикетные нормы. Они отражены в сценариях семейно-бытовых праздников: «Дүк дою», «Өг дою», «Тараа дою» и др. — (Пир шерсти, Пир юрты, Пир хлеба).

Культура межличностного общения каждого народа несет на себе печать национального своеобразия, что обязательно должно быть учтено в процессе нравственного воспитания школьников. Они должны хорошо знать, что прилично, благонравно во взаимоотношениях людей, нравственно же то, что соответствует обязательным для всех нравственным нормам. Под благонравным поведением мы понимаем... преимущественно род индивидуальной жизни, согласный с предписаниями обычая (нравов), он ежедневно выражается отчасти в обращении с другими, всякая соответствующая этому форма обращения является составной частью благонравного поведения [49, 196].

С недавнего времени этноэтикет с его структурообразующими элементами, национальной спецификой бытования признан как феномен общения, который еще называют «этнография общения» или «национально-культурной спецификой речевого поведения» [16, 229]. Основу культуры общения составляет речевой этикет. Под речевым этикетом понимаются нормы речевого поведения, принятые и предписанные социумом для установления контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности. Основу речевого поведения составляют формулы обращения в определенных речевых ситуациях: формулы приветствия и знакомства, прощания, обращения, приглашения, просьбы, совета, благодарности, согласия, отказа, соболезнования, недовольствия и др. В языке, в речевом общении, устойчивых формулах общения отложился богатый опыт народной педагогики, неповторимость обычаев, обряда, жизни, условий быта каждого народа.

Выявление национальной специфики речевого этикета и его роли в народной педагогике чрезвычайно важно, так как на любую национальную специфичность любого языка, в том числе и тувинского, накладывается национальная специфичность речевого поведения и педагогического общения при реализации речевого этикета. Язык, речевое поведение, речевая деятельность являются средствами передачи социального опыта индивидом. И в рамках этого опыта, социальные нормы поведения являются одним из

устойчивых фрагментов культуры, и представляет собой специфическую национальную форму проявления универсальной и организационной функции культуры.

Особая социальная значимость речевого этикета обусловлена выполняемыми им функциями: информационно-коммуника-тивными; регулятивно-коммуникативными (в общении — правила, цели, мотивы поведения, усваиваются его нормы, оцениваются поступки, складывается своеобразная иерархия ценностей); аффективно-коммуникативная (общение регулирует уровень эмоциональной напряженности).

Характерной чертой речевого этикета тувинцев является вежливость (эвилеңи) и почтительность (хүндүлээчели), как выдающиеся достижения народной педагогики. Скромность и вежливость в традиционной речевой культуре строго и настойчиво прививались и поддерживались среди подрастающего поколения. Скромность признается самими тувинцами как национальная черта.

Общение начинается в семье и постепенно круг его расширяется. Первый человек, с которым общается ребенок — его мать. Разговаривая с ребенком, она не называла его по имени, а произносила разные ласкательные слова: «хеймерек, чассыгбай, чарашпай», никогда не повышала голоса, только наставляла, как бы мимоходом указывая на нормы приличия.

В семейном общении, как правило, тувинцы обходились практически без имен, пользуясь стереотипными безымянными формами обращения. «Улуг кижиниң адын адавас» — «Нельзя произносить имя старшего» - это специфика языкового поведения тувинцев. *Ср.*: у русского народа принято говорить и дядя Коля, и тетя Лиза, и даже баба Маша, что не встречалось до недавнего времени в тувинском речевом этикете. К старшим родным и близким, даже незнакомым, младшие обращаются «акый», «угбай», пожилым — «кырган-авай», «кырган-ачай» (брат, сестра, бабушка, дедушка). Подрастая, ребенок усваивал, кого как называть по степени родства и постепенно входил в круг семейных забот и обязанностей, воспринимая правила поведения, основными из которых были: учиться у старших, слушаться их, вести себя так, чтобы не давать повода для насмешек над собой.

Г. Н. Волков, встречаясь со своими учениками, не перестает восхищаться мягкостью взаимных отношений тувинцев, их обращением к детям — редко ругают, никогда не бьют детей — терпимостью и уравновешенностью.

Вступая в контакт с детьми, старший, прежде всего, спрашивал откуда он/она, услышав в ответ название знакомого сумона (административной единицы), задавал следующий вопрос: «Кымныңоглу, / уруу сен? — Чей / чья ты, кто твои родители?» Добрая репутация родителей в известной степени облегчала вхождение в общество их детям, что подтверждается пословицей: «Ада-ие кандыг болурул, ажы-төлү ындыг болур» — «Каковы родители, таковы и дети». Если в разговоре выясняется, что тот или та из уважаемой и известной семьи, старший говорит, например: «Аа, сын охотника Кызыл-оола, да?». Или: «Аа, сын известного хөөмейжи (исполнителя горлового пения) Конгар-оола, да?». Тувинцы ревностно следили за тем, чтобы молодежь следовала соответствующему кодексу поведения этносоциума, была примером в знании этикетных норм поведения, стремилась соблюдать символику обращения, умения сказать слово. Больше всего молодой человек боялся оказаться недостойным своих родителей, предков, чтобы из-за него не стыдились родители. Наблюдение и сопоставление особенностей речевого поведения людей старшего и младшего поколений показывают, что относительно в чистом виде оно выступает чаще всего у людей старшего поколения. Как и у многих народов земного шара, традиционное приветствие у тувинцев является одновременно и благопожеланием, в котором выражены нравственно-этические аспекты.

В настоящее время от пожилых людей можно слышать непривычное современное: «Экии» — «Здравствуйте», вместо «Мендээ. Амыр-менди» — «Мир вам». На вопрос-приветствие: «Все ли хорошо у вас?» ответная реплика может быть только одна: «Все у нас хорошо, а как у вас?», если даже не все благополучно, о проблемах говорят потом, в ходе разговора. У скотоводов и чабанов принято осведомляться о состоянии скота и приплода, о

том, как обстоит дело с травами, водой, какая погода стоит в местах, где проживают собеседники. О семейном и личном благополучии они справляются только после этого.

Подчеркивание престижа старшего по возрасту и вышестоящего по положению является постоянной моральной обязанностью собеседников. Детям и молодым людям в присутствии старших этикет не позволяет начинать первым разговор, не садиться, пока не последует приглашения.

Во время различных хозяйственных работ встречающиеся обмениваются благопожеланиями. Чабану, табунщику, пастуху: пусть нагул у вас будет хороший. Пусть ваши коровы (кобылы) имеют много молока; косарю: пусть сено ваше косится благополучно; занятому разными домашними делами: үүле бүтсүн! В ответ обязательно надо сказать: чорук чогузун! (соответственно: пусть завершится ваше дело и да пусть дело ваше сбудется).

Обычай иносказательного, почтительного обращения обусловил появление специального женского языка. Девушка, выйдя замуж, лишалась права называть по имени всех старших родных и близких мужа. Она должна была заменять их имена на более или менее подходящие по смыслу слова, особенно, если имя состояло из слов активного употребления. Такое обращение по традиции сохраняется и теперь среди пожилых людей, правда, молодежь обращается по имени и отчеству.

Особенно почтительно обращались к беременной женщине. Во время беременности любое желание женщины, особенно в отношении еды, должно быть исполнено, заботились, чтобы она не расстраивалась, и поэтому старались не сообщать о горе, болезнях, внезапных потерях близких.

Национальная специфика речевого этикета проявляется в устойчивых этикетных правилах. Они представляют собой короткие однофразные тексты, строящиеся в формуле: если ..., то — причинно-следственной. Правила, таким образом, разбиваются на две части, на левую и правую. Левая содержит предписание, запрет, совет, указание, примету — собственно правило, правая — результат — последствия выполнения или нарушения левой части и нравственную оценку. Моя бабушка всегда предупреждала: «Кыс кижи будун силгивес, ол чараш эвес, халымак, сиилеңин көргүзер» — «Если девушка качает ногой, то этим она показывает свою ветреность и распущенность». Иногда правило может быть произнесено в усеченной форме — только левая часть, тогда оценка содержится в самом акте предписания или запрета: «Хирлиг хөнек тургуспас» — «Нельзя оставлять грязный чайник». «Хүн ашкан соонда, өгден сүт үндүрбес» — «После заката солнца нельзя выносить из дома молоко». «Чаш кижи сыртык арнынга дээп болбас» — «Маленькому нельзя трогать лицевую часть подушки». Раньше в лицевой расшитой части тувинцы хранили пуповины детей, и эта часть считалась неприкосновенной.

Другая модель правил может быть построена таким образом: когда..., то делай так, где результат может тоже опускаться: «Когда разговаривают старшие, то не вмешивайся».

Таким образом, устойчивые общепризнанные нормы и правила являются инструментом познания нравственности. Из них вырастает педагогический стиль отношений в процессе воспитания.

Жизнь народа, его нравственные нормы нашли свое отражение в сказках и героических сказаниях. В героическом сказании «Алдай-Буучу» можно проследить жизнь героя-богатыря от рождения до возмужания. Все жизненные обряды, связанные с имянаречением, снаряжением его воинскими доспехами и богатырской одеждой, отправлением за невестой и завоевание ее — все насыщено этикетными ситуациями, проникнуто мыслью народа о совершенном человеке — благонравном, верном, мужественном воине-освободителе, хозяине своего слова и дела. Имя ему дает — девятьсотде-вяностодевятилетняя старая женщина, воинские доспехи — отец, напутствует на дорогу мать, спасает от гибели жена. Здесь прослежена древнейшая межпоколенная связь, почтительное отношение к женщине, уважение к вскормившей и взрастившей матери, ее жизнеутверждающая сила. Заметим, что многие сказания называются по имени родоначальника, а главными героями являются его внук или сын. Так, Мөге Шагаан-

Тоолай, именем которого названо сказание, умирает в самом начале повествования, скоро и сын его, Мөге Баян-Далай, падает, сраженный врагами и центральным персонажем сказания является Кара-Когел — внук Мөге Шагаан-Тоолая.

Почти во всех сказаниях есть сцены далекой поездки возмужавшего в трудовых подвигах героя за невестой и борьбы за нее. В этом, по-видимому, отражен древний обычай брать жен из другого рода. Во время поездки в аал невесты и борьбы за нее, герой, совершая все новые подвиги, как бы наращивает свою богатырскую силу и умножает свои моральные достоинства. Современные испытания жениха «күдээниң күжүн көөр», видимо, неслучайны по своей сущности. Они уходят корнями в глубокую древность.

Таким образом, из героических сказаний можно отобрать богатейший материал для изучения традиционного этикета, мысли и воззрения народа о совершенном человеке.

К речевому этикету тесно примыкает неречевой этикет. Этикетными могут быть и обрамляющие речь так называемые паралингвистические явления: темп речи, громкость, интонация, междометия, смех, плач, шепот, различные комбинации звуков, не имеющие самостоятельного значения. А. Байбурин в эту группу явлений включает и кинесику: жесты, мимику, движения, позы — все, что относится к ее изучению [13, 29].

В тувиноведческой литературе кинесические явления изучены недостаточно, тем более их воспитательный смысл. Тувинцы, как и хакасы, алтайцы, буряты, не одобряли чрезмерное жестикулирование, считали некрасивым и неприличным, но действия, которые надо делать правой и левой рукой, строго разграничивали, правая рука — рука благодати — и только этой рукой можно было вручать и принимать дары, отдавать что-нибудь в сторону. Трубку, пиалу с чаем или арагой подавали правой рукой, при этом пальцами левой касаясь локтя правой руки, т. е. поддерживая правую. До сих пор этот обычай соблюдается, и, если человек не соблюдал этот стандарт, считали, что он не знает нормы приличия. Возможно, этот стандарт связан с религиозными поверьями тувинцев. Н.Л. Жуковская, объясняя этот жест у монголов, ссылается на длину рукава национального халата и, чтобы в содержимое пиалы не попали его края, оттягивали рукав правой руки [70, 119].

Рукопожатие — один из распространенных привычных жестов, используемых при прощании, в ситуации знакомства. У древних тувинцев этот жест не был распространен, они здоровались, желали друг другу благополучия в семье, роду, скоту только в Шагаа (Новый год). В этот день все знакомые и незнакомые друг другу люди протягивали обе руки ладонями вверх. Если встретятся молодой и старший, тогда молодой человек приветствовал старшего ладонями вверх, а кто постарше, клал руки ладонями вниз на ладони младшего по возрасту. Такое приветствие носит в себе нравственный заряд: молодой тем самым показывает свою готовность поддержать пожилого в старости, а старший передает свой жизненный опыт молодому человеку. Сейчас этот жест возрождается, и на празднике Нового года можно наблюдать совершение обряда «чолукшууру».

Наблюдаются и другие жесты, показывающие разные виды эмоциональных состояний: воздетые кверху руки — приветствие народа, благодарность, отчаяние, мольба о пощаде. В последнее время артисты стали приветствовать зрителей и благодарить за внимание с воздетыми вверх руками, при этом еще в конце наклоняются с соединенными ладонями руками. Также можно привести в пример такие жесты: покачивание головой справа налево, показывающее сомнение, то же самое только в быстром темпе — отказ; покачивание головой и при этом издавание цокающих звуков — знаки отчаяния; поглаживание по голове — стыда, неуверенности; почесывание затылка — недоумение и растерянность; соединенные ладони рук. Названные жесты характерны и для современных тувинцев.

В народе резко осуждается размахивание руками при ходьбе и во время разговора, считали, что это признаки невоспитанности, одобрялись сдержанность, уравновешенность в движениях.

Немаловажную роль в этикетных ситуациях играет мимика, являясь внешним выражением чувств. Тувинцы по мимике определяли нрав человека. «Арны чазык, ажык»

— открытое, вежливое лицо. «Караа соок» — холодные неприветливые глаза. Принято различать такие взгляды: острый взгляд — чидиг көрүш; косой взгляд — хыйыртаан көрүш; нежный взгляд — чымчак көрүш; белые глаза — дедир карак; бегающие глаза — чүгүрүк карактар. Умение распознавать человека по взгляду и строить соответствующее взаимодействие — основа этического поведения человека.

В следующую группу мы включили этикет жизненных циклов: *родильный, свадебный и похоронный*. Человек при жизни имеет три «Дой» — три пира — говорят тувинцы: при родах — приходе в новый мир, свадьбе — переходе в чужой род (для невесты) и создание своего рода (для жениха), похоронах — переходе в иной мир. Они также считают их переломными моментами в жизни человека. Ребенок — становится членом рода, невеста и жених появляются в обществе в новом социальном статусе.

Рассмотрим их вкратце. Перед первым пиршеством существовал особый обряд «обрезание пуповины». В нем ясно видна преемственность поколений: младший, появившийся на свет ребенок «получает» дорогое сокровище — опыт народной жизни от старшего. Принимала роды и обрезала пуповину добрая, многодетная, достойная уважения в роду женщина. Этот обряд очень широко представлен, не только у тувинцев, но и у алтайцев, якутов, калмыков, чувашей.

Пуповину разрезали ножницами у девочки (у чувашей на веретене), произнося благопожелание: «Пусть будет как мать работящей, искусной мастерицей, благонравной и счастливой»; пуповину у мальчика — ножом, приговаривая: «Пусть будет как отец охотником, сильным и благородным». Ножницы заворачивали в белую материю и бережно клали в сундук и не пользовались до тех пор, пока не выпадет пуповина. Отпавшую пуповину хранили в кожаном мешочке, куда вместе с ней клали артыш (можжевельник, зерна пшеницы и камни-обереги) и зашивали в лицевой стороне подушки, которая считалась неприкосновенной или вешали на колыбель (по информации В.Б. Шаалы). В данном обряде, по-видимому, показана неразрывная связь человека с природой, олицетворяется богатая и счастливая жизнь. Обрезание пуповины также означало приобщение ребенка к миру людей.

Многие народы считают, что ребенок — дар божий. Алтайцы видели в ребенке явление какого-нибудь родственника в новом облике (16). Также думают и тувинцы: когда умирает близкий человек — дедушка или бабушка — делают на теле умершего «родинку» — отметину. У новорожденного родинка — от предков — так считали они. Хотя этот обычай содержит религиозные верования, в основе своей он опять же символизирует неразрывность прошлого и настоящего.

Своеобразен *этикет «похорон» последа* у разных народов. Традиционно его тувинцы «хоронили» в земле, под кроватью роженицы, или в кошаре для овец или коров. Послед заворачивали в белую материю или в белую, хорошо выделанную шкурку вместе с серебром, если это мальчик, бусинками, если девочка, и зернами пшеницы, ячменя и можжевельник (информатор Каржымаа Тапаевна Монгуш).

По истечении трех или семи дней устраивали обряд приобщения ребенка к членам рода «Уруг дою». Это семейный праздник, выражающий радость по случаю рождения ребенка в роду. Обязательным угощением в этот праздник была вареная баранина. На «дое» самым уважаемым была бабушка, принявшая роды и отрезавшая пуповину и ей преподносили самые почитаемые части баранины. «Дой» начинал и завершал старший брат роженицы «даай» с благословениями. Содержание благословений свидетельствует о богатом внутреннем мире человека, о стремлении к счастливой жизни; в них авторы в чрезвычайно образной форме отражали идеал совершенного человека. Они выражают веру в светлое будущее ребенка, в его возможности на обновление человеческого существования. Благословение мальчику произносит старший по возрасту мужчина, как правило, дядя со стороны родни матери:

Пусть будет у него коновязь из самого крепкого дерева,
Пусть будет у него самая хорошая лошадь.
Пусть он будет крепким,

Пусть растет сильнейшим борцом.
Пусть у него будет много родни,
Пусть у него будет много скота,
Пусть у него будет много друзей,
Пусть он будет добрым молодцем с доброй душой!
Пусть он, завидев старших, всегда уступает дорогу,
Пусть, увидев малышей, всегда ласкает их от сердца [82].

Из благословления ясно, каким хотел бы видеть народ родившегося мальчика, чтобы у него был крепкий род (коновязь — символизирует крепость рода, лошадь — верность и устремленность в счастливое будущее), много скота, друзей верных и, чтобы он был почтительным и вежливым.

Следующий обряд жизненного цикла — *свадьба*. Обряд свадебного цикла тувинцев, бурят, хакасов, алтайцев содержит большой этнографический и исторический материал. Они обусловлены социальным укладом первичных общностей (материнский и отцовский род), экономическими символами союза (дарообмен вещами, скотом) морально-нравственными предписаниями, узаконенными в социуме.

Свадебная обрядность достаточно полно изучена, чем другие, поэтому мы же остановимся на этикетных ее моментах. Почти все предсвадебные, свадебные и послесвадебные обычаи сопровождаются соблюдением обязательных этикетных элементов: преподнесение белого ритуального кадака (материи) невесте родителями жениха, несущего в себе благотворное влияние на новую создававшуюся семью. Он обладал «свойством призывать счастье, благодать, устанавливать связь, приобщая дарителя к тому объекту, социуму, той сфере, которая была для него чужой» [58]. Подобная этикетная ситуация выполняет сразу несколько функций — нравственную, эмоционально-эстетическую и социальную: сближаются родственными узами два чужих рода, объединяются общими стремлениями соединить в семью молодых людей, поддерживая их морально и материально, что свидетельствует о красоте человеческих взаимоотношений. Примечательно, что сохранился до сегодняшних дней обычай «селиктээр», когда родные и близкие невесты помогают в приобретении домашней утвари — древний обычай взаимопод-держки и взаимопомощи.

Сохранившаяся до наших дней свадебная обрядность свидетельствует о богатстве содержания традиционного этикета, который выполняет роль своеобразного ориентира во взаимоотношениях между людьми, сближения человека с широкой группой людей, связанной родственными узами. Она придает молодым людям уверенность, делает более осмысленным совместную жизнь.

Похоронный этикет отличается большой ритуали-зированностью, каждый атрибут, любое действие были сакрализованы и заключали в себе магический смысл. Когда умирал человек, тувинцы шли выражать соболезнование, совершая ритуал «таакпылажыр» (обменяться трубками) — обязательный в этом комплексе. Д.С. Куулар рассказывает, что этот обычай еще называют «*ыглажып бээр*» (*досл.:* вместе оплакивать). В данном посещении сконцентрировано не только соболезнование, но и внимание к человеку, готовность оказать ему духовную и материальную помощь. В дни похорон не принято чрезмерно оплакивать его, так как слезы могут стать преградой на пути души покойника в иной мир, навлечь на оставшихся массу неприятностей: болезни, потери.

Перед похоронами и на кладбище родственники и близкие прощались с телом покойного, каждый дотрагивался до него легким прикосновением руки в область печени, чтобы облегчить страдания (баары ийлевезин дээш). Прежде, чем навсегда покинуть могилу, три раза обходили ее по направлению солнца. Покойник и могила его теперь служат сакральным объектом, каждый обходящий про себя говорит: «Курай, курай, курай, да пусть не будет несчастья в роду его, пусть не уйдет с ним наше счастье». Такой этикет обхода могилы сохранился и до наших дней. Следует отметить, что отмеченный ритуал присутствует и у других народов: чувашей, алтайцев и монголов.

Ритуалы похорон освящены традицией, строго регламентированы и являются формой выражения скорби и печали, сострадания и соучастия, сожаления и сопереживания. Дети, становясь участниками обряда, проникаются чувством причастности к общему горю. Похоронный этикет, создающий возможность сближения, более тесного контакта участников, играет важную воспитательную роль в становлении этнического самосознания, способствует развитию нравственных чувств. Все это ни коим образом не связывалось с распитием горячительных напитков, что, к сожалению, наблюдается в современных похоронных обрядах.

Другой разновидностью традиционной этической культуры являются *праздники*. Тувинские праздники — яркое проявление духовной жизни народа: они давали заслуженный отдых, ими удовлетворяли потребность в общении, они были своего рода собранием, театром, где присутствующие выполняли одновременно две роли — и зрителя, и актера: путем целостного отбора складываются, формируются образцы, эталоны общения, которые закрепляются в нормативно-чувственных символических формах — этикете.

Тесная связь народных праздников с природой, народно-хозяйственным календарем кочевого народа, повлияла на жизнестойкость этих праздников, придала им своеобразие и национальную окраску.

Ярким примером в этом плане является древний тувинский (и других народов буддийской религии) народный праздник «Шагаа» — «...праздник радостный и светлый, когда человеческое сердце расцветает и наполняется взаимной дружбой и благоволением, когда человек освобождается от всякой работы и весь уходит в ласковые речи, в радужное гостеприимство и угощение всем, что только есть у него лучшего и что иному приходится отведать только раз в течение года» [180, 32].

Основной идеей праздника являются проводы старого, отжившего, возрождение природы, надежда на благополучие в семье, стремление обеспечить членам семьи доброе здоровье и долголетие. Новый год воспринимается как важнейшая дата года, как особое сакральное время, в ходе которого совершался переход от прошлого в будущее, как своеобразный разрыв в непрерывном потоке времени и одновременно как праздник, не позволяющий нарушиться, прерваться великой «связи времен» жизни, человечества, Вселенной. Все это в прошлом реализовалось в многочисленных обрядах, посвященным духам и божествам счастья и богатства, в обрядах изгнания нечисти и скверны из дома.

В настоящее время в республике проводятся народные гулянья, праздничные представления, приближенные по своему сценарию к традиционному Шагаа. Сохранилась форма приветствия «чолукшууру», призванная оказать почтение, прежде всего, старшим, обмен подарками. Считалось, чем щедрее одаришь других, тем счастливее и богаче будет жизнь в наступившем году.

Сохранение старинных народных праздников и обрядов обогащает духовно-нравственную культуру, несущую в себе нравственные идеи добродетели, человеколюбия и благовоспитанности народа. Праздничные этикетные ситуации оказывают сильное влияние на чувства, эмоции, настроение, что затрагивает нравственно-этическую сферу сознания, а взгляды, убеждения, установки, пропущенные через сознание, становятся нравственным поведением. В традиционной культуре тувинцев можно выделить целый ряд праздников, на которых особенно выпукло представляется этноэтикет. Это такие праздники, как «Праздник шерсти», «Праздник юрты», «Праздник сена», «Праздник молока» и «Наадым». Каждый праздник приурочен завершению определенного вида труда, связанного со скотоводством и земледелием, и в каждом новом случае выступает как форма сохранения духовных ценностей и способствует возникновению чувства солидарности, взаимовыручки участников. К сожалению, в настоящее время праздники эти исчезли из повседневной жизни, за исключением «Наадыма», но сам момент приветствия и выражения благопожелания при обращении к работающим сохранился.

Объединяющим центром всех народно-хозяйственных праздников, да и семейных, являются игры. Особым этикетным сценарием насыщено спортивное состязание «Хүреш»

— «Борьба» — любимый национальный вид спорта. Кроме борцов, действующими лицами данного спортивного игрища были секунданты. Они защищали интересы борца перед судьями, следили за ходом схватки, подбадривали своих подопечных, держали их шапку, пока тот боролся, а в случае победы борца поднимали вверх его руку. Одевался он в праздничный халат, поверх которого полагался жилет без рукавов (кандааза) и шапку. Не каждый человек мог стать секундантом. Ими были известные в прошлом борцы, люди, которые могли достойно представить своего борца перед зрителями. Он должен владеть ораторским искусством, произносить благословения в честь победителя. Когда объявляют о выходе борцов на поле, секунданты с шапкой в руке, поднятой вверх, начинают представлять своих борцов наперегонки:

— Выведите моего могучего борца Арзылаң-Мөге (титул борец Тигр) Монгуша Аяса!

— Выведите моего непобедимого борца Чаан-Мөге (титул борца — Слон) Монгуша Маадыра!

Далее может следовать благословение, типа: «Борец мой непобедимый Арзылан-Моге, не найдется сильнее, ловчее, хитрее его. Не успеешь глазом моргнуть, пальцем шевельнуть — будешь побежден. Как возьмется, соберет силы свои, земля содрогнется. Смотрите, как правой рукой взмахивает, левой — парит как орел!»

Борцы под громкие подбадривающие возгласы выходят на поле с разных сторон и исполняют ритуальный танец орла. Это было формой представления борца зрителям, которые радостно приветствовали его появление на поле. Секунданты снимали с борцов шапки и на протяжении всей схватки держали их в руках. Борцы сближались, похлопывая себя по бедрам, пожимали друг другу руки, и начиналась борьба. Секунданты находились все время рядом, подбадривая, подсказывая, делая борьбу зрелищной. По окончании борьбы победивший поднимал с земли побежденного, последний, в знак уважения победителю, проходил под его рукой, затем оба протягивали друг другу руки, показывая тем самым, что нет у них ни зависти, ни презрения. Победителю пели хвалебные песни и читали благословения. Небольшой сценарий одного эпизода зрелищного представления «Хүреш» говорит о богатстве регулятивных функций этно-этикета, о его нравственно-эмоциональной насыщенности.

В особый ряд мы выстроили этикет, связанный с *религиозными представлениями* народа. Являясь закономерной исторической формой практического и духовного освоения мира, он содержит в себе систему нравственно-этических представлений, поддающуюся осмыслению, пониманию и освоению.

Изучая нашу проблему, мы не раз наталкивались на причины возникновения тех или иных этикетных ситуаций, норм и предписаний. И они в большей части укоренены в религиозных верованиях народа. Предпочтение в их осмыслении отдается шаманизму, как одному из древних религий тувинцев. В нем представлено определенное духовное мировоззрение, корни которого уходят в глубину народной философии, что обусловило устойчивое сохранение в сознании народа шаманистских представлений. Обращение к религиозному этикету закономерно, постольку поскольку всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями.

Следовательно, нравственная культура — результат духовного (религиозного) миропонимания, мироощущения и мировидения. Для нравственного осмысления религиозных обычаев, необходимо вникнуть в его содержание.

Самой важной особенностью традиционной культуры тувинцев является ее обращенность на связь человека и природы. Природа служила для человека неиссякаемым источником и гарантом жизни. Тувинцы считали, что все, что их окружает, живет и дышит. Они познавали мир и природу, воспринимая самих себя как одно целое, как реальность и, таким образом объясняли себя через окружающий мир. Поэтому человек свято верил, что, причинив ущерб природе, он прежде всего причиняет ущерб себе. Исходя из этих соображений, тувинец соблюдал своего рода этикетные нормы и правила перед тем, как идти на охоту, в дальний путь, за лесом для кошар, за лекарством для больного (лекарственными травами). Он необычайно бережно относился к природным богатствам. Никогда зря не рубил леса, берег, охранял их. Даже, когда шел за елью или за ивой для

кошар, проделывал целый обряд обращения к богатству лесов: брал с собой просо, сыр, молоко и на месте, где заготовляли лес, бросал в разные стороны, при этом причитал:

Тос таңдым,
Долаан бурганым,
Өршээ, хайыракан!
Чонум хереглээрге,
Кезип тур мен.
Саңым салып тур мен,
Чажыым чажып тур мен.
Ужурар дээш ужурбадым,
Кезер дээш кеспедим,
Ажыглаар дээш, кестим.
Тайга моя девятиглавая,
Долаан бурганым (бог ты мой),
Прости, хайыракан (бог мой)!
Срезаю не по своей вине:
Народу нужна.
Принес тебе попить, поесть
Не хотел тебя валить,
Просто так не рублю,
Мне она нужна (ива).

(М.Б.Кенин-Лопсан)

Затем брал семена желудя дерева и сажал в землю, тоже приговаривая, что скоро вырастут из шишек новые деревья.

Когда заготовляли лекарственные травы, тоже соблюдали определенный ритуал. Например, корни женьшеня выкапывают в середине августа, при этом сначала делают отгораждения вокруг цветка и произносят молитву, бережно выкапывают корни, взамен обещая одного из животных, сажают семена созревшего женьшеня на то место, откуда оно выкопано. В этом выражена экологическая мудрость народа: стремление чувствовать себя частицей ее, брать не разрушая, столько, сколько нужно — замечательная национальная особенность. Значит, экологическое воспитание было сутью народной педагогики. Передавая нормы и установки обращения с природой, народ тем самым вносил в систему традиционной педагогической культуры неповторимые образцы нравственного поведения.

Горы, реки, деревья, по представлениям тувинцев, олицетворяли силы реального мира, и человек призывал их помочь ему выжить в трудных погодно-климатических условиях. Он просил поддержать его, обеспечить благополучие рода. По этому случаю он устраивал различные обряды. Существует целая система почитания объектов природы: оваа, источников, тайги. М.В. Монгуш выделяет ее как культовую систему [106, 55].

Каждая единица этой системы представляет собой этно-этнический сценарий, насыщенный ритуальными сценами, действующими лицами, философско-религиозным содержанием. Но следует отметить, что многие культовые обряды сохранили лишь внешние атрибуты, утратив первоначальный смысл, приобретя новые, адаптированные к современным условиям качества. Так, из духовной жизни тувинцев исчезли традиционные религиозные обряды, хотя отдельные элементы, такие как поклонение родовым горам, освящение источника, поклонение огню неизменно присутствуют и сейчас.

В последнее время широко стали практиковать освящение гор, источника, домашнего очага. Каждый год тувинцы стали освящать источники, горы. Примечательно, что на таких обрядах присутствует молодежь и учится формам обращения к природе. Естественно, что драматургия таких обрядов насыщена особым эмоциональным влиянием на психику молодых людей, вызывая в них чувство благоговения перед силами природы, а также способствует становлению этнического самосознания, организации и воспитании индивидуальных чувств, духовно-нрав-ственному очищению от злобы, скверны и жестокости по отношению к природе, людям и обществу.

Традиционное мировоззрение народов Центральной Азии, в том числе и тувинцев, включает почитание основных космических начал Неба — Дээр, Солнца — Хүн, Земли — Чер, Большой Медведицы — Чеди-Хаан. В эпосе «Алдай-Буучу» эпический герой является сыном матери-Земли и отца — Неба. «Чер — Ием. Дээр — Адам».

Вполне естественным сегодня является то, что хозяйки дома проводят обряд окропления молоком или свежезаваренным чаем, прося у восходящего Солнца благополучия, при этом обращаются к Девяти небесам, Долаан Бургану (Большой Медведице). По описанию М.Б.Кенина-Лопсана наши предки молились Девяти небесам, которые по их представлениям, дают людям все, что им надо и в чем они нуждаются:

Помилуйте нас, мои Девять небес!
Помилуй нас, мой Долаан-бог!
Помилуй нас, Земля моя!
Помилуйте нас, Девять таежных хребтов!

Главный смысл молитвы заключается в том, чтобы небеса были добры к людям и животным. Небо различается, по наблюдениям тувинцев, девятью признаками по цвету, ясности и принадлежности его к потусторонним существам (небо азарларов и хоорларов, которые могут спуститься на землю — их видят только шаманы). По цвету неба тувинцы могли узнавать и погоду, и надвигающуюся беду и т.д. [82, 76—77].

Таким образом, приобщение к миру этикета - традиционной жизни с ее обычаями, ритуалами, всем богатством нравственных взаимоотношений и взаимодействий — все это познается в контакте с окружающей действительностью, через институты социальной среды, созданной для социализации молодого человека.

Семья в этой системе является значимым ядром в подготовке человека к предстоящей жизни, в ней закладывается основная модель поведения, которая затем переносится на внесемейные отношения. Доминирующей основой этой модели служит нравственное воспитание.

Нравственное воспитание в традиционной тувинской семье опирается на совокупность этических норм, которые служат кодексом нравственного поведения. Они же составляют энциклопедию народных морально-этических и социальных знаний [146, 13—14].

В этом смысле, юрта и связанные с ней правила поведения, занимают особое место в этноэтикете тувинцев. Понятие «аальный этикет» введено Г.Д. Сундуй. В ее работе перечислены правила поведения в юрте и установлен соответствующий «кодекс нравственного поведения». Не вдаваясь в подробности описания аального этикета, остановимся лишь на тех существенных характеристиках поведения человека в юрте, которые служат основой нравственности.

Юрта, по древним представлениям кочевых народов, — своеобразный микромир — маленькая Вселенная. Все действия в ней строго регламентированы в соответствии с организацией пространства. Семантически значимыми объектами, по отношению которых устанавливался целый комплекс правил и запретов являются: очаг, дверь, «дөр», «аай тала», «дедир тала» (правая и левая сторона). Прежде всего, рассмотрим этикет, связанный с очагом. Очаг — семантический центр юрты, вокруг которого протекает вся жизнь человека, символ преемственности поколений, связующее звено между предками и потомками. По этому поводу восьмидесятичетырехлетний Сайын Монгуш Долчунович, уроженец села Аянгаты, рассказывал: «Очаг — ожук передается от отца к сыну как семейная родовая реликвия и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы погас огонь в очаге — разгневается богиня очага, пошлет свой гнев на членов рода и может привести к разрушению семьи. А хранительницей очага издревле считается женщина. Поэтому она должна постоянно кормить его маслом, приносить бескровную жертву. Существует традиционный обычай освящения домашнего очага, когда совершают обряд жертвоприношения хозяйке огня. Проводит его шаман по специально установленному порядку по случаю Шагаа, изгнания нечисти, избавления от дурных помыслов». Как

видно из рассказа, этнопедагогическая сущность этикета, связанного с очагом, заключается в идее сохранения рода, преемственности поколений.

Следующим сакральным объектом считалась дверь. По сведению информаторов, бытуют несколько правил входа в юрту: входящий открывает дверь левой рукой с правой стороны двери и преступает порог левой ногой. Нельзя: переступать правой и заходить с левой стороны юрты, могут последовать неприятности; сидеть на пороге; спотыкаться о порог (существует примета, что может уйти благодать и споткнувшийся должен сам исправить свою ошибку «накормить огонь», тем самым прося милости у хозяйки очага); разговаривать через порог. Все запреты, вероятно связаны с религиозными представлениями о добре и зле. Порог же в сознании народа закрепился как оберег от злых духов, которые могут проникнуть извне и помешать семейному благополучию.

По отношению к «аай тала» и «дедир тала»— соответственно женская и мужская половины юрты — существуют опреде-ленные стереотипы поведения: «дедир тала» считалась много-людной стороной, входящий и выходящий человек обязательно придерживался этой стороны; там сидели молодежь и дети, в основном мужчины; «аай тала» — женская половина, куда не должны проходить мужчины, — считалось большим грехом и оскорблением чести женщины, там находятся старшие дочери и сидят родные и близкие женщины хозяйки; «дөр» — место для почетных, почитаемых в роду пожилых людей, оно является сакральным местом, где расположен семейный алтарь на разукрашенных маленьких сундуках (аптара).

Каждый тувинец соблюдал правила ориентировки и размещения составных частей и хозяйственного инвентаря юрты. Дети с малых лет знают, где что лежит, кому, где и как сидеть и как себя вести в юрте. Они громко не разговаривают, не вмешиваются в разговор старших. Женщине не полагалось без надобности проходить в мужскую половину, если надо, то обязательно обходила очаг со стороны входа, нельзя было переступать через мужские вещи — ружье, патроны, седло, плеть, наступив на них, она осквернила бы столь важные предметы. Еще больше ограничения касались молодых женщин, им ни при каких обстоятельствах нельзя пребывать на правой половине жилища при гостях, брать в руки мужские принадлежности, шумно пить чай — надо быть тихой и незаметной.

Этикет предписывает также правильное сидение в юрте, правильную позу: «баскактанып олурары» — так сидели мужчины с высоким званием, ламы, старейшины (сидеть, подогнув под себя скрещенные ноги); «сөгедектей олурары» — сидеть, подогнув под себя левую, а правую, согнутую в колене, поставив перед собой — так сидели женщины, а мужчины наоборот.

Какие существовали запреты: нельзя сидеть, вытянув ноги, только ленивый человек может так сидеть (будун көстүп болбас); нельзя сидеть, расставив ноги — это осуждаемая людьми, неприличная форма сидения (дазалап олурбас); нельзя сидеть, положив ногу на ногу (хачылай олурбас), тоже неприличная поза для молодежи, особенно при старших; нельзя сидеть, опираясь руками о землю — нельзя сажать землю на спину (чер чүктевес). Родители с раннего детства наставляли детей: «Седло красит лошадь, поза — человека».

Соблюдение «аального этикета» носило большое воспитательное значение в плане трансляции нравственно-этического опыта межличностных, внутрисемейных отношений, вхождения человека в социум.

Перейдем к следующим сюжетам, богатым этикетной информацией — правилам, связанным с пищей и посудой, одновременно правилам принятия подарка и отдарка.

Каждодневная семейная трапеза никаких особых правил от ее участников не требовала, кроме одного: не забыть выделить долю огню. Каждый раз, когда семья садилась за еду, полагалось ото всего понемногу выделить долю духу домашнего очага: масло, мясо и др. Если отсутствовал хозяин семьи, женщина обязательно отливала ему пищу; первый заваренный чай она брызгала во все стороны и отливала себе, потом уже разливала другим, при этом нельзя наливать чай доверха. Сначала мужу, затем самому маленькому и остальным, а если в застолье участвовал гость, то первую чашку подавала ему.

Гость, приехавший с определенной целью, всегда брал с собой гостинцы: хозяйке — лоскуты материала, детям — сладости, хозяину — табак, а когда он собирался уезжать, хозяйка собирает на дорогу, отдаривая гостя. Такой обычай называется «хап дүптээр» — не отправляли гостя с пустой сумкой. Нельзя быть скупой, такая женщина не пользовалась уважением в народе: «Калбак кезек от чуду, харам кадай өг чуду» — говорили они, что переводится «Толстое полено огонь гасит, скупая хозяйка дом срамит» и скупость осуждается, и к такому человеку домой никто не хотел заходить. Этикет застолья еще раз подтверждает щедрость и внимание людей друг к другу.

Таким образом, этикет как наиболее насыщенная сфера этической культуры, отображает традиционную педагогическую культуру и служит благоприятным средством нравственного воспитания детей; он составляет основу, на которой строились взаимоотношения взрослых и детей, вырабатывая специфические, присущие только данной культуре их проявления, наряду с общими, характерными многим народам. Приобщение учащихся к этноэтикету составляет основу нравственного воспитания, и внедрение его в новое образовательное пространство даст возможность решить задачу воспитания человека культуры через свое национальное, близкое пониманию и усвоению.

3.3. Предпосылки нравственного воспитания на традициях народного этикета

В плане нашего исследования считаем необходимым показать предпосылки, создающие возможность для успешного нравственного воспитания учащихся на традициях народного этикета.

Исходной теоретической основой в этом отношении выступает концепция взаимодействия внешних средств культурного развития и процессов основных личностных новообразований, разработанная Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия, Д.Б. Элькониным, Л.И. Божович, формирующаяся в ходе «врастания ребенка в культуру». Те и другие вместе взятые, и образуют то, что мы называем условно «процессом развития высших форм поведения ребенка» [51; 201; 23].

Следует признать, что к началу каждого возрастного периода складывается совершенно своеобразное специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей действительностью, прежде всего социальное. Это отношение мы назовем социальной ситуацией развития в данном возрасте — пишет Л. С. Выготский. Под социальной ситуацией он представлял исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода. Она определяет целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому ребенок приобретает новые и новые свойства личности, черпая их из социальной действительности, как из основного развития пути, по которому социальное становится индивидуальным [51, 259].

Л.С. Выготский считал, что здесь возникает два главных вопроса психологии развития: во-первых, какова конкретно социальная ситуация развития к началу данного возраста; во-вторых, какие психологические новообразования возникают у ребенка к концу данного возраста?

Наличие квалифицированных исследований по возрастной психологии позволяет нам отказаться от развернутых психолого-педагогических характеристик учащихся различных возрастных групп. Мы ограничимся лишь указанием тех особенностей возраста школьников, которые имеют существенное значение для нравственного воспитания учащихся на народных этических традициях.

Так, для младших школьников характерны конкретность и образность мышления, эмоциональность в восприятии окружающего мира. Они воспринимают речь, интонации, жесты, пластику, мимику окружающих людей, и силу природного дара подражания, а также в силу ограниченности социальной среды, ребенок берет воспринимаемые формы поведения как единственно для него возможные и начинает вступать во взаимодействие с другими людьми через заимствованные им формы. Поэтому в начальных классах на первый план выдвигается задача закрепления полученных в семье привычек и сообщений

в яркой и привлекательной форме с учетом традиционного этикета в его элементарном содержании.

В младшем подростковом возрасте вырабатываются новые, более сложные привычки и представления об окружающем мире, об отношениях человека к другим людям, происходит их осмысление в нравственном и эстетическом аспектах, а в старшем подростковом возрасте — тяга к самовоспитанию. Старший подросток находится в дисгармонии с окружающим миром, с другими людьми, с самим собой, и поэтому этикет поможет ему преодолеть эту дисгармонию, преодолеть конфликтную ситуацию, вселит веру в себя и веру в других людей. Обращение к этикету в этом возрасте подводит старшего подростка к осознанию ценности этикета в его собственной жизни, поможет расценивать этикет с точки зрения своих личностных потребностей.

Определяющей возможностью использования этикета в нравственном воспитании старшеклассников — юношества, является качественно новая ситуация развития «познание самого себя». Главное новообразование данного возраста по Л.С. Выготскому то, что теперь в драму развития вступает новое действующее лицо, новый, качественно своеобразный фактор — личность самого подростка... В связи с возникновением самосознания для подростка становится возможным и неизмеримо более глубокое и широкое понимание других людей. Социальное развитие, которое приводит к образованию личности, приобретает в самосознании опору для своего дальнейшего развития.

Итак, первая предпосылка, определяющая возможность использования этикета в нравственном воспитании старшеклассников — это качественно новая ситуация развития — «познание человеком самого себя» — открытие «Я». Познавая себя, юноша познает других людей, являясь субъектом социализации. В.А. Мудрик считает, что познание себя у юношей и девушек объективно идет в процессе общения с окружающими их разными людьми, в выполнении самых разных социальных ролей. Общаясь со взрослыми и сверстниками, старшими и младшими, человек проявляет себя. Он получает прямые и косвенные оценки своих знаний, умений, способностей, личностных черт. Он развивает их и приобретает новые. Все это создает практическую основу для познания самого себя: в сравнении, самонаблюдении, самоанализе [111, 38 — 42].

Исходя из этого, использование этикета как средства нравственного становления личности, как средства, регулирующего поведение человека, в данном возрасте является жизненной необходимостью. Сравнивая, наблюдая и анализируя свое и чужое поведение, юноша познает принимаемые и не принимаемые обществом нормы и правила поведения.

В этом возрасте идет процесс подготовки юношей и девушек к непосредственному решению проблемы самоопределения, когда они во всех сферах жизни стоят перед необходимостью выбора: выбора друга, выбора профессии, выбора спутника (спутницы жизни), выбора нравственного идеала [111, 65]. И потому следует учесть, что этикет становится делом самого старшеклассника, принявшего или не принявшего эту общечеловеческую этическую ценность. Важно понять и то обстоятельство, что юношество склонно к подчинению и тяге грубо принятой им свободе. С другой стороны, такая направленность, «внутренняя позиция» старшеклассника на самоопределение, на осмысление своих возможностей [35, 365], на наш взгляд является своеобразным стимулом для формирования нравственных качеств, определения нравственного идеала на традициях народного этикета.

Старшего школьника способен увлечь сам процесс поиска нравственных истин на материале народного этикета, что связано со стремлением юношества почувствовать свою самостоятельность, взрослость, способность к открытиям без помощи других. Готовая и многократно растолкованная мораль лично не усваивается старшеклассником уже хотя бы потому, что она «готовая». Следовательно, благоприятным условием для широ-кого использования в нравственном воспитании этикета следует считать наличие у старшеклассников более совершенного уровня развития мышления, интереса к причинному объяснению явле-ний, развития умения аргументировать свои суждения, показы-вать их истинность, критично относиться к увиденному, услы-шанному, прочитанному, что в свою очередь, является важной предпосылкой развития творческой

личности, не просто усваи-вающей информацию, но и проявляющей интеллектуальную инициативу для создания чего-то нового, оригинального [111; 85].

Особенно ценной является возможность старшеклассников творчески воспринимать и переосмысливать древний нравственный кодекс поведения с позиции современной ситуации социального развития.

Одновременно происходит усложнение эмоциональной сферы, что также позволяет сделать общение на традициях этикета на нравственном уровне более целостным. Старшеклассник на базе уже имеющегося «опыта» эстетического и эмоционального восприятия жизни стремится к пониманию своеобразия того или иного образца взаимоотношения между людьми.

Таким образом, возможность использования этикета в нравственном воспитании старшеклассников зависит от социальной ситуации развития данного возраста; открытие своего внутреннего мира и самоопределение в жизни; самостоятельность и культурная активность; более совершенный уровень развития мышления и эмоциональная восприимчивость — все это, вместе взятое, делает старший школьный возраст сензитивным к восприятию народного этикета.

Вместе с тем, педагогические условия, в которых происходит формирование нравственности школьников, сложны и противоречивы: оторванность многих современных школьников от традиционного народного быта сказалось на уменьшении роли, значительном сокращении объема и содержания этикета в реальной жизни, в сравнении с тем, какое место он занимал прежде. Кроме этого, снизилась потребность в одновременном ведении и освоении различных видов традиционного хозяйства и, следовательно, к сокращению общения представителей старших поколений с младшими на уровне передачи важнейших этикетных норм, элементов нравственной культуры народа; хотя семья в своей структурной основе имеет трехступенчатую связь, наблюдается нарушение тесных связей между дедами и внуками, неспособность молодых родителей передать нравственные идеи через этикет, а это является одной из причин утраты молодым поколением «чувства восприятия прошлого».

Свои выводы мы строили на основе данных, полученных при опросе учащихся 7—8-х классов. Нас интересовали сведения, указывающие на частоту общения подростков с традиционным этикетом в различных сферах их жизни. Полученные данные показывают незначительность места народных этических традиций в сфере семейного общения и свидетельствуют об ограниченности влияния их нравственного содержания на младших членов семьи. Так, из 92 учащихся достаточную информацию регулярно получают 33 человека, тогда как группа подростков с частотой общения в семье на уровне «иногда», «крайне редко», «никогда» составляет 59 учащихся.

Не лучше обстоит дело в самой школе, школа полностью не создает условия для регулярного общения с народным этикетом. Традиционный этикет декларируется, дается достаточно информации, а осознанного отношения к нравственным нормам поведения у учащихся нет, и они не переходят в устойчивые нормы поведения самих учащихся, специальные цели перед школьниками не ставятся.

Итак, на сегодня приходится констатировать недостаточный контакт старших школьников с национальным этикетом в повседневном быту, школе, не глубину имеющегося общения с образцами этических традиций. Учитывая благоприятные психолого-педагогические условия усвоения школьниками нравственного содержания народного этикета, мы считаем, что назрела необходимость включения его в учебно-воспитательный процесс, как в школе, так и в процессе подготовки будущих учителей.

3.4. Содержание, формы и методы нравственного воспитания учащихся на традициях народного этикета

В современной социально-педагогической ситуации, когда происходит переосмысление сложившейся единой системы воспитания, пересмотр стереотипов в обучении и воспитании, поиск новых концепций и моделей образования в XXI веке, на передний план

выдвигается духовно-нравственное развитие, воспитание и социализация обучающихся. Приоритет такой концептуальной идеи был выделен в проекте Федерального государственного стандарта общего образования. Данным стандартом предусмотрены разработка концепции духовно-нравственного воспитания школьников и примерная программа воспитания и социализации обучающихся. На их основе разрабатывается образовательным учреждением собственная программа воспитания и социализации школьников с учетом культурно-исторических, этнических, социально-экономических, демографических и иных особенностей региона, запросов обучающихся, их родителей и регионального сообщества. Стандарт устанавливает, что программа воспитания и социализации должна быть направлена на духовно-нравственное развитие обучающихся на основе приобщения к национальным российским ценностям, ценностям своей этнической, конфессиональной и / или культурной группы, общечеловеческим ценностям в контексте формирования у них идентичности гражданина России.

С учетом вышесказанного актуализируется необходимость овладения учеником богатством этнической, национальной российской и общечеловеческой культуры. Она возможна при обращении к векам накопленной человеческой мудрости в учебно-воспитательном процессе; определения инварианта воспитания, общего для традиционных культур, и тех вариативных элементов, которые позволяют создать разнообразные учебно-воспитательные системы с учетом национальных, региональных и этнических особенностей. Переработка и осмысление явлений духовно-нравственной культуры прошлого поможет развивать педагогическую культуру прошлого и настоящего: без учета народных представлений и традиций воспитания, без учета народных воззрений о нравственности этнического идеала совершенного человека и морали невозможно создать полное и объективное содержание духовно-нравственного воспитания человека нового времени для создания собственной программы воспитания.

Исходя из этого содержание нравственного воспитания учащихся, как мы представляем, является отражением народной жизни, его духовных и нравственных идеалов и трудовой деятельности; национальной культуры, дополненной и обогащенной сведениями о культуре многонациональной России. При этом важно подчеркнуть, что школьник должен жить родной культурой и в родной культуре, а другие культуры он должен знать. Содержание образования предполагает выбор этнически обусловленных методов, средств и форм обучения, оно исходит из психологических особенностей восприятия и мышления, из своеобразного психологического строя личности, оно учитывает этнически своеобразное, исторически обусловленное содержание обучения и воспитания. И ни в коем случае нельзя игнорировать сущностные различия. Обучение без учета этнических различий в психологическом строе личности равносильно обучению на чужом языке.

Национально-ориентированное образование всегда исторично. Оно формирует преемственность идей человеческого рода, придает личности устойчивость, опираясь на прошедшее как на фундамент, оно позволяет каждому человеку ощутить свой характер, сотканный из истории и традиций [197, 83]. Оно является важнейшим фактором удовлетворения национально-культурных потребностей, приобщения человека к национально-культурным традициям, их обогащения общемировым, интернациональным содержанием. При моделировании содержания нравственного воспитания учащихся мы учитываем принцип диалектического единства трех начал: этнического, федерального и общемирового, позволяющего человеку глубоко чувствовать принадлежность к родному народу и в то же время сознавать себя гражданином страны и субъектом мировой цивилизации. Кроме этого, содержание нравственного воспитания представляет собой конкретное выражение нравственного идеала совершенного человека в народной педагогике, изложенного нами выше, и национального воспитательного идеала, понимаемого как высшая цель российского образования.

В связи с этим поиск путей совершенствования системы нравственного воспитания учащихся на этических традициях следует из необходимости удовлетворения

этнокультурных потребностей и языковых прав учащихся, переориентации целей на современный национальный воспитательный идеал.

В качестве содержательного компонента воспитания гражданина России мы выбираем этнический этикет. Этноэтикет как феномен этической культуры предполагает межнациональное общение, интернационализацию общественной жизни, социализацию личности в культуре не только своего народа, но и в других культурах народов, близких по своим сложившимся в древности социокультурным отношениям, и главное — в общечеловеческой культуре. Социально-этические ценности, освоенные на традициях этноэтикета, принятые в своем социуме и усвоенные личностью, являются ориентиром деятельности человека, которые составляют основу нормативной позиции человека, характерной для данного этноса, как нравственная цель, вера, определяет общую направленность его поведения, систему его поступков.

Все это определяет специфику использования этноэтикета в нравственном воспитании школьников как составной части духовно-нравственной культуры народа, так как в умении, привычках и опыте соблюдать этикет проявляется уровень и богатство овладения системой одобряемых моральных отношений к людям, обществу, самому себе, труду, природе.

Нравственная сущность и поведенческая выразительность личности отражаются в способности морального суждения, умении использовать этические знания, отличать нравственное от безнравственного, применять нравственные нормы к особенностям сложившейся ситуации в социоэтнической среде. Они характеризуются способностью к моральному познанию человека по его внешним проявлениям, культуре поведения и степенью превращения морального сознания в повседневную норму поступка, уровнем приверженности к правилам, регламентирующим форму, манеру поведения личности в общении.

К.Н. Вентцель утверждал, что человек не только существо общественное, но и нравственное и писал: «Нравственность есть стремление к осуществлению того, что является для человека самым высоким, самым святым, самым лучшим, каким бы он не называл это высокое, светлое и лучшее — правдой, долгом, благом или еще как-нибудь иначе» [55, 391].

Критериями такой гуманистической нравственности мы считаем реальную жизнь, в которой имеет место почтительность, благожелательность, доброта, вежливость. При этом ценности и нормы традиционной педагогической культуры, искусство, нравственность — все достижения общечеловеческой культуры, социальной жизни стали проникать в систему целостного педагогического процесса, ориентируя на личностное развитие и саморазвитие учащегося. Такая ориентация объясняется единством общекультурного, социально-нравственного развития личности, реализация которого создает условия для самоопределения школьника в общечеловеческой культуре через познание своей национальной культуры. Самоопределение личности в культуре и выработка на этой основе социокультурной позиции, своей индивидуальности — ведущее направление гуманитари-зации образования, которая предполагает рассмотрение содержания образования в контексте культуры.

Учет культурно-исторических, духовно-нравственных традиций народа в их единстве с общечеловеческой культурой поможет выявлению нравственного потенциала содержания образования. Личность понимается в данном случае в рамках не только социума, но и этноса, ее духовный потенциал определяется степенью приобщенности к национальным этическим традициям, обогащенным общечеловеческим и интернациональным содержанием. Такой подход в определении содержания образования понимается как культурологический подход, предусматривающий гибкость содержания образования. С учетом требований к личности выпускника современной школы, к не менее важным подходам, определяющим сущность изучаемой проблемы, мы относим личностно-деятельностный и индивидуально-творческий подходы. Первый предполагает моделирование в процессе нравственного воспитания, второй — выявление и

формирование у учащихся творческой индивидуальности, самосовершенствования и самовоспитания.

«Без знания ребенка — его умственного развития, мышления, интересов, увлечений, способностей, задатков, наклонностей — нет воспитания», — отмечал В.А. Сухомлинский [158, 9]. Именно на основе глубоких знаний возрастных, индивидуальных и других особенностей учащихся возможен успех нравственного воспитания.

Этнопедагогика сохранила удивительно тонкую дифференциацию возрастных периодов. Так, в чувашской народной педагогике господствующей была аналогия с природой: четыре возрастных периода распространяется на домашних животных, на растения и деревья. Например, четыре возрастных периода священного для чувашей дуба имеют самостоятельные названия: хунав (дуб — дитя), туйра (дуб — юноша), юман (взрослый дуб) и ват юман (старый дуб). «Старый дуб — на опорные столбы, взрослый дуб — на нижний венец, дуб — юношу — на стропила, а дуб — дитя — пусть растет» — говорят чуваши. Главный смысл данного изречения в его морально-педагогической идее, — подчеркивает Г.Н. Волков, — с одной стороны, опыт старых служит опорой для последующих поколений, с другой, — детям надо создавать благоприятные условия для роста и развития [39, 26].

В традиционной педагогической культуре тувинцев существует несколько подходов к возрастной периодизации. Возрастные периоды в соответствии с народными наблюдениями тувинцев мы представили во второй главе. Мы отмечали, что переход от одного возрастного цикла рассмотрен как переход на новую ступень социализации личности ребенка в этнической среде.

Другая периодизация, составленная Г.Д. Сундуй, основана на двенадцатилетнем животном календаре: как время повторяет свой цикл через двенадцать лет, месяцев, часов, так и возраст человека проходит стадии развития согласно этому циклу. По окончанию одного полного цикла, человек приобретает свое новое социальное положение. Она выделяет, что за свои поступки и действия дети начинали отвечать с двенадцати лет, с началом второго периода жизни человека. В ее исследовании значительное место отведено «внутриутробному воспитанию»: будущая мать должна была избегать встреч с людьми в трауре, она не пила молочную арагу, не курила, не ссорилась с людьми, старалась быть щедрой. Советовали женщине чаще находиться на лоне природы, входить с ней в мысленный контакт и при этом желать будущему ребенку красоты такой же естественной, как сама природа, ибо воспитание в утробе — это воспитание, прежде всего, души человека [146, 31].

Третья позиция, описанная М.Б. Кенином-Лопсаном, занимает еще более интересный вариант: здесь аналогия идет с небесными светилами - Большой Медведицей (Чеди-Хаан, *букв.* семеро царей) [82, 7—8]. «Что человеку разрешено и запрещено делать, все происходит согласно семи периодоа жизни человека» — говорили народные педагоги. Эти периоды подобны звездам Большой Медведицы, то показываются, то исчезают, то мерцают, то зажигаются ярко, но никогда не теряют своей семизначности. Эта неразрывность семи звезд перешла по сходству в древнюю периодизацию тувинцев, как связь поколений. Каждому предыдущему поколению последующее является поддержкой и опорой в решении жизненных проблем, учителем в познании нравственных норм, стереотипов поведения.

Данная периодизация нас интересует с точки зрения особенностей нравственного совершенствования и социализации личности, согласно установленных предписаний, запретов, правил межличностных отношений в этносоциуме «ужур».

1 период — от рождения до 3 лет. Ребенок был заботой всех: стар и млад нянчился с ним, оберегая его от простуды, сглаза в отсутствие матери. В этом возрасте нельзя пугать и обижать детей. В народе говорили: «Жеребенка не седлай, ребенка не пугай». Также, как и у многих народов, старшие в семье несли полную ответственность за уход и заботу над младшим. В семьях, которые имели одного ребенка, специально просили детей - подростков своих близких родственников к себе помочь — «уруг алчыр» — своеобразная детская обязанность. Эта обязанность была очень ответственна и требовала от «уруг

алыкчызы» большого терпения и умения следить за ребенком, кормить и ухаживать. В основном такую роль выполняли младшие подростки. В свою очередь помощник находился на полном содержании семьи малыша, с которым нянчился подросток, т.е. за его повседневную одежду, школьные принадлежности и за его учебу ответственность несли родители ребенка. Повзрослев, «помощник — воспитатель» мог получать поддержку от своего «воспитанника» — между ними складывались отношения родства не только по крови, но и по интересам и привязанностям.

II период, именуемый как «чаш назын» (детство), имеет условную границу от 3-х до 15-ти лет. В этот период ребенок, по существу с момента посвящения в члены рода (ритуал подрезания волос — баш дүгү хылбыктаары — в 3 года), входит в тот мир его социального окружения, перед которым он будет нести определенную ответственность, познает проблемы семьи «өг-бүле», что в переводе означает буквально «юрта-общность», чувствует свою неотделимость от этой общности близких и родных. Наблюдая за взаимоотношениями людей и участвуя в семейных и родовых торжествах, народных праздниках и собраниях, он приобщается к этноэтикету, изучая и овладевая системой моральных отношений к людям, обществу, самому себе, труду и природе. В этот период, в пять лет девочка может уже доить козу, мальчик — пасти мелкий рогатый скот и ухаживать за их детенышами. Подросток в 14 лет — заколоть овцу, отделить от шкуры и разделать ее, а девушка — помочь в обработке бараньих и коровьих желудков — в целом, они овладевают умениями заготавливать съестные припасы. А главное, в отсутствие родителей могли принять гостя, предложить чай, но они не имели права спрашивать о цели приезда гостя; участвовали в воспитании младших сестер и братьев. Родители говорили про них «инек сагжыр багай чүвемни» - «помощница-доярка моя плохая» — в разговоре тувинцы пытались не употреблять хвалебные слова, боясь сглазить ребенка, и не хвалили своих детей при них на людях.

III период — от 16 до 29 лет — аныяктар (молодые) — опора матери и отца, человек, готовый выполнять любую домашнюю работу, начать самостоятельную жизнь, стать матерью и отцом, отдельно вести хозяйство. Если детей подросткового возраста считали «кижи болган» (стал человеком), то «балдыр дыңзыг», «боду амыдырап шыдаар, дуза херек чок», что значит стал уже самостоятельный и может обходиться в жизни без помощи близких людей. Севилбаа Албакаевна Хо-валыг, многодетная мать, отдавшая всю свою жизнь животноводству, вспоминает: «В этот период родители возлагали на нас всю ответственность по домашнему хозяйству, мы старались не отстать от своих матерей в искусстве шитья, выделки шкуры, заготовке мясных и молочных продуктов. Это было время, когда молодежь уединялась, знакомилась друг с другом, играла свадьбы, а главное, становилась самостоятельной. Мы придерживались норм и правил поведения в обществе, не употребляли спиртные напитки, как это позволяет себе молодежь сегодня, пытались заслужить признание в своем аале».

И действительно, аныяктар выходили из каждодневной опеки родителей, но всегда находились под строгим наблюдением рода и каждое отступление от общепринятых законов считалось осквернением чести родителей. Сородичи педагогически мудро поступали с теми, кто оступился однажды и признавал свои ошибки, говорили «тайып ужар, даянып турар» и провинившийся всячески старался снова обрести свое доброе имя.

Возмужание человека и становление «на ноги» ярко и образно показано в героических сказаниях: поиск верного коня, ловля его арканом, борьба и братание с ним, первое объезживание, богатырская скачка. Герой становится богатырем только тогда, когда приобретает коня, который становится мудрым советчиком. По-видимому, истоки подобного почитания коня уходят в глубокую древность, когда у тувинцев существовал культ коня, который выступал священным покровителем рода. Роль коня настолько велика, что он был неразрывно связан со сферой религиозных воззрений, например, являлся непременным элементом погребального обряда. По представлениям, сложившимся в те времена, древний воин, скотовод, охотник должен был отправиться в загробный мир на коне. Кроме этого, в народной педагогике препятствия, связанные с конем, выражаются в овладении мастерством скотовода, умениями обращаться с конем и

привязанности человека к своему верному другу. Тувинец не представлял свою жизнь без коня и очень бережно относился к нему: считалось большим грехом ударить по голове коня, переступать через плетку, садиться с правой стороны, видимо, последнее связано с движением по солнцу.

Таким образом, данный период характеризуется как важный этап в развитии человека как родового существа, формирования его мировоззрения, устойчивых стереотипов поведения, готовностью создать самостоятельную жизнь.

IV период значит от 30 до 45 лет — «ортун назын» (средний возраст) значит зрелый человек, значит отец и мать. Людям этого возраста разрешается ходить на свадьбу, выпить до двух дашка (кубка, чашки) араги, произносить благопожелания и совершать дальние путешествия. В этом возрасте человек уже становится известным в своем роду по степени своего основного занятия, увлечений и отношением к окружающим, в том числе к своей жене и детям. Мужчина — выполнением своих основных обязанностей содержать семью, женщина — быть хранительницей домашнего очага. Человек, не усвоивший нормы общественного бытия, живущий за счет других, терял свой авторитет в роду, с ним не желали иметь общие дела. «Если человек любит трудиться, значит, он любит жизнь» — так они рассуждали. Моя мама, Монгуш Юрзетмаа Будуповна говорила: «Дочь, стремись постичь своего, не откладывая ничего на завтра, в сорок лет ты должна уже завоевать уважение людей, трудно будет тому, кто не определит свое призвание к сорока годам и не станет опорой и поддержкой своих родственников».

V период — от 46 до 61 года — «улуг кижи» (старший человек). О людях этого возраста говорили: «Бажы каткан» — человек со зрелым умом, который разбирается в жизни, помогает советами молодым, их уважают в роду, приглашают на все семейные торжества, они учат молодежь соблюдать нормы поведения.

VI период — от 62 до 81 года — «кырганнар» (пожилые) — почитаемые и мудрые. Один из известных родовых шаманов села Аянгаты Ооржак Очур Кавааевич подмечал, что это время возможного увода человека чертями в иной мир, и он дорожит своим возрастом, беспокоится, чтобы успеть передать своим детям, внукам, правнукам жизненный опыт. С другой стороны, если случится так, что родной сын опозорит имя пожилого отца, он уединяется, не выходит из дома, кабы не стать посмешищем. Лучше бы умер, чтобы не видеть такого позора — говорят они. Он же сетовал на то, как молодежь стала сейчас безнравственна, не соблюдает никаких правил приличия: сын может поднять руку на отца, обижать женщин.

Кырганнар были желанными гостями в любом доме, их рассаживали на почетное место, как в обычные дни, так и в праздничные, прислушивались их советам, перед ним не проходили, при них громко не разговаривали. Они — носители народной мудрости воспитания, главные наставники молодежи.

VII период — от 81 до упокоения — «чөнүк назы — тыны үзүлгүже» — прерывания дыхания. Это мудрейшие люди, почитаемые в народе. Для них создаются все условия для спокойной старости, их не оставляют в одиночестве.

Таким образом, приведенная нами периодизация имеет отношение к этноэтикету, как активному средству социализации человека и нравственного воспитания молодежи. Знание народной возрастной периодизации служит своеобразной программой нравственного совершенствования и социализации личности школьника.

Сущность социализации была выделена И.С. Коном как усвоение индивидом на каждом этапе его жизненного пути умения принимать и усваивать новые и оставлять старые социальные роли [85, 7].

Специфика социально-исторического развития нашего общества на сегодняшний день такова, что в школу приходит ребенок, лишенный элементарных привычек и поведенческих навыков, социальной культуры. Поэтому школа вынуждена включать в содержание учебно-воспитательной работы своеобразные уроки этикета, ставящие цель оснастить подрастающее поколение необходимыми социальными формами общения с людьми с учетом национальной специфики общения.

3.5. Из опыта нравственного воспитания учащихся на традициях народного этикета

Основной формой нравственного воспитания учащихся на этических традициях тувинского народа являются уроки нравственности — народоведение — улусчу ужурлар с 1 по 9 классы.

Разрабатывая учебный предмет народоведение, мы исходили из того, что этноэтикет, являясь частью этической культуры народа, есть самобытная, уникальная, высоконравственная ценность любого народа и его внедрение в школьную практику как средства нравственного воспитания будет благоприятствовать становлению личности учащегося, поможет школьникам глубже вникнуть и понять специфику традиционной культуры, исторического опыта воспитания народа, его идеалов и чаяний, в условиях которых происходит воспитание, развитие и социа-лизация личности, формирование ее нравственных человеческих качеств.

Ядром программы являются концептуальные этнопедагоги-ческие положения, разработанные Г.Н. Волковым.

К.Д. Ушинский писал, что для того, чтобы достичь желаемой цели, необходимо опираться на систему воспитания, созданную самим народом, в которой учитываются природные наклонности человека, своеобразие национального характера, сложившегося под влиянием среды и обстоятельств. Учет этих факторов значительно облегчает воспитание детей.

Особое внимание при изучении народовения «Улусчу ужур-лар» уделяется организации деятельности учащихся, формирующей нравственное сознание, нравственные чувства и нравственное поведение и решению следующих задач в плане нашей проблемы:

- вооружение знаниями о народном этикете;
- выработке умений и навыков по использованию национального этикета в повседневной жизни и в учебно-воспитательном процессе школы;
- использование этноэтикета в нравственном воспитании учащихся;
- создание благоприятных условий для формирования нравственной культуры учащегося на основе нравственного идеала совершенного человека.

Учебные предметы «Кыстың бүдүжү» — «Девичий нрав» и «Эр чол» — «Удаль молодецкая» в 7 классе являются логическим продолжением предмета «Улусчу ужурлар» — народоведение в 1—6 классах. Они проводятся дифференцированно для мальчиков и для девочек.

При изучении предмета «Кыстың бүдүжү» — предложены четыре блока тем: «Женщина — начало жизни, надежда и опора»; «Нравственное воспитание»; «Гармония нрава, характера. Нормы, правила поведения девушки, запреты и предписания, относящиеся к девушке»; «Культура речи и речевой этикет».

Основная цель предмета: формирование девичьей прелести на прогрессивных традициях, обычаях и этноэтикете с учетом общечеловеческой педагогической культуры; воспитание у девушки привязанности к родным и близким; формирование готовности стать матерью, хранительницей домашнего очага, красоты и гармонии женского начала.

Программа обеспечена творческими заданиями и предусматривает использование различных форм и методов обучения: сочинения по описанию родословной матери (сестры) или бабушки, этические беседы, ведение личного дневника, наблюдения за собственным поведением, мимикой, жестами, речью, походкой, личной гигиеной. Особое значение в формировании будущей жены, матери отводится примеру матерей, известных женщин республики и других. Даются образцы устного народного творчества, отрывки из художественных произведений для анализа и размышлений над самосовершенстованием.

Руководствуясь программой по данному предмету, учителя вносят свои изменения, как в содержание, так и в структуру, приобщая девушек к подлинно народным идеям о совершенной женщине.

Так, педагогические коллективы Шамбалыгской, Кызыл-Мажалыкской № 2 школ в духовно-нравственном становлении личности школьника особо обращают внимание на формирование культуры женского и материнского начала в этнопедагогической культуре народа. Работа учителей не ограничивается только формированием уважения к женщине, матери, к отношению народа к материнству, что, конечно, очень важно и ценно для нравственного совершенствования человека, а больше нацелена на то, чтобы воспитать самоуважение у девушек, осознание чувства своей женской природы, как начала жизни, опоры и надежды семьи, готовящей себя стать матерью, способной к заботе, добру и любви к ребенку, создающей домашний уют, согревающей своим теплом всех в семье, мудрой и сдержанной советчице своего мужа.

Параллельно с этим — обращение к роли мужчины в семье: его обязанность обеспечивать семью всем, в чем она нуждается, ответственность за воспитание детей, будущих продолжателей рода, уважительное отношение к жене, дочерям, сестрам. Учителя обращают внимание на воспитание достоинства мужчины и женщины в контексте особенностей национального характера, который нашел свое отражение в фольклоре. В нем они черпают дидактико-воспитательный материал для создания модели совершенного человека.

Так, в Шамбалыгской школе традиционно стало проведение научно-практической конференции: «Тыва кижи» (дословно «Тувинец» — настоящий тувинец, кто он?), участниками которой являются учителя, учащиеся, родители, республиканская общественность. В рамках этого мероприятия проводится конкурс «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» (по названию героического сказания о брате Бокту-Кирише и его сестре Бора-Шээлей). Идея жить и бороться за жизнь самого близкого человека легла в основу повествования: простая девушка, чтобы спасти брата, переодевается в его одежду и участвует в многочисленных состязаниях с разными, более сильными противниками. В описаниях боевых походов брата и сестры очень тонко и образно показана мечта простого народа о непобедимости союза мудрости и мужества, воплощенная в образах Бора и Бокту. В них, как и в других сказаниях, выражена система этнопедагогических взглядов народа о прелести девичьей и удали молодецкой. Основываясь на жизнеутверждающей силе данных образов, учителя и учащиеся не зря остановились при выборе названия конкурса именно на именах героев героического сказания. В гимназии № 9, Кызыл-Мажалыкской № 2, Шамбалыгской школах действуют кабинеты по народной педагогике, которые становятся центрами возрождения традиционной педагогической культуры, изучения и обобщения опыта учителей школ республики, где собираются образцы устного народного творчества, предметы традиционного быта, музыкального искусства и художественного творчества.

Для успешной работы по нравственному воспитанию учащихся средствами народной этической культуры, в том числе этикета, в этих школах созданы все условия: заинтересованность педагогов в данной работе, поддержка их усилий со стороны родительской общественности, осознанность и системность работы учителей. Обращаясь к образцам народной этической мысли, рассматривают ее как воплощение идеальных, высоконравственных представлений человека о неразрывности связи поколений, о красоте человеческих взаимоотношений.

Нравственное воспитание, как считают все народы, невозможно вне активной трудовой деятельности. В связи с этим большое значение приобретает возвращение к народным методам хозяйствования: выделки шкуры, приготовления различных продуктов, шитья национальной одежды, охоты и рыболовства, скотоводства.

Кроме национальной традиции обращения к ценностям народа, в школах не забывается и культура взаимоотношений и взаимовлияния русского, бурятского, хакасского, алтайского народов. В школах внимательно изучают содержательное богатство русского народного творчества, традиционных русских народных праздников. Так, в педагогической практике гимназии № 5 города Кызыла гармонично вписывается в учебно-вос-питательный процесс диалог двух культур, педагогический коллектив ставит перед собой задачу развивать способность к обновлению, и не только восприятие нового,

отношение к новому, а именно собственное обновление, духовное возрождение. На уроках по русской литературе, изучая русские народные сказки, проводят параллель с тувинскими сказками. В тувинском фольклоре имеются такие черты, которые роднят его и с творчеством других народов, развивающихся в другом географическом и историческом пространстве. Обстоятельства чудесного рождения героя, его необычайно быстрый рост, неуязвимость и, если все же поражен, чудесное исцеление, длинный, полный всевозможных опасностей путь к невесте, трудность свадебных состязаний — это те из черт, которые можно встретить в устном народном творчестве народов всего мира.

Так, центральный персонаж одной из тувинских сказок золотая птичка-волшебница после многочисленных и все же алчных просьб старика и старухи в наказание возвращает им былую бедность.

Эти и другие диалоги тувинской и русской поэтической культуры успешно реализуются в практике названной школы.

В муниципальной гимназии № 9 города Кызыла работают учителя шести национальностей, она является учебно-мето-дическим центром по направлению: «Содержание национально-регионального компонента и его развитие в системе дополнительного образования», директор школы В.О. Домур-оол — заслуженный учитель школ Российской Федерации. Педагогический коллектив школы совместно с родителями пришел к выводу, что нужно внедрять в жизнь этнопедагогические идеи о духовно-богатой и общественно-активной личности с высокими нравственными качествами, такими, как уважение к старшему поколению, требовательность к себе, к будущему гражданину и к товарищам, ответственное отношение к выполнению нравственных требований, трудовых поручений и заданий. Источниками формирования этих качеств, как известно, являются родная природа, фольклор, мудрые и умные советы предков, общение, этикет, быт, традиции и обычаи, народное искусство — словом вся многогранная культура народа, его история. Исходя из этого, с 1992 года школа начала работать по эксперименту: «Оптимизация учебного процесса на основе народной педагогики». В ходе эксперимента коллектив школы убедился в том, что формирование личности учащегося, по-настоящему привязанного к родной земле, к своему народу невозможно без серьезного экологического воспитания. Поэтому школа перешла в межгосударственную модель «Экология и диалектика» (автор и научный руководитель Л. В. Тарасов г. Москва). Гимназия успешно завершила эксперимент по внедрению в содержание обучения и воспитания народной педагогики.

Тщательно изучив идеи и основы новой модели и прогрессивные традиции народной педагогики, школа разработала учебный план, рассчитанный на раннее всестороннее развитие детей, включая эмоционально-нравственное развитие и формирование экологического мышления, интенсивное стимулирование развития ребенка с использованием традиционной культуры воспитания. Данная гимназия сегодня является инновационным образовательным учреждением, формирующим новые подходы и новое содержание по созданию благоприятных психолого-педагогических условий для самоутверждения и самореализации выпускника школы в своей родной, общероссийской и мировой культуре.

На базе муниципальной гимназии № 9 г. Кызыла и Аграрного лицея апробирована программа «Нравственность и народный этикет».

Приступая к работе по формированию практической готовности к выполнению этических правил при изучении данного спецкурса, мы выдвинули решение следующих задач:

- создать условия, чтобы учащиеся овладели умениями соблюдать народные этические нормы и правила почтительности, вежливости, благожелательности, взаимопомощи, благодарности и т.п.;

- дать возможность самим учащимся осознать нравственную сущность народного этикета.

Школьники были поставлены в ситуацию выявления нравственной сущности народного этикета, которая определяется народными традициями, условиями быта,

устным народным творчеством, современной духовно-нравственной культурой, особенностями национального характера, которые находят свое отражение в этноэтикете. Так они выделяют самобытность тувинцев, русских, хакасов, грузин, якутов, монголов и других. Здесь важно подметить, что черты характера национальны по своей сути и интернациональны по значению. Опираясь на это положение, мы подводили школьников к мысли, что этноэтикет существенно влияет на активное формирование культуры межнационального общения, уважения к обычаям, обрядам, языку, искусству, истории народов России, других народов мира. Так мы показываем не взаимное исключение одного народа другим, а мирное сосуществование, терпимость, взаимное обогащение, солидарные действия — идею многообразия народной этической культуры. Тогда детям и взрослым создается возможность находить способы выявления собственных ценностей в области межнациональных отношений; определить проблемы, относящиеся к ценностной сфере, описать поведение, которое оценивается в народе (этноэтикет), выявлять ценностные характеристики своего народа.

Раскрывая содержание нравственного воспитания учащихся, мы считаем целесообразным работу над формированием нравственных понятий, из которых складывается нравственное сознание. Для этого проводим ассоциативный эксперимент со словами: вежливость, почтительность, доброта, терпимость, скромность, бескорыстие. Также обращаемся к мудрости великих мыслителей, педагогов и народной сокровищнице — пословицам и поговоркам.

По высказываниям проводились рассуждения, составлялись тематические колонки пословиц и поговорок: русских, тувин-ских, чувашских, якутских и других: «Человека по глазам видно» (*рус., тув.*), «Простота, чистота, правота — как лучшая красота» (*рус.)*, «Доброму человеку весь мир — свой дом» (*рус.*), «К доброму человеку народ тянется» (*тув.*), «Доброй голове — добрые мысли» (*чув.*), «На дружеское слово дружески отвечать надо» (*якут.*), «Не забудь об износе одежды, не забудь о беде друга» (*тув.*), «Старый конь борозды не испортит» (*рус.*), «Хороший конь не собъется с дороги, утка не пролетит мимо озера» (*тув.*), «Злая мысль на свою голову» (*тув.*), «Злость что шило, скупость что путы» (*тув.*) и другие.

Логическим продолжением работы над содержанием нравственного воспитания является осознание подростками того, что одно усвоение нравственных понятий не формирует сознания человека, оно включает в себя и активное стремление человека к воплощению нравственных принципов в своем поведении, в данном случае нравственные понятия переходят в нравственные убеждения, которые формируются под влиянием окружающей действительности, устойчивых стереотипов поведения в этнической среде, в процессе общения. Основополагающей базовой единицей содержания нравственного воспитания являются нравственные чувства — постоянного эмоционального ощущения, переживания, реальных нравственных отношений и взаимодействий.

Нормы этикета преобразуются в личностную нравственность только благодаря чувственному восприятию ребенком человеческого бытия. В процессе вхождения в мир человеческих отношений, подросток чувствует добро и зло, красоту и безобразие, осмысливает, анализирует, оценивает их и принимает решение следовать высоконравственным принципам в своем поведении.

Однако современная социально-педагогическая ситуация полностью не создает условий для того, чтобы дети «вжились» и переживали многие явления окружающей жизни, сами взрослые не могут стать для них тем любимым авторитетом, которому хотелось бы подражать. Для того, чтобы явление приобрело для ребенка личностный смысл, необходимо создать условия, чтобы ребенок включился в эти явления, пропустил через себя, соединил свои чувства с чувствами тех, кто находится рядом: родителей, бабушки и дедушки, родственников, братьев и сестер, чтобы каждое семейное, родовое дело стало делом и его жизни. Ведь как установлено с древних времен в семье: дети с раннего возраста становятся участниками родовых и семейных трудовых дел, праздников, выполняя самые разные социальные роли, чувствуя свою причастность к общественной жизни, вырабатывают соответствующее поведение. Чтобы усилить эти чувства, мы предлагали

сочинения-воспоминания «Вспоминаю, как моя бабушка...», «Мои лучшие друзья детства», «Хотел бы быть похожим на...», «Любимое занятие детства» и др.

Иерархию движения нравственных знаний в результате человеческого поведения можно представить в следующем порядке: нравственные чувства — нравственное сознание — нравственное поведение.

В формировании нравственных чувств, нравственного сознания и нравственного поведения народная педагогика использует богатейшие средства, формы и методы, которые систематизированы в нашей работе. Задача учащихся запомнить каждый фактор, формы и методы необходимым содержанием, примерами из национального этикета. Например, этикет, являясь составной частью традиций, проникает во все факторы и методы нравственного воспитания: *слово* — этикет входа и выхода в речевую ситуацию; убеждая, требуя, разъясняя, давая совет, намекая, наставляя, передавая какую-то информацию, рассказывая, народ соблюдал правила приличия, уважения — не повышал никогда на собеседника голос, «наблюдается удивительная мягкость и нежность речи тувинцев» (Г.Н. Волков), соответственно показывал мимическое и пантомимическое расположение.

Произнесение благопожелания сопровождается этикетными нормами: обязательно произносит старший из присутствующих и почитаемых в роду; дарение субъекту обращения не только материальной вещи, а своего доброго напутствия — наказа; благословение объекту преклонения — обрядом подношения бескровной жертвы, привязыванием сакральной ленты, окроплением чая, окуриванием дымом артыша и т. д. — последнее связано с шаманистскими обрядами, тоже существенным фактором воспитания.

В *деле* — соблюдение принципа народного этикета: взаимопомощь и взаимовыручка, сопричастность к заботам своей родословной. Преемственность передачи трудовых навыков и половозрастное поучение: мать — дочери, отец — сыну, сестры — сестрам, братья — братьям.

В *религии* — этикет обращения к ламе с просьбой (дилеп аары): обязательно берут с собой молочные, мясные и мучные блюда; моление перед богами, возигание лампад, исповедь. Так можно привести примеры и по другим факторам. Особенно ценно то, когда учащиеся без затруднений могли пользоваться народными средствами воспитания. Например, работа над пословицами и поговорками, этикетными эпизодами из героических сказаний и сказок была чрезвычайно продуктивной в нашей работе.

Кроме этого нами доказана целесообразность проведения занятий в форме защиты проектов, при этом мы пытались дать возможность ощутить чувство ответственности, ибо оно неотъемлемо от чувства причастности к чему-то большему, чем сам человек. Примерами таких проектов были: «Мудрость материнской педагогики», «Земля моих предков», «Колыбель и колыбельные песни», «Этикетная атрибутика в обычаях и ритуалах тувинцев», «Пословицы и поговорки — энциклопедия народной мысли».

Мы считаем приоритетным включение *технологии общения* с учетом специфики национального общения: уважение личности ребенка и взрослого — с одной стороны, с другой — соблюдение норм этикета соответственно пола, возраста и социальной ситуации, которые ориентируют человека на определенную социальную роль и соответствующую ей программу: принимать гостя, не допускать унижения личности, тактичное и бережное отношение к позиции собеседника; выдержанность и уравнове-шенность; умение оценивать ситуацию общения; самообладание и сдержанность. Руководствуясь положением, что общение — это та точка, из которой вырастает нравственность и вне которой не существует нравственности, мы считаем, что нравственность является конструирующим элементом общения и только нравственные нормы, закрепленные в народных заповедях, помогут лучше ориентироваться в ситуации взаимодействия участников общения.

Активные методы обучения — дискуссии, аналитические беседы, ролевые игры, моделирование этикетной ситуации, тренинг — позволят целенаправленно воздействовать на формирование таких качеств как эмпатия, самообладание, такт, общительность, требовательность, культуру речи, наблюдательность.

Усвоение нравственных норм можно приурочить к Новому году по лунному календарю. Использование этноэтикета *в проектировании* воспитательного мероприятия вместе с детьми дает большой эффект и воспитательную значимость. Учащиеся работают по мини-группам (по два-три человек), в первый же день в классах создаются творческие группы, каждая из которых предлагает свой вариант проведения «Шагаа». После выбора варианта всем классом, создается инициативная группа по подготовке и проведению праздника: «режиссеров», «оформителей», «актеров», «сценаристов», «затейников» (организаторов национальных игр), «кулинаров» (знатоков национальной кухни), «сказочников», «старейшин» и др.

Так создается группа единомышленников, сотрудников, занятых творчеством. Главная задача — создать собственный, оригинальный вариант проведения праздника, при этом обязательно включение этикетных ситуаций с соблюдением предписанных норм, произнесение благопожеланий, возжигание можжевельника и окуривание помещения, окропление молоком, принятие праздничной трапезы, слушание сказки, организация игр, конкурсов на красноречие, находчивость и сообразительность. Такая свободная нетрадиционная методика воспитательной работы предполагает широкий простор для самореализации, творчества, поиска. Эмоционально-нравственный настрой, доверительные отношения, свободная импровизация содействуют сотворчеству учителя и учащихся.

Г.Н. Волков отмечает чрезвычайно важное значение *воспоминаний,* как первоисточников народной педагогики, одновременно и как этнопедагогического жанра воспоминаний о себе, родителях, учителях, друзьях, товарищах [46, 7]. Им в воспоминаниях прослеживаются глубокие корни духовно-нравственных связей поколений. Феномен воспоминаний в воспоминаниях трактуется ученым в контексте механизмов перехода коллективных воспоминаний в семейные предания, которые в свою очередь вспоминаются как святые воспоминания, согревающие душу.

Основываясь на выделенные положения, на уроках мы больше внимания обращаем на воспроизведение эпизодов из жизни, ситуаций, связанных с конкретным воспитательным влиянием народной педагогики на учащегося. Одно из воспоминаний Сергея Монгуша: «Каждый год бабушка с дедушкой ездили на аржаан (целебный источник) Улаатай, и я не отставал от них. Многому я научился у них: по приезду на аржаан, мы поднимались к самой его вершине, откуда из земли вытекала целебная вода, там все овеяно таинством: на деревьях и кустарниках развешены куски белой материи, около них лежат костыли, монеты. Дедушка объяснял, что люди, выздоровев, оставляли здесь костыли, они уже не нужны, но в знак благодарности хозяину аржаана оставляли или монеты, или то, от чего они освобождаются. На том месте мы совершали обряд подношения бескровной жертвы духам источника: бабушка брызгала чай с молоком в разные стороны и приговаривала: «Өршээ, Хайыракан, оран Таңдым бай байлаа, аржаан эртинем, аарыывыс экиртип, назынывыс узадып өршээп көр, чаңгыс-ла идегел сенде, өрү тейлеп, чажыым чажып, чалбарып тур мен, өршээ, Хайыракан» — «Өршээ, Бог мой, богатство земли, священная вода, помоги нам избавиться от болезней, продли нам жизнь, одна надежда только на тебя, оршээ, Хайыракан». Дедушка брызгал в стороны арагу (молочную водку) и тоже просил помочь духа тайги стать здоровыми. С тех пор я усвоил, как надо обращаться к аржаану, тайге, земле, их богатствам».

В условиях внеклассной работы, кроме массовых форм широко практикуется индивидуальная работа. Она используется для реализации разнообразных задач: привлечения учащихся к сбору фактического материала по национальному этикету путем изучения этнографической, исторической, этнопедагогической и этнопсихологической литературы, беседы со старшими уважаемыми и известными людьми, бабушками и дедушками, реферирование литературы и т. д. Принципиально важно, чтобы учитель вооружил учеников методиками выполнения заданий. По мере выполнения индивидуальных заданий преподаватель выявляет для себя уровень выполнения, и тех, кто отличается и проявляет интерес к проблеме. Так, от выполнения частичных индивидуальных заданий переходим к научно-исследовательской работе.

Основное в нашей работе было моделирование личности выпускника школы. Суммарная модель выпускника национаиль-ной школы получилась такая: в совершенстве знающий материнский язык, владеющий русским и английским языками; соблюдающий нравственный кодекс — этноэтикет, умеющий вести себя в обществе и уважающий традиции и обычаи других народов; знающий традиционные формы быта и ведения хозяйства; охраняющий природу и бережно относящийся к ее богатствам; владеющий средствами нравственного самосовершен-ствования и самовоспитания; разбирающийся в устном народном творчестве, народном искусстве, средствах физического совершенствования; интересующийся мировой культурой, ис-кусством и литературой; знающий историю рода, народа и отечества, эстетические и религиозные воззрения своего народа и уважающий религию других народов.

Ведущими формами учебной работы со старшеклассниками являются лекции, семинары и практикумы. Кроме этого широко используются: проблемное изложение темы урока, дискуссии, уроки-раздумья, этические беседы, педагогическая студия, рефераты по циклу произведений устного народного творчества: героическим сказаниям, бытовым сказкам, пословицам и поговоркам, обзорным по страницам периодической печати.

При изучении темы: «Этноэтикет как составная часть традиционной и общечеловеческой культуры» выдвигаются следующие проблемы:

1. В чем разница между традиционной этической культурой и общечеловеческой? Чем они разнятся и в чем их объединяющее начало?

2. Каково реальное функционирование этноэтикета? Какова идея возрождения национального этикета?

3. Какую функцию выполняет этикет вообще, в том числе и этноэтикет?

4. А почему мы изучаем этноэтикет, и какова его нравственная сущность?

Сформулировав проблемные вопросы, учитель строит все последующее изложение как поиск их решения, постепенно вовлекая в него старшеклассников. В единстве изложения и содержания важное место занимает раскрытие методов поиска решения поставленной проблемы. Даются понятия о национальном этикете как морального кодекса социальной группы, где выпукло показаны преемственность поколений, преемственность культур. Показываются, что традиции как важнейший элемент социокультурной преемственности и воплощение традиций в обычаях, обрядах, ритуалах и церемониях как эстетизированных и опредмеченных символах определенных идеалов, трансформировавшихся из прошлого в формах и действиях социальной регуляции, так и принятых в социальной группе являются ценностью этической культуры любого народа. Особенно важно подчеркнуть, что в этносоциуме жизнь регулируется традициями и обычаями, а этикет впрямую соотносится с последними, а ритуал и церемония рассматриваются как разновидности этикета. Первый как порядок обрядовых действий, последний — установленный торжественный обряд. Их перевод на тувинский язык, как, в каком смысле понимается этикет: «ужур» как составная часть традиций, связанная с общественной жизнью и несущая в себе воспитательные смыслы, как устойчивые правила, передававшиеся из поколения в поколение, они соблюдаются и регулируются социумом, отступление от них осуждается; «езулал» — «ритуал» — разновидность традиций, это воспроизведение «чаңчыл» — обычая, тоже разновидность традиций, выражение родовых, общинных предписаний и запретов.

Так мы показываем, что обычаи, обряд, ритуал и церемонии носят этикетные черты реализации и являются нравственными факторами становления человека. Ибо каждый из них в конкретной внутренней сущности объясняет нравственные идеалы поведения народа: скромность, нравственная чистота, взаимопомощь, взаимопонимание, гостеприимство, уважительность и почтительное отношение к старшим и женщине.

Содержание урока по теме: «Этноэтикет тувинцев», обогащается благопожеланиями, яркими сценами этикетных ситуаций, из устного народного творчества, при этом мы не забываем, что чрезмерное увлечение театрализацией не решит основной цели обучения. Показывая образцы, мы обязательно выясняем их нравственную сущность, как

воплощение высоконравственных представлений человека об окружающем мире, о себе и своей деятельности, как особый вид этической культуры.

Приведем пример студийного занятия «Речевой этикет тувинцев и нравственность».

Теоретический материал: понятие речевого этикета как предъявление нормы культуры поведения; нравственность как совокупность принципов и норм поведения, отношения людей друг к другу и к социуму, как степень гармонизации в сознании и поступках людей общечеловеческих ценностей, выступающих в виде норм поведения; сочетание нравственности и речевого поведения.

Методический материал: принципы речевого этикета тувинцев: сдержанность, скромность, уважение к собеседнику, толерантность (умение терпеливо выслушать мнение другого), функции речевого этикета: регуляция речевого поведения, социализация личности в этносоциуме; диалогичность ведения занятия — учитель больше спрашивает, чем сообщает.

Технологический материал: правило логического входа и выхода из речевой ситуации; правила обращения к родственникам, знакомым, незнакомым; правила использования изобразительно-выразительных средств речевого общения в зависимости от времени и года, половозрастных особенностей общающихся.

Такой исходный материал и послужил основанием для конструирования занятия на данную тему. Логика построения студии независима от данной опоры и подчинена закономерности восприятия и психологии общения. А содержательную сторону обеспечит именно выделенный выше материал.

Эффективность проведения студийных форм занятий зависит от уровня создания благоприятного психологического климата, доброжелательности, свободы, эмоциональности, открытости соучастия и индивидуальности суждений. Такой обстановке благоприятствует и соответствующий интерьер: размещение учащихся в классе полукругом, как в юрте, наличие необходимых атрибутов для непринужденной беседы: чай с молоком, боова-боорзак (печенье), ритуальная трубка.

Своеобразие такого занятия в том, что в нем сочетаются теория и практика, научное сведение и его практическое преломление во внутреннем мире учащегося. Первый этап урока: *пролог* — установление личных контактов и формирование установки на изучаемый предмет. Делалось это приветствием преподавателя всех с использованием речевых стереотипов приветствия, при этом предлагалось продолжить фразу: «Когда заходит в гости ... я ...», «Приветствую чабана...», «Приветствую занятого каким-нибудь делом...», «Приветствую косаря...», «Приветствую пожилого человека...», «Приветствую человека моложе меня...», «Приветствую своего ровесника...», «Приветствую учителя...», «Приветствую спортсменов...» и т.д. Таким образом создается ситуация доброжелательности взаимоотно-шений, обязательно участие каждого. Очень приятно ученику услышать свое имя, знать, что его заметили, расширяется круг общения. Следующий шаг, дать возможность каждому обратиться друг к другу по формуле: «Мне приятно сегодня с тобой поговорить о ...». Чтобы создать эмоциональный колорит, мы включаем запись горлового пения «каргыраа» ансамбля «Хүн-Хүртү», который даст стимул к ведению следующего этапа занятия — *этюд* — первый подступ к проблеме. Здесь необходимо высказать свое отношение к проблеме нравственности и этикета, заканчивая фразы: «Мне кажется, что в этой проблеме главным является...», «Какие нравственные качества человека я ценю при общении с ним...». *Рассуждения* подводят самих участников студии — «юрты» к научным выводам, которые помогает сделать учитель: выражение нравственности в этноэтикете тувинцев, нравственность как компонент духовности имеет свои исходные элементы — представления человека об общечеловеческих ценностях; переход знаний в убеждения и реализация в поступках: «Как положено и как поступаю». Из данной части занятия мы вывели формулы для благоприятного общения на основе речевого этноэтикета:

- умей проявлять доброжелательность и радушие, располагай к себе и вызывай аналогичную реакцию партнера, будь искренен и заинтересован в мыслях и делах собеседника;

- будь обходителен и любезен с ним, проявляй свою эмпатию, готовность сделать для собеседника больше, чем обязан в ситуации общения;

- будь тактичен, не замечай промахов, плохого настроения, резкости эмоций собеседника и выбирай положительную тактику действия;

- умей заботиться о партнере общения — выслушивай внимательно, терпеливо, помоги советом, предупреди желания;

- умей владеть вербальной и невербальной коммуникацией, вносящей в деловые отношения личностный смысл, вызывающей положительные эмоции, повышающей значимость взаимодействия и тем самым меняющей тональность и уровень контактов.

Эти правила помогут понимать ценность и уникальность человека, соблюдать простейшие нормы нравственности, признающиеся в народе, так как только нравственные нормы позволяют лучше ориентироваться в ситуации общения, по-могают в каждом конкретном случае учесть индивидуальные особенности ученика и выбрать оптимальную тактику взаимо-действия с ним.

Третий и центральный этап — *экспликация*. Он несет в себе научную информацию, развертывание теоретического материала, практические упражнения, обеспечивающие реализацию научно-педагогической идеи. В данном случае необходимо студийцам привести структуру речевого поведения тувинцев в виде логической схемы вход и выход из общения:

подготовка к общению (анализ этикетной ситуации: место и время, интерьер, мотивы, цели, задачи, формы, средства, этап, умения, уровень общения; ориентировка в партнере: возраст, пол, профессия, костюм, мимика, жесты, поза, действия);

проектирование предстоящего общения: выбор формулы приветствия, обращений, взаимных вопросов, стандартных тем бесед, перехода к деловой части разговора, прогнозирование результатов, выбор формулы прощания и выхода из общения, выбор тона, темпа, громкости речи, жестов, поз, мимики действий);

начало взаимодействия (приветствие, обращение, обмен взаимными вопросами, беседа по стандартным темам, переход к деловой части);

основная часть взаимодействия — решение деловой части проблемы (сообщение, удовлетворение просьбы, отказ и др., регулирование тона громкости голоса, мимики, жестов, поз, действия, дистанция);

выход из общения (благодарность, сожаление, приглашение, прощание, проводы и т.д.) — результаты общения (эмоциональное удовлетворение от общения, положительное решение деловой части, установившиеся (деловые) дружеские отношения).

Опираясь на данную последовательность речевой структуры, учащиеся импровизируют различные этикетные ситуации, показывая при этом эмоциональную насыщенность и нравственное содержание каждого этикетного эпизода.

Следующим этапом занятия является *коррекция* — короткая часть занятия, проводится несколько ролевых ситуаций, решение которых должно было бы показать нравственную оценку взаимодействия. Можно предложить следующие ситуации:

- охотник делит добычу между близкими и родными, но одному из них забыл выделить кусок;

- дальний родственник пришел пригласить на свадьбу своего сына дядю, но дома сидела одна повзрослевшая дочь;

- на лечебный источник пришли иностранцы.

Такого рода ситуации разыгрываются без предварительного анализа и решения, так, чтобы нравственное отношение к действию родилось экспромтом, к тому же можно показать в разных вариантах.

И последний заключительный этап — *рефлексия* — самооценка каждого участника, в том числе и преподавателя, оценивается работоспособность, содержание деятельности, психологическое состояние, результативность работы по образцу: «Мне сегодня удалось...»,

«Мне сегодня понравилось...», «Я сегодня разобрался...», «Я сегодня понял..., но можно было дополнить, или исправить...».

Обращение к речевому этноэтикету создает основу для формирования нравственных качеств и жизненно-необходимых умений и навыков. Он становится активной формой усвоения учащимися особенностей общения, ибо на примерах речевых стандартов школьник учится входить в непосредственный контакт с людьми старшего возраста, противоположного пола, с младшими, знакомыми и незнакомыми людьми, ориентируясь в различных ситуациях, приобретая опыт общения. В зависимости от этого опыта педагог принимает личность школьника, воспринимает окружающих, откликается на их поведение и состояние, выбирает по отношению к каждому способ общения.

Логическим продолжением описанного студийного занятия стало проведение занятия по теме: «Национальное своеобразие невербального общения и педагогическое общение». Целью данного занятия было: научить учащихся понимать невербальные средства общения, сформировать умения педагогически целесообразно применять в общении невербальные средства, обратить внимание на национальную специфику невербального общения.

Мы обратили внимание на:

взаимодействие речи и невербальных движений как основу общения — традиционного общения и особенностей современного речевого этикета;

- несловесные компоненты техники общения: мимика, пантомимика, контакт глаз, тон, темп, межличностное пространство (их определение и этнопедагогическое значение);

- проявление национальной специфики в невербальном общении учителя и ученика;

- психофизические упражнения на тренировку и опыт использования пантомимических средств общения; педагогический тренинг.

Главное при построении занятия — выделение педагогического общения, как системы организованного взаимодействия педагога и воспитуемых, содержанием которого является обмен информацией, осуществление воспитательных воздействий, организация взаимоотношений с помощью коммуникативных средств с обращением на национальное своеобразие невербального общения.

Таким образом, студийные формы занятий расцениваются, как эффективная форма нравственного воспитания учащихся на традициях тувинского этикета и могут быть успешно использованы и внедрены в школе.

Другой наиболее важной формой подготовки в процессе изучения спецкурса стало проведение деловых игр. Интересно и содержательно проходила ролевая игра «Дой» — импровизация «Пира» по случаю рождения ребенка. Учащиеся распределяли между собой роли отца, матери, дедушки, бабушки, дяди, тети, братьев, сестер и других гостей в форме «Выбор роли»: каждому поочередно давали характеристику как бы участника праздника, давая ему/ей положительные качества. Например, Омак — отец, у него сильно развито чувство ответственности за свою семью, родственников, готов помочь в любую минуту каждому, или Солун-оол — старший почетный гость, дядя по линии матери, он хорошо знает народную мудрость и древние традиции, или Чечен — мать, она добра, ласкова и любит детей.

Перед началом были заслушаны выступления о воспитательном значении обрядов, связанных с возрастной инициацией и праздников, связанных с ними этикетных нормах. Важно было при проведении не только сама импровизация сцены, а это самое большое театрализованное представление, дающее возможность приобрести умение соблюдать этноэтикет, этнопедагогическое значение праздника: праздник по случаю появления на свет продолжателя рода — нити, связывающей предков и потомков — показ непрерывной связи поколений. Тут целая система этикетных правил: приглашение гостей, рассаживание в юрте, поочередность благопожеланий, застольный этикет. Произнесение благопожелания было самым ответственным моментом, студенты проявляли находчивость, экспромтом сочиняли, читали наизусть. Приведем пример одного из благопожеланий:

Торлаа дег өнер болзун!

Торгу дег каас болзун!
Хыныыр болбазын,
Хымышка паштанмазын!
Эдержири көвей болзун,
Эзертээни мөңгүн болзун!
Кылган үүлези бүдер болзун,
Кирген чонунга суксуннуг болзун!
Улугну улуг деп хүндүлээр,
Уругну уруг деп чассыдар
Чылыг баарлыг,
Чымчак сеткилдиг болзун!
Уруг-дарыы көвей, улуг өлчей-кежиктиг,
Узун назынныг болзун! Курай, курай, курай!
(Привела *Монгуш Солангы*)

В простой, звучащей в обыденной речи, истине, содержится жизненная программа будущего человека: «Пусть будет много друзей как дятел, красивым как шелк, нескупым, дружелюбным, трудолюбивым, гостеприимным и почтительным к старшим, благодушным и мягким, да пусть много будет детей, пусть будет счастливым и долгожителем! Курай, курай, курай!»

Для активизации самостоятельной работы учащихся над этикетом, наряду с фронтальной формой организации работы нами проводились групповые занятия (в гимназии № 9 г. Кызыла учатся дети из разных районов республики). В нашем опыте работы оправдали себя группы учащихся из двух-трех человек, приехавших из одного кожууна (района). Работа шла по теме: «Культ родины». Каждая группа имела индивидуальное занятие по подбору фактического материала о почитании родовых гор, целебных источников, рек, оваа. В свободной форме учащиеся вели себя более раскованно и артистически исполняли благопожелания, народные песни о своих родных местах, рассказывали об обычаях своего рода. Говорили об атрибутах религиозного значения: тос-аржаан (святой воде из девяти разных составов); тос-карак (ритуальной ложке с девятью углублениями), которым брызгают в разные стороны, молоком, чаем с молоком, молочным вином. Особое внимание уделяется традиционному отношению к арага, которое является символическим напитком проведения различных обрядов, связанных с рождением, свадьбой и уходом человека в мир «иной», что его пьют только в определенном народом возрасте, когда человек не только твердо «стоит на ногах», но и может передать свой жизненный опыт молодым.

Учащиеся, дополняя друг друга, рассказывают о «девяти сүзүк» (девяти святых молениях), проходивших по разным случаям моления:

- утренний чай с молоком хозяйка брызгает восходящему солнцу; мужчина в пути первый заваренный чай тоже брызгает солнцу, при этом оба читают благопожелание;

- если утреннему солнцу брызгают каждый день, то луне — один раз в месяц, в новолуние;
- мужчина обязательно должен в своей жизни побывать на истоке реки и окропить чаем или вином источник;
- небу посылают свою молитву не каждый день: в непогоду в сторону неба брызгают молоко, чтобы оно не посылало на землю грозу;
- отправляясь в путь, тувинец обязательно брызгает в сторону родовых гор чай, прося благополучия в пути;
- отправляясь за ягодами или на охоту, брызгали в сторону леса и тайги;
- когда идут сильные дожди или снег, молились Вселенной, причитая;
- в новолуние тувинец обязательно обходил свою юрту в сторону солнца три раза, окроплял утренним чаем; юрту окуривали дымом артыша, чтобы все были здоровы и не болели;

- на своей родной земле тувинец совершал обряд преклонения родовым местам.

Эти все этикетные ситуации моления существуют и в наше время и почитаются тувинцами.

Занятие завершали произношением благопожелания. На этом работа не заканчивается, и учащиеся по группам продолжают собирать материалы при самостоятельном изучении этикета и создают копилку народной экологической кладези, собирая ее для будущей своей работы.

Ряд заданий разной степени сложности был направлен на развитие умения слушать и говорить, выслушивать и понять, выразить и передать различного рода информацию. С этой целью мы применяли различные дискуссионные методы: дискуссии, диспуты, этические беседы, конференции, ролевые игры и другие.

«Пресс-конференция» — суть этой игры заключается в следующем: поочередно каждый участник выступает в роли педагога, директора школы, родителя, ученика и т.д., и в течение пяти минут отвечает на вопросы «журналистов» на тему этноэтикета.

Игра обязательно анализируется детально, где участники отходили от намеченной темы, вопросов, ответов; рассматривалось эмоциональное состояние отвечающего и управление этим процессом, его умение держать себя перед публикой по заранее известным правилам:

- начни с цели своего выступления;
- кратко остановись на последовательности изложения;
- привлеки внимание слушателей, установи с ними контакт;
- заключение: личное отношение выступающего к содержанию, высказываются пожелания, призывы к дальнейшим действиям.

При обсуждении обращается внимание на мимику, жесты, интонацию, патомимику, особенности саморегуляции психического состояния участников. Здесь обязательна рефлексия.

Самой сложной задачей для учащихся и для учителей оказалось определение своих лучших качеств, развитых умений, достоинств по сравнению с определением своих недостатков. Здесь при объяснении этого явления, видимо, надо указать на социоэтническую особенность: тувинцев с детства приучают при обращении быть сдержанными и скромными в выражении своих достоинств, лучших качеств, не одобряется самохарактеристика— все это считается проявлением хвастовства («менээргенмес», «улуургавас»). При этом не принято говорить о лучших качествах человека в его присутствии, зато в отсутствие человека употребляются оригинальные формы похвал. Это объясняется большой ответственностью за свои поступки, поведение с малых лет, заботой о семейной, родовой чести. Это отражается на самооценке и процессе познания самого себя. Поэтому, когда идет рефлексия, мы особо подчеркивали значение самоанализа для самосовершенствования личности учащегося.

Таким образом, в процессе студийных занятий раскрываются не только способы и оптимальные пути организации общения со школьниками, но и способы работы над собой, создаются условия для самоанализа, анализа своей педагогической деятельности.

С учетом основной проблемы нашего исследования, мы избрали для спецкурса такие методы, которые формируют систему нравственных представлений, понятий и оценок. Традиционно эти методы называются методами убеждения.

Убеждения — это устойчивые мотивы поведения. Функции этого метода заключаются отнюдь не только в объяснении тех или иных моральных требований, фактов и представлений. Она гораздо сложнее — сформировать нравственные моральные оценки, моральные суждения. В нашей работе эти методы представляются в следующей последовательности: этические беседы и лекции, диспуты на этические темы, «круглый стол». В процессе этой работы мы использовали приемы: информацию, разъяснение, внушение, требование, одобрение и др. Овладение системой методов создает возможность

выработать у учащихся навыки правильной самооценки, помогает в самовоспитании и самоусовершенствовании.

Главная функция этих методов для нравственного формирования личности состоит в том, что они способствуют овладению системой нравственных принципов, содействуют расширению у учащихся нравственного и социального опыта, подводят их к осознанию своего поведения и своих намерений, укреплению у них нравственных мотивов и превращению их в осознанную и прочную линию поведения.

Этическая беседа — метод привлечения учащихся для обсуждения и анализа поступков и выработок нравственных оценок. Они проводятся в разных формах: при обсуждении материалов периодической печати, разбора конкретного поступка, при анализе национального этикета, ситуации, случая. Цель этической беседы — вызвать у учащихся переживание нравственных чувств, привлечь их внимание к некоторым фактам нравственного поведения и составить правильное о них представление.

Приведем пример этической беседы на тему: «Доброта, в чем она проявляется?».

В качестве примеров вопросов, предлагавшихся учащимся для обсуждения, приведем следующие:

- «Чтобы делать добро, надо прежде всего им обладать», — говорил Аристотель. Согласны ли вы с этим? Проанализируйте свои поступки и свое отношение к людям и сделайте вывод: обладаете ли вы добром? В чем оно проявляется?
- Как вы думаете: откуда появляется у людей жестокость, черствость, бездушие к другим? Где искать истоки этих отрицательных качеств?
- Что необходимо делать сегодня, чтобы вернуть добро людям, чтобы каждый человек чувствовал рядом другого человека, чтобы это стало потребностью?
- Поразмыслите над высказыванием В.А. Сухомлинского: «Добрые чувства, эмоциональная культура — это средоточие человечности. Если добрые чувства не воспитаны в детстве, их никогда не воспитаешь, потому что это подлинно человеческое утверждается в душе одновременно с познанием первых и важнейших истин, одновременно с переживанием и чувствованием тончайших оттенков родного слова. В детстве человек должен пройти эмоциональную школу — школу воспитания добрых чувств».

В.Соловьева: «Смысл жизни заключается в ее добре... Всемирный смысл жизни, или внутренняя связь отдельных единиц с великим целым, не может быть выдумана нами, она дана нам от века. От века даны твердыни и устои жизни: семья, живым, личным отношением связывающая наше настоящее с прошедшим и с будущим; отечество, расширяющее нашу душу содержанием души народной с ее славными преданиями и упованиями; наконец, Церковь, окончательно избавляющая нас от всякой паскоты, связывая и личную, и национальную жизнь с тем, что вечно и безусловно».

Перед этической беседой проводится минипрактикум: продолжить недописанное предложение: «Доброта — это...», «Добрый человек — это...».

В процессе развертывания темы этической беседы, учащиеся правильно и однозначно отметили: истоки жестокости и черствости надо искать в самом себе. Надо постоянно анализировать свои поступки, работать над собой: сравнивая себя с другими, наблюдая над собой, рефлексируя (познавая свой внутренний мир, собственные переживания, размышляя о себе). А добро-творящим фактором, стимулом, вечным ориентиром в этом является народная мудрость о моральной чистоте, доблести, добродетели. Добродетельный человек определяется через то, что человек хочет, может и делает для других людей, то есть через его добродетели, значит добродетель — сущностная характеристика личности делать добро — добродеятель. А как делать добро — искусство сложное, объединяющее в себе: мотивацию, способности и навыки. Народ превыше всего ценит добрые намерения, добрые мысли и светлый ум.

Диспуты на этические темы близки к этической беседе. Но в отличие от нее на диспуте подвергаются обсуждению не отдельные факты поведения, а большие нравственные проблемы, нравственные понятия с целью сформировать систему нравственных ценностей,

принципов и обобщений. Диспут — наиболее ценный метод работы со студентами, так как он отвечает важным потребностям учителя, который готовит себя к работе со старшеклассниками, который поможет их размышлениям о смысле жизни, стремлениям найти этот смысл для себя. Да и с точки зрения развития речи, мышления — это наиболее эффективный метод.

Другим важным направлением работы по формированию у учащихся нравственного идеала, потребности в самопознании, самосовершенствовании, стало ознакомление с техникой и приемами самовоспитания. Мы считаем, что правильное представление о самом себе, своих личностных особенностях, способностях, отношениях с другими людьми и на этой основе плодотворное самосовершенствование необходимо каждому человеку.

Школьники приобретают широкие возможности выбора соответствующих их личностным особенностям средств и форм взаимоотношений, соответствующих нравственному идеалу совершенного человека, осмысливают основные категории принципы этикета; учатся определять место и роль этноэтикета в системе традиционной педагогической культуры воспитания; выделяют общечеловеческие и национальные духовно-этические ценности.

На наш взгляд, удачным средством нравственного воспитания учащихся на этноэтикете и вместе с тем их подготовки к семейной жизни является юрта, где возможно проведение уроков, внеклассных мероприятий по этноэтикету. Именно такая возможность создана в гимназии № 9. И еще одно благоприят-ствующее условие: в рекреациях, в коридорах, классных ком-натах виды родной природы, полотна художников республики, отражающие жизнь и быт народа, в интерьер школьного здания, оформленного в национальном стиле естественно вписываются изречения и афоризмы, впитавшие народную мудрость, моральные заповеди буддизма, речевые стандарты поведения и т.д., что создает атмосферу влияния на духовно-нравственную сферу личности, как школьников, так и родителей.

Юрта-музей в традиционном своем оформлении с ее необходимой домашней утварью, атрибутами, которые необходимы каждой тувинской семье, с ее пространственной спецификой расположения как самой юрты, так и предметов домашней обстановки, одновременно является и средством познания древнего философского учения о юрте как модели Вселенной, но и формой приобщения к тайнам этической культуры народа. Через нее формируется социально-развитая, духовно-богатая личность с высокими нравственными качествами, умеющая жить интересами людей, заботами об окружающих, чутко относящаяся к старшему поколению, женщине-матери, знающая и соблюдающая нормы и правила, предписанные социумом, полностью освобожденная от таких вредных сторон поведения как сквернословие, правонарушение, воровство и др.

В юрте под руководством учителя тувинского языка и литературы, заслуженного работника образования Республики Тыва Светланы Чоодуевны Шулуу-Маадыр и методиста народной педагогики, почетного работника общего образования Российской Федерации Анны Кыдат-ооловны Ооржак учащиеся передают основы аального этикета младшим, объясняют нравственные правила гостеприимства, рассаживания гостей в юрте; проводят этические беседы, проникая в глубины нравственных предписаний народа. Наши занятия также часто проходили в этой юрте.

Таким образом, на опыте указанных школ можно увидеть, что этнопедагогизация учебно-воспитательного процесса средствами формирования отношения учащихся к национальным духовным ценностям также часто фольклору, труду, традициям, этноэтикету протекает успешно при умелом их подборе и анализе сущностных этических возможностей влияния на растущего человека. Учителя творчески относятся к работе, привлекая в учебно-воспитательный процесс родителей, писателей, ученых, религиозных служителей. В таком случае этнопедагогизация выступает как средство и фактор решения социально-педа-гогических проблем, в частности, развития национального самосознания личности и этноса. Все это еще раз подтверждает актуальность нашей проблемы, когда включение национального компонента, призванного быть стержневым в структуре

личности, приводит к духовно-нравственному совершенствованию учащихся в условиях поиска духовно-нравственных ценностей.

Подводя итог всему сказанному, следует заметить, что в рамках изучения уроков нравственности можно моделировать содержание духовно-нравственного воспитания учащихся, апробировать его формы и методы, чтобы реализовать основную цель воспитания гражданина России, использовать их в процессе работы в школе.

Достижению всего этого способствует этнопедагогизация учебно-воспитательного процесса: включенность этноэтикета в систему изучения уроков народоведения «Улусчу ужурлар», целенаправленной внеклассной работы, уроков нравственности «Нравственность и народный этикет»; разработанность содержания нравственного совершенствования личности школьника на традициях народного этикета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование установило, что этнопеда-гогическое наследие тувинского народа представляет собой систему прогрессивных идей и опыта духовно-нравственного, трудового, умственного, эстетического, физического воспитания и хранит в себе все богатство общечеловеческих ценностей. Оно структурировалась под влиянием стратегии жизнедеятельности кочевых народов и сформировало свою уникальную идею воспитания настоящего человека. Благодаря связи между поколениями традиционная педагогическая культура тувинцев имеет возможность самосохраниться, самовоспроизводиться и само-регулироваться.

В этнопедагогике тувинского народа отражена эволюция народных представлений о воспитании с древнейших времен до наших дней. В них зафиксированы идеи, достижения, уходящие в глубь веков. Внимание к этнопедагогике тувинского народа является существенным фактором жизнеспособности народа, так как способствует развитию самосознания этноса в целом.

Есть все основания подтвердить жизненность этнопедагоги-ческих воззрений народа о раннем разностороннем воспитании, природосообразности методов и средств, о примере родителей и предков, о народных этических представлениях, создающих целый пласт этнической картины мира. В этнопедагогике тувинцев представлены сущностные характеристики этнопеда-гогической культуры всех народов мира. Это и *естественность* воспитания, как создание условий для свободного развития ребенка, и природосообразность, под которой понимается построение стратегии воспитания согласно закономерностей природных явлений и потребностей самого человека, и *пре-емственность,* предполагающая перманентность и непрерыв-ность педагогического процесса в рамках этнической культуры, и *иерархизированность* воспитательных воздействий, отно-шений, исходящая из поучительных для подрастающих поко-лений эпизода и ситуации, и *инвентаризуемость*, заклю-чающаяся в прослеживании и тщательном отборе ключевых моментов, средств, форм и методов воспитания, и *импро-визируемость,* представляющая быстроту и спонтанность педагогических решений, возможность мгновенного научения, и *синкретичность,* включающая такие элементы духовной и материальной культуры, которые способствуют духовному обогащению новых поколений и соединяют важнейшие до-стижения человеческой культуры — науки, этики, философии, искусства, и *действенность,* проявляющаяся в выдвижении идеала совершенного человека, в выборе и отработке средств его достижения, выявляющаяся через связь традиционной куль-туры с жизнью, с целью духовно-нравственного воспитания детей и молодежи.

Педагогические идеи народа — это результат духовной жизни, в котором отражено своеобразие общественных, социально-экономических, социокультурных и природно-климатических условий его бытия. Объективные условия, в которых исторически

складывалась судьба народа, формируют миросозерцание, миропонимание, ценностные ориентации, черты характера, которые в значительной степени составляют содержание его традиционной педагогической культуры. Традиции, обычаи, выступая в виде норм, правил, идеалов задают определенные алгоритмы поведения в социуме и создают благоприятную основу для развития и социализации растущего человека.

Чрезвычайно актуально аналитическое представление этнической картины мира тувинского народа, его ценностных ориентаций, норм поведения с точки зрения их значимости в нравственном воспитании, так как именно они определяют цель и содержание формирования человека культуры.

Концепция народности воспитания заключает в себе путь подготовки учащихся к изменяющимся условиям, успешной его адаптации в общероссийское и мировое пространство, что возможно лишь при объективном анализе современного социокультурного состояния этноса, являющегося отражением исторического опыта, социальных, духовных и экономических проблем, которые предстоит решать народу в будущем.

Формирование личности проходит через усвоение ею ценностей этнической культуры, и личностно ориентированный подход в современном образовании невозможно реализовать без этнокультурологического содержания и эффективных педагогических технологий, этнической дидактики. Важнейшими являются включение в действие и направление на максимальное развитие у ребенка глубинных процессов, генетически связанных с особенностями психологии народа и выведением этих поцессов на современный уровень. Это обеспечивает развитие в ребенке уверенности в своих способностях, возрождение национального самосознания, ответственного за сохранение и развитие родной культурной традиции. Такая этническая идентичность, как условие целостности и саморазвития личности, ведет к интеграции в общероссийскую и мировую культуру.

При осуществлении нравственного воспитания учащихся мы определили содержание, формы и методы, выяснили сущность нравственного воспитания в изменившейся социокультурной среде, разработали научные основы использования этноэтикета в практике работы национальных школ Республики Тыва. Мы подтвердили возможность использования традиционного этикета в нравственном воспитании школьников, его положительное влияние на процесс становления личности в условиях изменения ценностных ориентаций общества и жизненность народной этической культуры. При анализе теоретико-методологического аспекта использования этноэтикета, как нравственного кодекса, нам удалось выяснить, что этноэтикету в современных условиях стали уделять достаточно широкое внимание, но изучение его носит во многих случаях описательно-констатирующий характер, не дает исчерпывающего ответа на насущные вопросы практики воспитания и обучения. Поиск источников нравственного воспитания личности привел нас к осмыслению нравственных воззрений, идей о совершенном человеке, устойчивых правил и норм поведения человека — народного этикета, провозглашаемых этнической педагогикой.

В условиях формирования концепции духовно-нравственного воспитания этнопедагогизация учебно-педагогического процесса выступает сегодня в качестве цивилизационного способа воздействия на изменение самосознания личности и группы (этноса, народа), изменение в целях возвращения их менталитета в русло нормального, веками формирующегося, закономерного процесса развития национального самосознания. Самосохранение народа, сохранение его самобытности, взаимообогащение культур, сохранение этических культурных ценностей будет способствовать нравственному становлению молодого поколения и выступает составным компонентом содержания российского образования. Данное обстоятельство усиливает актуальность исследуемой проблемы.

Особое значение в нравственном воспитании учащихся, как мы показали в монографии, играют уроки народоведения и уроки нравственности «Нравственность и народный этикет», которые были экспериментально проверены в практике работы образовательных учреждений Республики Тыва. Они оправдали свою насущностную потребность и необходимость в формировании человека культуры — носителя,

преобразователя и творца своей родной, общероссийской и мировой культуры, как многокультурного человека. А единственным механизмом указанного процесса является только этнопедагогизация системы российского образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенные в 1881 г. // Записки Русского географического общества. Т.Х I,Спб.,1888. - 381 с.
2. Адрианов А.В. Шагаа (Сойотский Новый год): Этнографический очерк из Урянхайской жизни. Репринт. изд. 1917 г. - Кызыл.: "Новости Тувы", 1993. - 32 с.
3. Анисимов С.Ф. Мораль и поведение. - М.: Мысль, 1985. - 155 с.
4. Анисов М.И. Некоторые вопросы народной педагогики в тувинских пословицах и поговорках // В сб. уч-но-методич. статей: В помощь учителю. - Кызыл.: Тув. кн. изд-во, 1968. - С. 178-201.
5. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. -Новосибирск, 1982. - 339 с.
6. Арсалиев Ш.М-Х. Использование произведений национальной культуры в подготовке учителей начальных классов: Дисс. ... канд. пед. наук. - М., 1992.
7. Арутюнян В.Х. Идеи воспитания в армянских сказках. - Ереван, 1962.
8. Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. - Якутск, 1966.
9. Афанасьев В.Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. - Якутск: Якутиздат, 1979. - 184 с.
10. Ачыты Кезер-Мерген. - Кызыл: ТНУЧ, - 1995. - 126 а. Сказание о благородном Кезер-Мергене, владыке десяти стран света, победителе темных сил.
11. Ашхаруа Э.Р. Подготовка будущих учителей к нравственному воспитанию учащихся: Дисс. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. - М., 1991. - 136 с.
12. Бакштановский В.И. Культура нравственного сознания и поведения личности / Под ред. В.И. Бакштановского. - М.: Знание, 1979. - 64 с.
13. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. - Л.: Наука. Лен. отд., 1990. - 166 с.
14. Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. - М., 1966. — С. 16.
15. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. - Нальчик.: Эльбрус, - 1978, - 159 с.
16. Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. - Нальчик.: Эльбрус, 1983. - 229 с.
17. Бережнова Л.Н., Набок И.Л., Щеглов В.И. Этнопе-дагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М., 2007. - 240 с.
18. Белинский В. Г. Собран. соч. в. 3-х ТТ.- М.: Изд. худ. лит.,- 1948. Т. I. — С.42.
19. Белинский В. Г. Собран. соч. в. 3-х ТТ.- М.: Изд. худ. лит.,- 1948. Т. 2. - 924 с.
20. Беловолова С.П. Этнопедагогическая культура алтайцев: Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 — М., 2001. — 34 с.
21. Бешимов Ж. Народные традиции в нравственном воспитании школьников старших классов (на материале Киргизии). Дисс. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. - М., 1974. - 163 с.
22. Бичелдей К.А. Тыва дыл болгаш чугаа культуразы. - Кызыл.: ТНУЧ, 1993. - 102 с. (Тувинский язык и культура речи).
23. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. - М., 1978. - 310 с.
24. Бондаревская Е.В. Культурологическая концепция личностно ориентированного образования. - Ростов н/Д.: Рост. ГПУ, 1999. - 255 с.
25. Бороноев А.О., Павленко В. Н. Этническая психология. - Спб: РИО Санкт-Петербургского ун-та, 1994. - 168 с.

26. Блонский П.П. Избранные психологические произведения. - М.: Просвещение, 1964. - 542 с.

27. Будегечиева Т.Б. Художественное наследие тувинцев. - М., 1995. - 152 с.

28. Бугаева А. Л. Прогрессивные идеи и опыт народной педагогики в нравственном воспитании младших школьников: (На материале нац. шк. народностей Крайнего Севера): Автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Казань, 1987. - 18 с.

29. Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Человечество - это народы. - М.: Мысль, 1990. - 391 с.

30. Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Ист. этногр. очерки. - М.: Изд. Вост. лит., 1961. - 218 с.

31. Вайнштейн С. И. К истории ранних форм семейно-брачных отношений (ойтулааш у тувинцев) // Сов. этнография, 1964, № 2. С. 123-125.

32. Вайнштейн С.И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. - М., 1969.

33. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии / АН СССР Ин-т этнологии и антропологии им Н. И. Миклухо-Маклая. Тув. НИИЯЛИ. - М.: Наука, 1992. - 294 с.

34. Вентцель К.Н. Основные задачи нравственного воспитания. - М., 1896. - 47 с.

35. Вентцель К. Н. Этика и педагогика творческой личности (Проблемы нравственного воспитания в свете истории свободного воспитания). - М., 1911 - 1912. - 666 с.

36. Виноградов Г. С. Народная педагогика: отрывки и наброски. - Иркутск: Изд. Вост-Сиб. отд. Рус. геогр. общества, 1926.- 30 с.

37. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашского народа. - Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1966. - 341 с.

38. Волков Г.Н. Трудовые традиции чувашского народа. - Чебоксары, 1970. - С.15.

39. Волков Г.Н. Этнопедагогика. - Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1974. - 374 с.

40. Волков Г.Н. Созвездия земли: Сборник / Г. Волков. - Чебоксары: Чувашское книжн. изд., 1976. - 448 с.

41. Волков Г.Н. Нравственное воспитание учащихся IV - VIII классов сельской национальной школы: Пособие для учителя / НИИ нац. школ. - М.: НИИ нац школ, 1986. - 105 с.

42. Волков Г.Н. Прогнозируя развитие личности // Сов. педагогика, 1989, № 12, С. 116 - 118.

43. Волков Г. Н. Педагогика жизни. - Чебоксары: Чувашское книжн. изд., 1989. - 331 с.

44. Волков Г.Н. Традиционная культура воспитания в подготовке учителя // Пути совершенствования подготовки пед. кадров: Материалы Республиканской научно-практической конфер. - Чебоксары, 1990. - С.20-23.

45. Волков Г.Н. Обыкновенное дело педагога: Воспоминания. Размышления. Уроки прожитого. - Чебоксары: Чувашское книжн. изд., 1993. - 334 с.

46. Волков Г.Н. Программа по народной педагогике: Для педагогических и этнопедагогических классов, педагогических училищ, лицеев, колледжей. - М., 1995. - 28 с.

47. Волков Г.Н. Педагогика любви // Избр. пед. соч.: в 2 т. - М., 2002.

48 Волченко Л.Б. Гуманность, деликатность, вежливость, этикет. - М.: МГУ, 1992. - 115 с.

49. Вундт В.М. Этика. Исследование фактов и законов нравственной жизни. Пер. с нем. Т I - 1887 - 284 с., Т II - 1888 - 284 - 452 с.- СПб // Журнал “Русское богатство”, 1887 - 1888.

50. Вундт В. М. Проблемы психологии народов. Перев. прив-доц. Мос. ун-та И. Самсонова. - М.: Космос, 1912. - 132 с.

51. Выготский Л. С. Проблема возраста // Собр. соч. - М.: Педагогика, 1984. - т. 4. - 432 с.

52. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В. В. Давыдова. - М.: Педагогика, 1991. - 480 с.
53. Гашимов А.Ш. Азербайджанская народная педагогика . - Баку, 1970.
54. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. - М., 1998.
55. Горощенко К. Сойоты. Русский антропологический журнал. - М., 1901, №2. С. 65-66.
56. Горький М.А. О литературе. - М.,1953, С.48.
57. Гребнев Л.В. О народности тувинского героического эпоса.// Ученые записки. № V, 1957.- С. 159-177.
58. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край /Сост.Г. Е. Грумм-Гржимайло. Т 1-3.- СПб.- 1914-1926.
59. Гумилев Л.Н.Этногенез и биосфера земли. — Л., 1990.
60. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. - М., 2008. — 384 с.
61. Гурин В. Е. Формирование нравственного сознания и поведения старшеклассников. - М.: Педагогика, 1988.- 136 с.
62. Гуртуева М.Б. Идеи воспитания в балкарском фольклоре и их отражение в практической деятельности народа - Баку, 1969.
63. Даржа В.К. Лошадь в традиционной культуре тувинцев-кочевников. - Кызыл, 2003. — 184 с.
64. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах, т I. Изд. 8-ое. - М.: Русский язык. - 1989.- 699 с.
65. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Духовно-нравственное воспитание российских школьников // Педагогика. - 2009. - №4. — С. 55-64.
66. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. — М., 1999.
67. Дробницкий О. Г. Понятие морали.- М.: Наука, 1974.- 276 с.
68. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX - начало XXвв) М., 1956. - С.199.
69. Дьяконова В.П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке / В кн. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири Севера. СБ. МАЭ. - Л., 1977. - Вып. 33.
70. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. - М.: Наука, 1988. - 195 с.
71. Из странствий по урянхайской земле (Дневник А.В.Потаниной) Экспедиция, 1879 г. В кн. «Сибирский сборник» / Под редакцией Н.М.Ядринцева. Книга II. Сибирь, 1892. - С. 51.
72. Измайлов А. Э. Народная педагогика: педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана. - М.: Педагогика, 1991. - 252 с
73. Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. - Сухуми: Алашара, 1984. - 190 с.
74. История Тувы. - Новосибирск, 1964. - Т.I. - С. 113.
75. История Тувы. - Новосибирск: Наука, 2001. - Т. I. - 364 с.
76. История Тувы. - Новосибирск, 1964. - Т.II. - 450 с.
77. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. - М., Главн. ред. Вост. лит. Изд. Наука,-1985.-264 с.
78. Кан-Калик В. А., Никандров Н. Д. Педагогическое творчество. - М.: Педагогика, 1990. - 140 с.
79. Каптерев П. Ф. Избранные пед. соч. - М., 1982. - 703 с.
80. Каррутерс Д. Неведомая Монголия. т1. Пб., 1914.-235 с.
81. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка. - Казань, 1903.
82. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная этическая культура тувинцев. - Кызыл, 2006. - 231 с.
83. Колесова А. В. Нравственная ценность этикета: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09. 00. 05./ МГУ. - М., 1995. - 28 с.

84. Кон И. С. Этико-психологический очерк. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Политиздат, 1987. - 348 с.
85. Кон И. С. Ребенок и общество. - М., 2003. - 270 с.
86. Кон Ф.Я. За пятьдесят лет: Экспедиция в Сойотию // Соб. соч. - 1934. Т Ш. - 293 с.
87. Концепция воспитания человека культуры в образовательных учреждениях Республики Тыва /А.С.Шаалы, Г.Д.Сун-дуй, К.Б.Салчак - Кызыл: РПО «Билиг», 2004. - 21 с.
88. Крупская Н.К. Об искусстве и литературе. - М., 1963.
89. Кужугет А.К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. - Кемерово: КемГУКИ, 2006. - 320 с.
90. Кукушкин В.С. Этнопедагогика. - М., 2002.
91. Култегин: Бурунгу түрк бижиктиң тураскаалдары. - Памятники Древней тюркской письменности. - Кызыл: ТНУЧ, 1993. - 60 с.
92. Культура тувинцев: Традиция и современность / ТНИИЯЛИ; Отв. ред. Ю. Л. Аранчын. - Кызыл, 1988.- 151 с.
93. Курбатский Г. Н. Тувинские праздники: Истори-ко-этнографический очерк. - Кызыл, 1974. - 263 с.
94. Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре. - Кызыл, 2001. - 464 с.
95. Куулар Д.С. Развитие тувинской поэзии: Дисс. ... канд. филол. наук. - М., - 1969. - 277 с.
96. Кыргыс З. К. Тыва улустуң алгыш-йөрээлдери. - Кызыл: ТНУЧ, 1990. - 140 а. (Тувинские благопожелания и благословия).
97. Лафарг Поль. Очерки из истории культуры. - М.,1926. - С.53
98. Летурно Ш. Эволюция воспитания у различных человеческих рас. - М., 1900.

99. Липец Р. С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе / В кн: Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. - 271 с. - С. 212 - 237.
100. Макаренко А. С. Методы воспитания. - Собр. соч. т. 5. - М.: Изд. АПН РСФСР, 1957. - С. 109 — 190, Т.IV - С.62.
101. Маннай-оол М.Х. Тувинцы: происхождение и формирование этноса. — Новосибирск, 2004. — 165 с.
102. Марьенко И. С. Нравственное становление личности школьника. - М.: Педагогика, 1985. - 103 с.
103. Матис В.И. Педагогика межнационального общения: Учеб. для студентов вузов. — Барнаул: БГПУ, 2003. — 328 с.
104. Медынский Е.Н. История педагогики. — М., 1947.
105. Мид Маргарет. Культура и мир детства: Избр. произв. / Сост. И. С. Кон. - М., 1988.
106. Монгуш М. В. Основы тувинского этикета // Башкы, 1993.- №3. - С. 54-66.
107. Монгуш М.В. Тувинцы России, Монголии и Китая: Этнические и этнокультурные процессы, современная иден-тичность: дис. ... д-ра. ист. наук. - М., 2005. - 360 с.
108. Моральная оценка поведения школьника: (Пособие для воспитателя и студента-практиканта). - Тирасполь: РИО ПГКУ, 1993. - 114с.
109. Мудрик А.В. Общение как фактор воспитания школьников. - М.: Педагогика, 1984. - 111 с.
110. Мудрик А. В. Время поисков и решений, или старшеклассникам о них самих. - М.: Просвещение, 1990. - 189 с.
111. Мудрик А.В. Социализация и «смутное время». - М.: Знание, 1991. - 78 с.
112. Мудрость народа: тувинские пословицы и поговорки. - Кызыл: Тув. кн- изд., 1976. - 78 с.
113. Мукаева О.Д. Мудрость и духовность народной педагогики: Избр. соч. по этнопедагогике калмыков. - Элиста: Джангар, 1995. - 155с.

114. Мунзук Т. Т. Прогрессивные идеи и опыт тувинской народной педагогики и их использование в семейном воспитании: Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. - Казань, 1990.

115. Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: Наука, 1977. - 352 с.

116. Нравственные проблемы развития личности / Под ред. А. И. Титаренко.- М., 1983. - 144 с.

117. Ожегов С. И. Словарь русского языка. - 16 - е изд. - М.: Русский язык. - 1989. - 699 с.

118. Ондар О.Ч. Начальная подготовка борцов вольного стиля на основе приемов национальных видов борьбы (на примере борьбы хуреш): Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.04. - М., 1985. - 18 с.

119. Ондар Т.А. Психологические функции шаманизма в современных социальных и политических процессах: Дисс. ... канд. психол. наук: 19. 00. 12, 19.00.05 - М., 1998. - 134 с.

120. Ооржак Х.Д.-Н. Педагогическое содержание физической культуры народов Южной Сибири. - Кызыл, 1995.

121. Орус-оол С.М. Тувинские героические сказания. - М., 2001. - 422 с.

122. Панькин А.Б. Этнокультурный парадокс современного образования: Монография. - Волгоград: Перемена, 2001. -446 с.

123. Петрова Т.П. Отстаивание национальной идеи: историческая этнопедагогика. — М.: Прометей, 2000. — 197 с.

124. Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. - СПб., тип. В. С. Балашева, 1885, - 464 с.

125. Пирогов Н. И. Избр. пед.соч. - М., Изд. АПН. РСФСР, - 1952. - 702 с.

126. Портнягин И.С. Этнопедагогика «кут-сюр» о воспитании. - Якутск, 1999. - 184 с.

127. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. - М.: Наука,1969.- 402 с.

128. Ратцель. Народоведение. — СПб. - Т.II. - С.760.

129. Религии мира: Пособие для учащихся / Под ред. Я.Н. Щапова. - М.: Просвещение, 1994. - 192 с.

130. Родевич В. Урянхайский край и его обитатели. - Изд. Императорского Русского геогр. об-ва. 1912. - X L VIII, С. 129 - 189.

131. Роджерс. Творчество как усиление себя // Вопросы психологии. - № 1, 1990. - С. 164 - 168.

132. Сабирзянов Г.С. Партийное руководство народным образованием в Туве. - Кызыл, 1967.

133. Салчак К. Б. Преемственность тувинских народных традиций воспитания и современной педагогической культуры Тувы: Дисс. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. - Чебоксары - Кызыл, 1974. - 208 с.

134. Салчак К. Б., Салчак Л. П. Развитие тувинской народной педагогики. - Кызыл: Тув. кн. изд., 1984. -125 с.

135. Самбуу И. У. Тыва оюннар. - Тувинские игры. - 2-е дополн. и перераб. изд. - Кызыл: ТНУЧ, - 1992. - 112 с.

136. Самдан З.Б. Лики тувинской словесности: За фольклорным жемчугом. - Кызыл, 2001, Ч.1.- 114 с.

137. Сарыг-оол С.А. Повесть о светлом мальчике.- М.,1966. - С.75.

138. Семейная обрядность народов Сибири (Опыт сравнительного изучения). - М.: Наука, 1980.- 233 с.

139. Сердобов Н.А. Народное образование в Туве. - Кызыл, 1953.

140. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. - Кызыл: Тув. кн. изд., 1971. - 482 с.

141. Синявский Н.И. Этнопедагогика физического воспитания народов Севера ханты и манси в современной системе образования: дисс... д-ра пед. наук: 13.00.01. — Сургут, 2004.

142. Современный быт и этнокультурные процессы в Бурятии / Под ред. П. Т. Хаптыева. - Новосибирск: Наука, 1984. - 208 с.

143. Сказки и предания алтайских тувинцев / Сост. Эрика Таубе. - М.: Изд. фирма “Вост. лит” РАН, 1994. - 382 с.

144. Сказания о богатырях. - Кызыл, 1960. - С. 147.

145. Сузукей В.Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии. - М.: Издательский Дом «Композитор», 2007. - 408 с.

146. Сундуй Г.Д. Прогрессивные идеи и опыт народной педагогики в нравственном воспитании младших подростков: Дисс. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. - М., 1993. - 170 с.

147. Сундуй Г.Д. Народоведение 1-2 классы. Учебник-хрестоматия (на тувинском языке), 2003.

148. Сундуй Г.Д. Народоведение 3-4 классы. Учебник-хрестоматия (на тувинском языке), 2004.

149. Сундуй Г.Д. Народоведение 5-6 классы. Учебник-хрестоматия (на тувинском языке), 2005.

150. Сундуй Г.Д. Народная педагогика. Научно-методическое издание (на тувинском языке), 2004.

151. Сундуй Г.Д., Шаалы А.С. Ондар Г.Д., Монгуш В.Б. Улусчу ужурлар (Народоведение): [Электронное учебное издание] Учебный видеофильм для 1 класса (на тувинском языке). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008.

152. Сундуй Г.Д., Шаалы А.С. Улусчу ужурлар (Народоведение): [Электронное учебное издание] Учебный видеофильм для 2 класса (на тувинском языке). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008.

153. Сундуй Г.Д., Шаалы А.С. Монгуш В.Б. Улусчу ужурлар (Народоведение): [Электронное учебное издание] Учебный видеофильм для 3 класса (на тувинском языке). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008.

154. Сундуй Г.Д., Шаалы А.С. Улусчу ужурлар (Народоведение): [Электронное учебное издание] Учебный видеофильм для 4 класса (на тувинском языке). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008.

155. Сундуй Г.Д., Шаалы А.С. Улусчу ужурлар (Народоведение): [Электронное учебное издание] Учебный видеофильм для 5 класса (на тувинском языке). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008.

156. Сундуй Г.Д., Шаалы А.С. Улусчу ужурлар (Народоведение): [Электронное учебное издание] Учебный видеофильм для 6 класса (на тувинском языке). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008.

157. Сундуй Г.Д., Шаалы А.С. Удаль молодецкая: [Электронное учебное издание] Учебный видеофильм для 7 класса (на тувинском языке). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008.

158. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. - Киев, 1969.

159. Сухомлинский В.А. Павлышская средняя школа. - М., 1969.

160. Сухомлинский В.А. Нравственный идеал молодого поколения. - М.: Изд. АПН РСФСР. 1963. - 153 с.

161. Сухомлинский В.А. Потребность человека в человеке. - М.: Сов. Россия, 1981.- 96 с.

162. Тайчинов М.Г. Развитие национального образования в поликультурном, многонациональном обществе // Педагогика. - 1999. - №2. - С. 30-35.

163. Таланчук Н.М. Введение в неопедагогику. - М., 1991. - 181 с.

164. Титаренко А.И. Нравственные основы общения. - М., 1979. - 64 с.

165. Товуу Н.О. Этнопсихологические характеристики народа Тыва: теории и практика. - М., 2002. - 223 с.

166. Тока С.К. Слово арата. - М., 1972. - С.13

167. Традиционное воспитание детей у народов Сибири /Сб. ст. Инст. этнографии им. И. Н. Миклухо-Маклая АН СССР: Отв. ред. И. С. Кон. - Л.: Наука, 1988. - 252 с.

168. Традиционная культура народов Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1986. - 176 с.

169. Традиционная обрядность монгольских народов /Под ред. К. М. Герасимова. - Новосибирск: Наука, 1992. - 159 с.

170. Тувинские народные сказки /Перевод, составл. и примечания М. Ватагина. - М.: Наука, 1971. - 208 с.

171. Тувинские пословицы и поговорки: 2-й выпуск - Кызыл: Тув. кн. изд., 1966. - 175 с.

172. Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. - М.: Наука, 1985. - 191 с.

173. Ушинский К. Д. Собрание педагогических сочинений // Собр. соч. - М., Л., 1948. - т. 1. - С. 103.

174. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Собр. соч. - М., Л., 1948. - т. 2. - С. 69 - 167.

175. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. - М.: Высшая школа, 1989. - 156 с.

176. Ханбиков Я.И. История педагогики татарского народа. - Казань, 1975. - 162 с.

177. Ховратович Б.М. Нравственный идеал в хакасской народной педагогике: Автореф.... канд. пед. наук: 13. 00. 01. - Новосибирск, 1972. - 23 с.

178. Харламов И.Ф. Теория нравственного воспитания. - Минск, 1972.-125 с.

179. Хинтибидзе А.Ф. Идеи воспитания в грузинском народном творчестве: Автореф. ...канд. пед. наук: 13. 00. 01. - Тбилиси, 1967. - 46

180. Хомушку О.М. Эволюция и современное состояние религиозности в Туве: Дисс. ... канд. филос. наук: 09. 00. 06. - М., 1992. - 149 с.

181. Цаллагова З.Б. Этнопедагогическая афористика. - М., 1997. - 223 с.

182. Цивьян Т.В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам. - Тарту. - 1965. т. 2 . - 144 с.

183. Чулдум Ч.М. Примерные разъяснения терминов народной педагогики. - Кызыл, ТКИ, 1999. - 62 с.

184. Чуриков И.А. Этнопедагогика народа мари. - М., 2005. - 304 с.

185. Шаалы А.С., Доо Ч.С., Кушкаш Т. Т. Программа но народной педагогике для 7 класса «Прелесть девушки» //Экспериментальная программа «Народная педагогика» / Под ред. Г. Д. Сундуй. - Кызыл.: Тув. книжное издательство, 1995. - С. 38 - 43.

186. Шаалы А.С. Использование национального этикета в нравственном воспитании учащихся // Воспитание и развитие личности: Материалы Международной конференции / Под ред. В. Г. Горяниной - М. : ИРЛ РАО, 1997. - С. 143 - 146.

187. Шаалы А.С. Этнопедагогическая подготовка учителя к нравственному воспитанию учащихся тувинской школы на традициях народного этикета: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. - М., 1993. - 16 с.

188. Шаалы А.С. Место этнопедагогики в системе подготовки будущего учителя // Реализация этнопедагогических идей в образовательном пространстве России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (14-16 мая 2008 г.) В 2 ч. Ч.1. - Абакан: изд-во ХГУ им. Н.Ф.Катанова, 2008. - 192 с.

189. Шаалы А.С.Этнокультурная направленность содержания образования в Республике Тыва // Сибирский педагогический журнал. - Новосибирск: Изд. СО РАН, 2004. - №3. - С. 175-181.

190. Шаалы А.С. Тувинский этикет как этнопедагогический феномен // Этногенез и цивилизационные перспективы в образовании России: Материалы международной научно-практической конференции. - Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. -С. 463-469.

191. Шаалы А.С. Интеграция национальной культуры в учебно-воспитательный процесс вуза и школы / Юрта - традиционное жилище кочевых народов Азии: Тез. Международного Конгресса, Кызыл, «Билиг», 2004. - С. 32-38.

192. Шаалы А.С. Этнопедагогика: Учебно-методический комплекс для студентов педагогических специальностей. - Кызыл: изд-во ТывГУ, 2006. - 55 с.

193. Шаалы А.С. Кыстың бүдүжү - Девичий нрав: Учебное пособие для учащихся 7 класса (переработанное). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2007. - 105 с.

194. Шаалы А.С., Сундуй Г.Д. Девичий нрав: [Электронное учебное издание] Учебный видеофильм для 7 класса (на тувинском языке). - Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008.

195. Шабаева М.Ф. К вопросу о происхождении воспитания и возникновения школы // Советская педагогика. - №1, 1954.

196. Шадриков В. Д. Философия образования и образо-вательные политики.- М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. Издательская фирма «Логос», 1993. - 181 с.

197. Шаповалов В.К. Этнокультурная направленность российского образования. - М., 1997. - 176 с.

198. Шиянов Е.Н. Гуманизация профессионального становления педагога // Педагогика. 1993. - № 9. - С. 80-84.

199. Шоров И.А. Идеи умственного и нравственного воспитания в адыгском устном творчестве - Тбилиси, 1970.

200. Щуркова Н.Е. Педагогическая технология как учебная дисциплина // Педагогика. 1992. - № 2. - С. 66-70.

201. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды /Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, - М.: Педагогика, 1989. - 554 с.

202. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. - Минусинск, 1900. - 242 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава I. Теоретико-методологические основы этнопедагогики 6
1.1. Этнопедагогика: предмет, основные понятия, сущность, инварианты.....6
1.2. Этнопедагогика как педагогика национального спасения.....18
1.3. Народное воспитание и преемственность поколений 23
Глава II. Преемственность тувинских народных традиций воспитания и современной педагогической культуры тувинцев.....28
2.1. Преемственность в этнопедагогике и ее роль в развитии педагогической культуры 28
2.2. Идея преемственности и ее применение в изучении педагогики тувинского народа 32
2.3. Передача производственного опыта. Воспитание трудолюбия 44
2.4. Умственное воспитание в педагогических воззрениях тувинцев 51
Глава III. Нравственное воспитание в народной педагогике тувинского народа 60
3.1. Понятие, цель и содержание нравственного воспитания в этических представлениях тувинцев 60
3.2. Этнопедагогические смыслы тувинского этикета 68
3.3. Предпосылки нравственного воспитания на традициях народного этикета 86
3.4. Содержание, формы и методы нравственного воспитания учащихся на традициях народного этикета 88
3.5. Из опыта нравственного воспитания учащихся на традициях народного этикета 94
Заключение 108
Список литературы 110

Научное издание

ВОЛКОВ Геннадий Никандрович, САЛЧАК Красс Байыролович, Шаалы Алевтина Сугдуровна

ЭТНОПЕДАГОГИКА ТУВИНСКОГО НАРОДА

На русском языке

Научный редактор *В.Ю. Сузукей*
Редакторы *А.С Казанцева, С.М.Ондур*
Ответственный за выпуск *О.М. Баир*
Дизайн обложки *В.М. Балчый-оола*
Компьютерная верстка *Л.Д. Донгак*
Корректор *В.С. Кара-Сал*

Подписано в печать 06.07.2009. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура TTSchoolBook.
Физ. печ.л. 13,25. Тираж 300 экз.
Заказ № 1225.

Макет изготовлен в издательско-полиграфическом отделе «Билиг»
Института развития национальной школы
Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Тыва.
667011 г. Кызыл, ул. Калинина, 1б

Отпечатано в ГУП Республики Тыва «Тываполиграф»
667000 г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 1